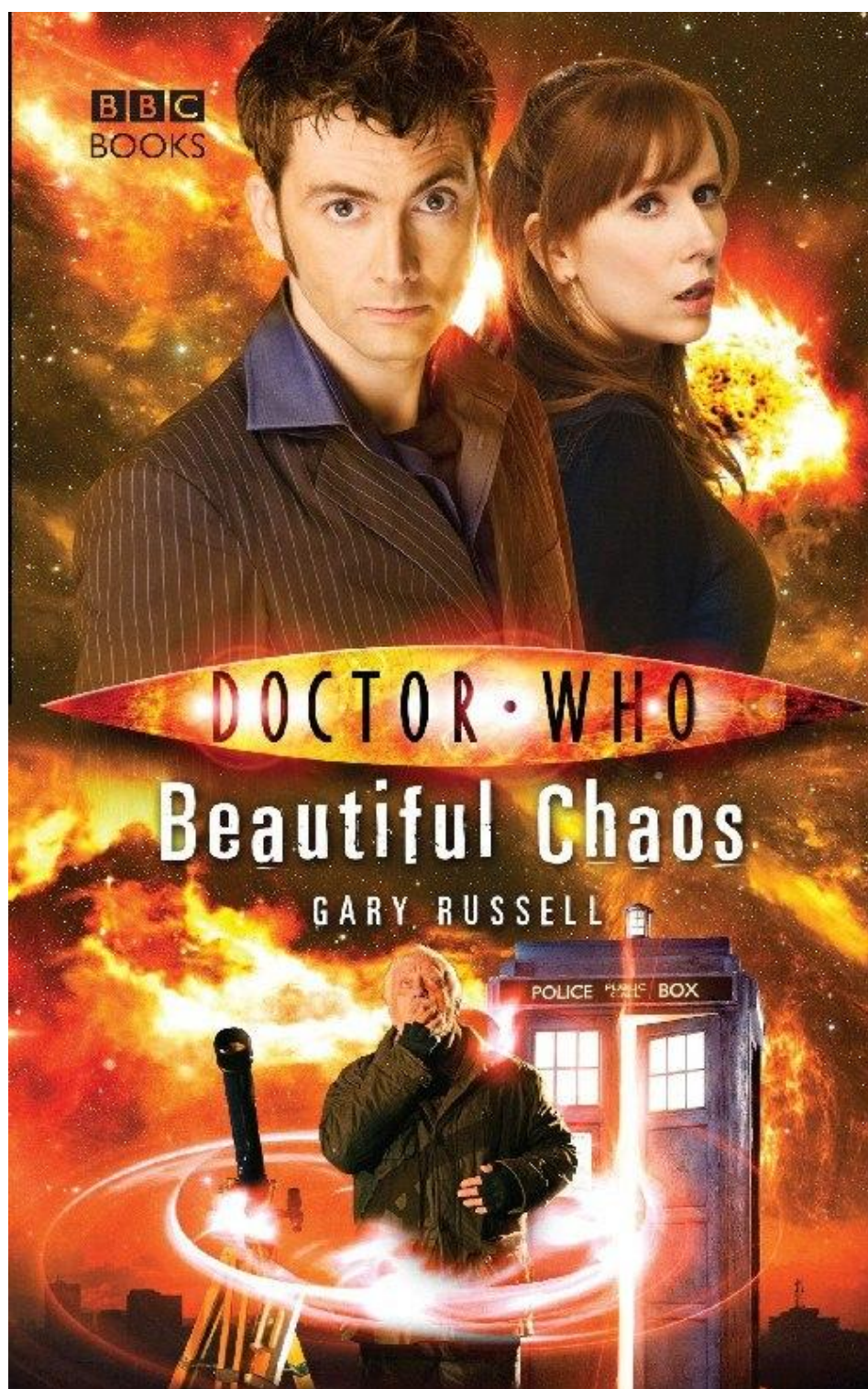

Прекрасный хаос

(Beautiful Chaos)

Гари Рассел

(Gary Russell)

Перевод: Ольга Алексеева

Донна Ноубл возвращается домой, чтобы поболтать со своей семьей и рассказать им все сплетни о своих путешествиях. А ее дедушка особенно вне себя от радости - он открыл новую звезду и назвал ее в честь себя. Он берет Доктора с собой в качестве своего специального гостя на церемонию наименования.

Но Доктор с подозрением относится к некоторым другим изменениям, которые он видит в небесах Земли. Особенно к той яркой звезде, вон там. Нет, не той - вон той, слева...

Население мира переводят на новый путь, новый способ мышления. Что-то приходит на Землю, древняя сила из Темных времен. Что-то могущественное, злое и всепоглощающее...

*Расселу и Джули за то,
что дали поиграть в песочнице...*

Однажды...

На холме шел дождь, постоянный стук капель ударял по огромному зонту для гольфа, как пули по жестянке. Сказать по правде, дождь шел везде, но вверху на холме, здесь, небольшой участок был единственным местом, где Уилфреда Мотта действительно интересовало то, что прямо сейчас идет дождь.

Когда бы дождь ни шел, он не мог не вспоминать. Тот ужасный, ужасный день, когда *он* пришел к дому, принеся Донну с собой. Без сознания, не в состоянии что-либо вспомнить. Ради ее собственной безопасности.

Уилф помнил тот последний вид Доктора, промокшего под дождем, его лицо со струйками воды, со свисшими волосами, одеждой, плотно прилипшей к его тощему телу. И его глаза, его глаза выглядели такими испуганными, такими грустными, такими потерянными. Такими, такими старыми. Они были похожи на глаза старика, заточенного в нелепо молодом теле. Таком несчастном. Таком одиноким.

Затем эта чудесная синяя будка исчезла, когда Уилф отдал ей честь.

И он никогда больше не видел Доктора.

Но это не остановило его от того, чтобы смотреть туда, вверх. Вверх, в ночное небо, на звезды, которые по-прежнему были там благодаря Донне. Вверх, на звезды, которые освещали бесчисленные планеты с бесчисленными жизнями, которые были обязаны своему дальнейшему существованию Донне Ноубл. Которая не знала – которая никогда не могла знать. Потому что если бы она знала...

Он не хотел думать об этом. Он не полностью это понимал, он просто доверял Доктору. Своей жизнью. И Доктор заслужил это доверие, потому что он спас их всех.

С космических кораблей в небесах, с рождественской звезды, с того огромного большого *Титаника*, с адипоузов, сонтаранцев и далеков.

И это были только те, о которых он знал. Но он знал от Донны, Донны, какой она была прежде, что было и множество других.

Он покачал головой от масштаба всего этого. И каким маленьким и незначительным по сравнению с этим он был. Но он на самом деле не был против этого. Потому что честь была в том, что он знал Доктора.

Он залез во влажный карман и вытащил старый кожаный бумажник. И из него он вытащил несколько фотографий.

На одной была Донна в день своей свадьбы, свадьбы, которая не состоялась. Донна думала, что она даже не добралась до алтаря, потому что бедный Ланс попал в историю с рождественской звездой, атакующей улицы Лондона. Ланс тогда умер – это была история, которую он ей рассказал. Действительно, эту историю Уилф рассказал всем. И еще он сказал Донне, что она была так травмирована смертью Ланса, что уехала в Египет, чтобы преодолеть шок.

Что бы ни сделал Доктор с ее воспоминаниями, это заставило ее мозг принять историю и найти способ совместить ее, так что она была убеждена, что это действительно было то, что произошло. Возможно, это было единственной хорошей вещью, которая вытекла из «несчастливого случая» – ее мозг сделал это, чтобы справляться так, вместо года или около того пустоты, если ты вложишь в нее мысль, она без вопросов могла дать ей разумное объяснение. Как головоломка, любые детали которой не подходили, просто придавали иную форму своим краям, чтобы убедиться, что они подходили, и формировали немного другую картинку, но такую, которую Донна не подвергла бы сомнению.

На другой фотографии была Донна со своей мамой и папой и ужин в День рождения ее папы в городе. Его последний День рождения, как оказалось.

На последнем фото была пожилая женщина в плетеном кресле со стаканом крепкого портера в руке, провозглашающая тост за фотографа.

Он вздохнул. Так много грусти в доме Ноублов за последнюю пару лет.

Он убрал фотографии и еще раз посмотрел в свой телескоп.

Не на что смотреть.

– Как там ночное небо? – спросил сзади голос.

– Привет, дорогая, – сказал Уилф, показывая, что вновь прибывшая должна присоединиться к нему под зонтом, – что ты здесь делаешь? Ты схватишь свою смерть.

– О, я в порядке, пап, – сказала Сильвия Ноубл, передавая ему термос. – Я принесла тебе чай и плитку шоколада.

Уилф с благодарностью взял термос, и они посидели немного в тишине, позволив дождю создавать над ними симфонию. Затем он свинтил крышку термоса и предложил его своей дочери. Она покачала головой.

– Донна делала это, – пробормотал он.

Сильвия кивнула.

– Я знаю. Может быть, мне нужно ей напомнить, и она снова начнет.

Уилф грустно пожал плечами.

– Уж лучше не надо. Просто на всякий случай.

Сильвия переменяла тему.

– Значит, никаких синих будок сегодня ночью нет?

– Сегодня нет. Но однажды я его увижу.

Настала пауза.

– Не все ли равно? После всего того, что он с нами сделал?

– Нет, дорогая, не все равно, – сказал Уилф, – мне нужно знать, что он там, все еще охраняет нас. Охраняет Вселенную. Потому что тогда я буду знать, что то, что Донна пострадала, стоило этого. Потому что без него мы не в безопасности.

– Слишком много веры, чтобы вкладывать ее в одного человека, папа, – тихо сказала Сильвия. – И много ответственности.

Уилф знал, что Сильвии Доктор не нравился, и не только из-за того, что случилось с Донной. Она чувствовала, что, если бы Доктор никогда не приходил на Землю, может быть, те далеки не пришли бы тоже. Это был старый спор, и они двое никогда не соглашались по поводу этого. В результате они старались не говорить о Докторе слишком часто.

– Он там, дорогая. Защищает нас. И марсиан. И венерианцев. И Бог знает кого еще, – он сделал большой глоток чая. – Возможно, тебе стоит вернуться в тепло, не так ли?

Сильвия кивнула и встала.

– Ты еще долго собираешься здесь быть?

– Нет, хочу остаться тут до одиннадцати, потом я вернусь назад.

– Донна предложила съездить завтра к Нетти.

Уилф опустил свой чай.

– Нет, спасибо, – быстро сказал он.

– Пап, тебе нужно иногда видаться с ней, – Сильвия протянула руку и сжала его руку. – Ради себя, если не ради нее.

– Тебе не следует давать Донне ехать, – сказал Уилф, – это не безопасно. Что, если она что-нибудь скажет про Доктора?

– Вряд ли. Даже если и скажет, Донна не поймет, а Нетти не сможет объяснить это.

Сильвия встала и пошла обратно под дождь. Потом она оглянулась на своего старого папу.

– Мы прошли через больше страданий, чем кому-либо следует, пап, – сказала она тихо. – Давай не навлекать на себя еще больше. Пожалуйста, приходи.

– Я подумаю об этом. А сейчас иди, пока не простудилась.

Сильвия указала вверх, на небо.

– Доктор тоже хотел бы, – сказала она.

Уилф повернулся к ней с недовольным взглядом.

– Это ниже тебя, милая. Пожалуйста, не надо.

Сильвия кивнула.

– Прости, пап.

И она пошла обратно с участков и вниз по холму.

Уилф смотрел, как она удалялась, пока она не скрылась из его вида, затем развернул свой шоколад и откусил от него кусок. Он повернулся, чтобы вновь посмотреть в телескоп, сердитый из-за того, что Сильвия прибегла к Доктору. Сердитый, потому что это был удар по больному месту. И сердитый, потому что Сильвия была совершенно права.

Слезинка скатилась по старой щеке Уилфа.

По стольким многим причинам.

Спустя месяц после того, как небеса сгорели...

Пятница

Терри Локворт проверил свой мобильный, но сигнала по-прежнему не было. Мария будет сыта им по горло – он должен был работать допоздна, но не мог дать ей знать. Без сомнения, спагетти по-болонски будут сегодня вечером в мусорном ведре. Опять. Бедная Мария – не ее вина, что он ей надоел, но что ему было делать? Они были женаты три месяца, у них был ребенок на подходе (пожалуйста, пусть это будет девочка), а денег не хватало.

Конечно, ее папа дал им взнос за квартиру в Бостонском Поместье, но были еще и ипотека, счета, предродовые классы, еда...

Терри покачал головой и положил в телефон карман. Перестань жаловаться, сказал он себе, и займись работой, тогда он будет дома в течение часа, если повезет. Что более важно, он выйдет из черного списка этого мобильного телефона в течение получаса, так что тогда он мог бы, по крайней мере, ей позвонить.

Он поднял свой ящик для инструментов и вытащил кусачки, отрезал пластиковое покрытие с медного кабеля и отрезал провода. Потом он выдернул старые провода из соединительной коробки и вытянул длинный тонкий виток волоконной оптики из ящика для инструментов. Это была интересная волоконная оптика (ну, хорошо, только Терри нашел бы ее интересной), потому что она была еще тоньше обычной. Новая система, разработанная американцами (всегда они), и это здание было первым в Великобритании, которое их использовало. Терри отправили на курсы в Нью-Йорк шесть месяцев назад, чтобы узнать о системе. Это было весело – множество ночей в городе с Джонни Бейтсом, узнавая, действительно ли это был город, который никогда не спал. Часто они добирались до подготовительных курсов на следующий день, страдающие с похмелья, но счастливые.

Терри был достаточно разумным, чтобы знать, когда устраивать вечеринку, а когда подчиниться и выполнить работу, и они с Джонни вернулись в Англию, аттестованные для работы по установке этой новой волоконной оптики, благодаря которой они оба пользовались спросом у своего босса и заработали небольшой бонус.

Им обещали еще один бонус, если они сделают эту работу и, честно говоря, он становился под стать деньгам в банке. Укладка кабеля была легкой, но удаление медного кабеля занимало время.

Джонни был на пару этажей выше него, ближе к демонстрационному номеру. Они бросили монетку, чтобы посмотреть, кто проведет время в компании с важными персонами, получит шанс стащить чашечку чая у секретарей и агентов полиции и получит задние лестницы и коммуникационные коридоры. Терри, конечно, проиграл. Никакого чая для него.

Он вытащил отвертку из пояса для инструментов и начал открывать последнюю соединительную коробку, насвистывая что-то, что он слышал по радио по приезде. Что угодно, чтобы скоротать время.

Если бы он оглянулся на работу, которую он выполнил, он мог бы с удивлением заметить, что оптико-волоконные провода, которые он вмонтировал в предыдущие соединительные коробки, странно светились.

Провода, которые фактически не были соединены с источниками энергии, редко светились. Честно сказать, никогда. Этого просто не было. Да и с чего бы? Как это могло быть?

Но это происходило: крошечные фиолетовые импульсы энергии, резко мерцающие вверх и вниз по кабелям. Почти как кровь, прокачиваемая через вены огромного электронного создания.

Терри не заметил этого, потому что он смотрел вперед, смотря, куда он пойдет дальше, а не туда, где уже был.

К несчастью. Не только для Терри Локворта, чьи спагетти по-болонски действительно были не съедены в тот вечер, но и для всей человеческой расы.

Терри затянул последний кусок оптико-волоконных кабелей в последней соединительной коробке и завинтил ее в последний раз, улыбаясь самому себе. Вверху Джонни должен был получать доказательство, что кабели были готовы, и его мониторы скажут ему, что все готово работать.

Когда Терри закончил подтягивать последний винт, большая молния инопланетной энергии пробежала через его отвертку, его руку, все его тело. Она двигалась так быстро, что, к тому времени, когда мелкие обугленные хлопья – все, что осталось от Терри – упали на землю, отвертка только начала падать из винта.

Конечно, Терри повезло. Умереть так внезапно, жестоко и эффективно, он избавился от того, что было в последующие несколько дней.

Но он, вероятно, так не считал бы.

Наверху, в номере люкс пентхауза, Джонни Бейтс соединял все компьютеры в главном сервере администратора в гостинице «Оракул», сияя, как маяк, от архитектурного великолепия, которым был Западный Деловой Район Развития, широко известный, как Золотая Миля, с левой стороны автомагистрали М4 из Лондона.

Но для человека, который владел гостиницей, Джонни был просто маленьким человеком в сером комбинезоне, делающим что-то с проводами.

Дара Морган, согласно биографиям, которые он внимательно утверждал на сайтах своей компании, сколотил свой первый миллион в Дерри, когда ему было всего двадцать шесть, создав популярный музыкальный сайт-торрент, позволявший дешевые загрузки в шесть раз быстрее принятых скоростей и с качеством МП3 в четыре раза выше принятого.

Музыкальная индустрия любила его. Покупатели любили его. Правительство любило его. Его мама любила его (ну, он считал, что любила; они сейчас не разговаривали много в связи с тем, что она хранилась в серебряной урне на каминной полке рядом с его папой).

И деловой мир любил его. Четыре года спустя, и МорганТек был консолидацией, идущей следом за ДРБУ, приносящей работу и развитие в Хонслоу, Остерли и все остальные области Лондона между Брентфордом и аэропортом Хитроу, о которых он никогда не слышал перед тем, как купить землю.

С личным портфолио около 65 миллионов фунтов, он был в одном шаге от мега-звезды, уже выпивая вино и обедая с Трампами, Гейтсами, де Ротшильдами, Гетти и еще полудюжиной влиятельных лиц с непроизносимыми именами во всем мире. На самом деле имена не были непроизносимыми, но Дара Морган не мог утруждать себя, чтобы запомнить их. Они просто не имели для него достаточного значения.

Что имело для него значение прямо сейчас, так это приготовление номеров своей новой гостиницы для демонстрации своего нового портативного компьютера. А маленький человек в грязном сером комбинезоне не торопился.

– Кейт? – он щелкнул пальцами, и мощно одетая рыжеволосая с тонкими металлическими очками и на безумно высоких каблуках не спеша подошла.

– Мистер Морган, сэр?

Дара Морган указал на мужчину в сером комбинезоне.

– Сколько еще? – спросил он, его слабый северный ирландский акцент был необычно раздражителен.

Кейтлин кивнула и пошла спросить человека об информации.

Дара Морган улыбнулся про себя, наблюдая, как идет Кейтлин. Он ценил ее по многим уровням, но ее красота была очень высоко в списке.

Все в его организации были из Дерри или близлежащих районов Северной Ирландии. Что важнее, они все были людьми, с которыми он вырос. Все они слышали истории от родителей и старших братьев и сестер о борьбе, убийствах, чести. Марши, войска, взаимные обвинения и избиения.

Для Дары Моргана это была история, что-то почти из другого века. У его поколения не было времени заботиться о Битвах больше, чем они заботились о картофельном голоде или об Оливере Кромвелле. Это была древняя история. Дара Морган и МорганТек были будущим. Во многих отношениях.

Он запустил руку в свои волосы длиной по плечи и вынул свой мобильник, остановившись, чтобы почувствовать запах шампуня на пальцах.

Было так важным быть чистым. Выглядеть хорошо и лучше пахнуть. В школе это диагностировали как форму обсессивно-компульсивного расстройства, как будто навязчивое принуждение мыть свои руки каждый раз, когда он соприкасался с другим человеком, было чем-то плохим! Люди переносили микробы и, несмотря на то, что он ни секунды не думал, что будет свален с ног малярией, просто пожав руку незнакомцу, не было необоснованным ухаживать за собой так часто.

Школа никогда его не понимала, смутно вспомнил он. Она была слишком мала, может быть, слишком сосредоточенна на учебных планах, расписаниях и спорте.

Он не мог дождаться, когда уйдет, и так и сделал в ту же минуту, когда закончил свои экзамены. Никакого шестого класса, колледжа или университета. Сразу в бизнес, сразу в информационные технологии, будущее мира и создание МПЗ системы для отшельников, которые думали, что «Большой Брат» и «Х-фактор» были концом и началом всей телевизионной культуры. Они были ему, конечно, нужны, потому что они помогли ему достичь своего потенциала – они были первыми ступенями на пути к успеху. К правлению миром через бизнес.

У него не было желания действительно править миром, он был слишком

полон глупыми людьми, борющимся за нефть и землю, и Бог был разумным планом, чтобы ей управлять. Но он мог господствовать в технологиях, выпроводить современных так называемых гигантов и купить доступ к домам и рабочим местам каждого на планете.

Этого было достаточно.

И на завтрашней демонстрации для прессы этот план сделает свой первый шаг.

Кейтлин вернулась и сказала, что мужчина ждал звонка от другого человека в какой-то зоне обслуживания на мансардном этаже, и затем он закончит.

Дара Морган бросил взгляд – человек в комбинезоне пытался позвонить.

– Скажи своему другу, – Дара Морган сказал Кейтлин, – что он не дозвонится до своего коллеги. Зоны обслуживания заблокированы для сотовых сигналов. Скажи ему использовать терминал. Если волоконная оптика подключена, она напрямую свяжется с мобильным его коллеги.

Кейтлин кивнула и передала сообщение.

Дара Морган смотрел, как мужчина в комбинезоне вставлял оптико-волоконное соединение в заднюю часть ноутбука и набрал через него номер.

Вспыхнул яркий фиолетовый свет и там, где рабочий стоял на коленях, была теперь лишь груда пепла. Донесся жженый едкий запах, и Дара Морган с отвращением поморщил нос. Сгоревшая плоть, расплавленная ткань и пот. Отвратительно.

– Ну, – сказала Кейтлин, – это хорошее предзнаменование.

Дара Морган громко хлопнул руками, и все остальные в помещении, которые не приняли во внимание смерть Джонни Бейтса, повернулись к нему лицом.

– Люди, кажется, гостиница связана проводами. Или стоит сказать, волокном.

Последовало вежливое журчание смеха.

– Завтра мы поглотим мир.

– Эй!

Слово/фраза/гортанный звук, который выплюнули со всплеском возмущения, характерной особенностью сарказма и большим глотком громкости.

Не важно, как сильно он бы не пытался, Доктор не мог не вздохнуть каждый раз, когда слышал его. Обычно из-за того, что возмущение, сарказм и особенно громкость были все нацелены в его направлении.

Он вздохнул и обернулся к Донне Ноубл, королеве «Эй».

Но ее там не было.

Просто ТАРДИС, припаркованная между двумя городскими мусорными баками. Довольно аккуратно, сказал он себе.

О.

А.

Да.

– Прости, – сказал он двери ТАРДИС, потом вернулся и отпер ее, обнаружив стоящую на пороге Донну, – я считал, что ты уже снаружи.

– Какая часть от «Я прямо позади тебя» не имела смысла? – спросила Донна ну-очень-вежливо, с характерным качанием головой, которое на самом деле значило, что она вовсе не чувствовал себя такой вежливой. – Какая часть от «Подожди меня» обошла твой слух? Какой отрезок от «Я просто надену что-нибудь красивое испарился в небе?

Для Доктора не было никакой возможности отвертеться от этого. Так что он просто пожал плечами.

– Я сказал «прости».

– «Прости»?

– Да, «прости». Что ты хочешь еще?

– Ты просишь прощения за то, что не слышал меня? За то, что закрыл меня в твоём инопланетном космическом корабле? Или за то, что ты даже не заметил, что меня не было с тобой?

Каждый раз Донна ударяла слово «прости» так, что оно звучало как самое наименее извиняющееся слово в английском языке и приобретало абсолютно новое значение, над точным смыслом которого лингвисты могли бы спорить следующие двенадцать веков.

– Я это никак не выиграю, – сказал Доктор, – так что я просто оставлю это дело в покое, хорошо?

Донна открыла рот, чтобы заговорить снова, но Доктор наклонился и положил палец на ее губы.

– Тсс, – сказал он.

Донна утихла.

И подмигнула.

– Я выиграла!

И затем одарила его фантастической и удивительной усмешкой, как она всегда делала, когда дразнила его – и он испустил вздох, который признавал, что его вновь подловили.

Это была игра. Игра, в которую два друга, которые прошли вместе через столь многое, инстинктивно играли друг с другом.

Дружественные отношения, дружелюбие и веселье. Д, Д и В, которые суммировали время, разделенное двумя искателями приключений.

Она проскользнула руку вокруг его руки и притянула его поближе.

– Так что за подробности, Тоший?

Доктор кивнул на Чизик Хай Род и суматоху движения и быстро вытащил ее на главную улицу, готовую затерять в толпе.

Вот только никакой толпы не было. Действительно, вокруг них было на самом деле вовсе не очень много людей, только пара детей на скейтбордах на противоположном тротуаре и старик, выгуливающий свою собаку.

Доктор поднял другую свою руку.

– Дождя нет, – сказал он.

– Какая наблюдательность, Шерлок, – сказала Донна. – Воскресенье?

– Ты хотела пятницу, пятнадцатого мая 2009-го, Донна. И я настроил ТАРДИС на это.

Донна засмеялась.

– В этом случае, это, вероятно, воскресенье августа 1972-го.

Доктор сунул голову в газетные киоски, улыбаясь человеку за углом, который слушал свой МПЗ-плеер и полностью игнорировал потенциального клиента.

Доктор посмотрел на ближайшую газету.

– Пятница, 15 мая 2009 года, – подтвердил он Донне.

– Тогда где же все?

– Может быть, обеденное время, – предположил Доктор, – или, может, Чизик больше не центр общества, каким он был месяц назад. Пойдем к тебе?

– Ты идешь?

Доктор выглядел так, словно мысль о том, чтобы не идти с Донной, и не приходила ему в голову.

– О. Хммм. Ну, я собирался.

– Доктор, почему мы здесь?

– Сегодня первая годовщина смерти твоего отца.

– И, я уверена, моя мама благодарна тебе за спасение мира от сонтаранцев, но не думаю, что она будет вне себя от радости видеть тебя, в особенности сегодня.

– Твой дедушка будет рад.

– Да? Хорошо, возьми его с собой на пинту сегодня вечером в «Хижину пастуха», но начнем с того, что я хочу увидеть их сама, – Донна все еще держала его руку и осторожно ее сжала. – Ты понимаешь, правда?

Он улыбнулся. – Конечно, понимаю. Даже не думал. Извини.

– Давай не будем опять начинать? – Донна отпустила его руку. – Я куплю цветы и пойду домой. Почему бы мне не встретить тебя здесь, в это же время, завтра?

– Здесь. Завтра. Продано, – Доктор подмигнул ей и начал уходить. – Хороший цветочный магазин там, на углу, – крикнул он, – спроси Лоретту и скажи, что тебя послал я.

Он повернул за угол и исчез.

Донна вздохнула и пошла в том направлении, которое он указал.

Год назад. Сегодня.

Адипоузы. Пайровили. Уды с мозгами в руках. Даже сонтаранские отверстия для кормления, Хат и говорящие скелеты – все казались простыми в сравнении с тем, что должно было случиться этим днем.

Потому что сегодня днем Донна должна была вернуться и быть там ради своей мамы и вновь прожить не только последний год, но и последующие дни и недели, похороны, разговоры с людьми, памятники, объявления в газетах, улаживание финансовой стороны вопроса, нахождение завещания... Ничто из этого не было легко для мамы Донны. Не было это легко и для Донны, честно сказать, а год назад это было бы ее основной мыслью. Донна Ноубл, ставящая на первое место себя. Но не сейчас – всего лишь короткое время с Доктором показало ей, что она не та женщина, которой была тогда.

И дедушка, бедный дедушка, возвращающий воспоминания о бабушкиной смерти; он не сдавался ради всех, пытаюсь разобраться с адвокатами, распорядителями похорон и тому подобными.

Не то чтобы мама была слабой или хилой – Сильвия Ноубл не была такой, и они были готовы к смерти папы, ну, насколько ты можешь быть готов, но это все равно не давало ей покоя. Она видела это в глазах своей мамы, как будто кто-то отрезал руку или ногу, и мама просто справлялась, как могла. Они были женаты тридцать восемь лет.

Донна вздохнула.

– Я скучаю, папа, – сказала она вслух, когда остановилась возле прачечной с названием «У Лоретты».

Ее телефон загудел сообщением, она прочитала его.

ХММ. НА САМОМ ДЕЛЕ, МОГ ОШИБИТЬСЯ. ЛОРЕТТА МОЖЕТ И НЕ БЫТЬ ЦВЕТОЧНИЦЕЙ. ПРОСТИ.

Как он это сделал? Насколько Донна знала, у него даже не было мобильного. Может быть, та звуковая отвертка? Было ли хоть что-то, что она не могла сделать?

Засунув телефон обратно в карман своего пальто, Донна решила, что ей лучше направиться к Тернхем Грин. Она знала, что там был цветочник.

Мужчины. Инопланетные мужчины. Большинство из них бесполезны.

Люкас Карнес ненавидел технологии. Что, по словам всех его приятелей, делало его немного странным. У его мамы был компьютер, но Люкас, если возможно, избегал его использования; за исключением того, что он один раз напечатал школьные сочинения, он писал их обычным письмом. У него был МПЗ-плеер, на который его младший брат (которому было восемь) приходилось загружать для него музыку. И лучше даже не начинать говорить о проблемах, связанных с использованием ДВД-Р.

Он был – решил он на свой пятнадцатый День рождения – пережитком прежнего времени, когда технически подкованные парни назывались компьютерными фанатами, и девчонки обходили их за километр. К сожалению для Люкаса, большинство девчонок, которых он знал, хотели парня, который мог скачать музыку в двадцати шагах и разблокировать мобильный телефон из сомнительного киоска в Шеперд Буш Маркете.

Так что у Люкаса не было девушки.

Что лишь разжигало его горячую ненависть к технике. Он признавал, что она была ему нужна, он просто не хотел понимать ее. Его мозг не был смонтирован для того, чтобы понимать сжатие для МПЗ и системы слежения GPS. Он просто хотел нажать кнопку ВКЛ, и чтобы все работало. Разве не для этого возрастная группа его мамы прошла через все эти первое, второе и третье поколения? Чтобы он мог нажимать кнопки, и все работало, не устаревая через шесть месяцев и становясь бесполезным через двенадцать. По телевизору говорили о днях, когда ты мог бы просто щелкнуть пальцами, и двери бы открылись, когда ты мог бы войти в комнату и сказать «свет», а компьютер все бы включил, как раз до нужной степени.

Боже. Он был своей бабушкой! Следующим, что бы он говорил, было бы, что он не понимает поп-музыку, и какого пола был тот человек в «Поп-мире»?

Пятнадцать, а не пятьдесят, Люкас.

Так почему он стоял в местном отделении «Дисконт Электроникс», смотря демонстрацию новейшего процессора четвертого поколения на каком-то ноутбуке, тоньше куска картона?

Потому что его брат, его восьмилетний, технически подкованный брат Джо попросил его. Ну, строго говоря, его попросила мама. Когда папа Джо ушел, как и папа Люкаса перед ним, старший мальчик стал де-факто отцом своему младшему брату. Что устраивало его, потому что втайне он обожал Джо, но не то чтобы он когда-нибудь это говорил. И потому что младшие братья должны знать, кто хозяин, и власть Люкаса была бы потеряна при первом знаке слабости.

И Джо вел себя очень плохо после того, как ушел его папа, попадая в неприятности в школе и в поместье, и маму дважды навещала полиция.

Так что Люкас отвел Джо в сторонку и объяснил, как только мог, восьмилетнему, что мама не была виновата в том, что его папа ушел, и Джо тоже, а валяние дурака со старшими ребятами, помогая им воровать машины и все такое прочее, не помогало маме.

Спустя несколько месяцев Джо успокоился. Но теперь он все время цеплялся к Люкасу и жаловался, если его старший брат не брал его всюду с собой. Люкас даже начал брать Джо в начальную школу, прежде чем отправиться в Парк Вейли Хай. Что мама безмерно ценила, так что это было хорошо.

Но иногда Люкас и сам хотел жаловаться, побыть одному, не быть ответственным.

И сегодня был такой день, но он был здесь с Джо, смотря эту новую демонстрацию вместе с тридцатью остальными людьми, засунутыми в магазин, который, возможно, благополучно вмещал в себя максимум десять человек. Помогите им Бог, если здесь будет пожар.

Крупная (во всех направлениях) женщина передвинулась перед ними, так что Люкас подсадил Джо на руках, чтобы он мог лучше видеть. Это значило, что Люкас не видел ничего. Так что, пока Джо (насколько тяжелым он становился?) сосредоточенно смотрел, взгляд Люкаса блуждал по магазину.

Тощий парень в синем костюме печатал вдали на демонстрационном ноутбуке, который, может быть, будет устаревшим к концу сегодняшнего дня. Парень искал что-то в интернете – Люкас видел повторявшиеся экраны, показывающие поисковую систему (ууу, технический термин!), – и хмурился. Он явно не получал результаты, которых хотел.

Мужчина залез в карман и вынул блестящую трубку, похожую на маркер, и указал ей на экран. Сначала Люкас подумал, что он будет писать на экране ноутбука, но вместо этого конец ручки засветился голубым, и Люкас с изумлением смотрел, как изображения на экране загружались и изменялись с феноменальной скоростью. Нет, с невозможной скоростью. Человек в синем костюме достал толстые черные очки из другого кармана и надел их, начав сосредоточенно смотреть на изменяющиеся экраны. Конечно, он не мог так быстро читать?

Ему стало известно, что Люкас за ним наблюдает, и он улыбнулся, почти робко. Блестящая ручка отправилась обратно в карман, очки – в другой.

Люкас понял, что его рот открыт, так что он закрыл его.

Парень в Синем Костюме подмигнул Люкасу и собирался выйти из магазина, как вдруг наклонился и поднял листовку о демонстрации, которую смотрел младший брат Люкаса. И потом он посмотрел на толпу и начал бродить по магазину.

Люкас быстро переключил свое внимание обратно на демонстрацию. Или, по крайней мере, на затылок Толстой Дамы.

Послушав несколько минут какую-то блондинку, гундосящую о том, какой революционной была новая компьютерная система, Парень в Синем Костюме пожал плечами и пробормотал что-то вроде «невозможно» и «не на этой планете» и «противоречит Восемнадцатому Протоколу Прокламации Теней», и в этот момент Люкас решил, что, блестящая ручка или нет, но этот человек, наверное, псих. Может быть, ему следовало бы увести Джо от него, просто на случай, если у этого парня был нож.

Люкас наклонился вперед, чтобы прошептать Джо на ухо, что, может быть, пора домой, как Парень в Синем Костюме толкнул его.

– Так, значит, все внутри всех магазинов электроники, да?

– Извините?

– Улицы совсем пусты. Когда я по ним шел, я понял, что все были в магазинах, как этот, и смотрели эти демонстрации.

– Сегодня запуск, – Люкас обнаружил, что он объясняет, – всем интересно.

– Но тебе – нет, – ответил Парень в Синем Костюме.

Люкас пожал плечами. – Интересно моему брату.

– А. Понятно.

Люкас попытался отойти, но был окружен еще одним мужчиной с одной стороны и Толстой Дамой спереди.

Парень в Синем Костюме снова достал свою блестящую ручку.

– Не обращай на меня внимания, – сказал он.

Но Люкас обращал на него внимание. Много.

– Почему вы здесь? – спросил он.

Парень в Синем Костюме пожал плечами. – Ну, во-первых, я отпускаю подружку сходить ненадолго домой. Во-вторых, я интересовался, почему все были здесь. И, в-четвертых, сейчас я действительно обеспокоен технологией в том ноутбуке.

Люкас знал, что он об этом пожалеет.

– А в-третьих?

– В-третьих? – Парень в Синем Костюме выглядел смущенным, а потом улыбнулся, как если бы что-то вернулось обратно в его голову.

– О, да, в-третьих, я пришел в поисках тебя, Люкас Самуил Карнес, – он протянул руку, – я Доктор, и я здесь, чтобы спасти твою жизнь.

Дара Морган медленно потягивал кофе. Частично потому, что это показывало, что у него хорошие манеры, и частично потому, что он был слишком горячим, чтобы делать что-либо еще. Но, вероятно, для господина Мураками и его делегации это выглядело, как хорошие манеры.

– Итак, мистер Морган, – говорил японский банкир, – мы заключили сделку?

Голубые глаза Дары Моргана озорно мигнули, когда он взглянул на Кейтлин, стоящую рядом с дверью кабинета. – Что думаете, Кейт?

Кейтлин подошла, ее длинные ноги и короткая юбка, несомненно, привлекали внимание некоторых из окружения Мураками, но, как заметил Дара Морган, не его самого.

Хорошо.

– Я думаю, это хорошая сделка, сэр, – промурлыкала она. – Если Мураками-сан может распространить М-ТЕК на Востоке к воскресенью, это будет... превосходно.

Дара Морган смахнул с глаз волосы.

– Меньше чем два дня, 3:30 дня по токийскому времени. Выполнимо?

Мистер Мураками нахмурился. – Почему воскресенье? Это смешно короткое извещение.

Дара Морган просто улыбнулся.

– Скажем так, это то, от чего зависит вся сделка. Мне нужна эта гарантия, Мураками-сан, или я пойду куда-нибудь еще.

– Но, в таком случае, у вас еще меньше возможности, что сделка будет принята к сроку, – сказал японец.

Дара Морган кивнул. – Я знаю. Но давайте посмотрим правде в глаза, с теми деньгами, которые сделает М-ТЕК, более маленькие компании, чем ваша, возможно, более голодные, пройдут эту лишнюю милю, чтобы удовлетворить моим... удовлетворить требованиям МорганТека, – он прихлебнул кофе еще раз. – Это будет в контракте, с пунктами штрафа.

– И он будет?...

– Катастрофичным. Для всей Японии.

Люди мистера Мураками придвинулись на дюйм ближе к нему.

– Это была угроза, мистер Морган? – мягко спросил он.

– Нет, – сказал Дара Морган, – я не угрожаю. Угрожают варвары. Угрожают идиоты. Я просто констатирую факты.

– Это прекрасная возможность, – вмешалась в разговор Кейтлин. – Пожалуйста, подумайте над этим за ужином. Сегодня вечером. За наш счет.

– Увы, мы не можем к вам присоединиться, – добавил Дара Морган, – но вы вправе выбрать любой ресторан в Лондоне, который вам нравится, и все расходы будут покрыты МорганТек. Я правда настаиваю.

– Все расходы?

– Относительно еды и питья, да.

– А. В таком случае, вы получите мой ответ сегодня, около полуночи.

Мистер Мураками встал, и Дара Морган сделал то же самое, сразу сделав легкий поклон. Мистер Мураками ответил так же, в уважении поклонился и Кейтлин, и она кивнула ему и остальным в его компании.

Когда формальности были завершены, японская делегация направилась к двери номера, но мистер Мураками обернулся в последний раз. – Seriously, почему воскресенье? Почему в 3:30 пополудни?

– Потому что кое-что случится по всему земному шару в понедельник в 3 часа дня по британскому времени. Это 11 часов по токийскому времени. Но нам всем нужно, чтобы сделки были приняты. Я тоже заключил сделку,

видите ли, но это как цепочка в покупке недвижимости: разбивается одно звено, и рушится вся сделка. И тогда мы все пострадаем.

– Все?

– Повсеместно.

Дара Морган бросил косой взгляд на Кейтлин, и она немедленно пошла сопроводить мистера Мураками из помещения.

Минутой позже японцы ушли, и Кейтлин вернулась к Даре Моргану. Он стоял возле огромного венецианского окна с громадным панорамным видом на Западный Лондон. Он видел стадион Уэмбли, Центрпойнт¹, Лондонский Глаз и другие высокие строения Лондона.

– Понедельник, – улыбнулся он, – и эта планета принадлежит мадам Дельфи.

Кейтлин кивнула.

– Наконец-то. Месть за ней.

Они взяли друг друга за руки и держали крепко, смотрели на мониторы компьютеров, которые, казалось, еле слышно напевали мелодию, заставляя колебательные сигналы на одном из экранов пульсировать частично в такт.

– С возвращением, – вместе сказали ей они.

Донна стояла в конце Бруксайд Роад и глубоко вздохнула. С тех пор, как она в последний раз здесь была, не прошло много времени (на самом деле для ее мамы, возможно, прошло немного меньше времени), но каждый раз, когда она «приходила домой», были неловкие моменты. «Где ты была?» и «Ты все еще слоняешься с тем ужасным Доктором?», «Почему ты не звонишь?» и «У тебя еще нет работы?».

Конечно, дедушка Уилф знал, где она была, она рассказывала ему все с самого начала. Но ее мама, она не была кем-то, кто понял бы. Не была тем, кто подумал бы, что спасение удов, прекращение войн поколений или гарантирование того, что Карл Великий встретит Папу Римского, на самом деле равнялось «хорошей» работе печатания записей или размещения заказов на канцелярские товары.

Сделав глубокий вдох, она направилась к дому, который на самом деле не был ее домом слишком долго.

¹ Офисное здание (прим. переводчика).

После ее катастрофической свадьбы и не такой катастрофической поездки в Египет ее родители переехали из своего террасированного дома, где выросла Донна, в этот новый дом, имеющий общую стену с соседним домом. Это было переворотом, словно составленным Донной, не имеющей работу, и Уилфом, изначально злым, потому что он думал, что ему придется оставить своих астрономических приятелей. Как выяснилось, до наделов, конечно, было легче добираться из нового дома, так что, в конце концов, он был доволен.

Но папа Донны был нездоров долгое время, и во многом переезд был его идеей, его желанием найти какое-то новое место, чтобы жить, бросить ему небольшой вызов. Ему стало скучно в старом доме. Он построил все шкафы, повесил полки на все стены, покрасил все потолки, на которые только был способен, и нуждался в чем-то новом, чтобы поддерживать его деятельным с тех пор, как его болезнь заставила его рано уйти на пенсию. Прибирать новое место для довольно строгих определений мамы было бы нужной задачей.

Они пробыли здесь три месяца до того, как папа умер. Донна и Уилф приняли на себя ответственность делать все эти странные работы, которые собирался сделать папа, но все никогда не было абсолютно правильным, все не было таким, «как это сделал бы твой папа». Что было совсем неудивительно – Уилф был на двадцать с лишним лет старше, а Донна никогда в жизни раньше не держала в руках кисть или молоток.

Боже. Насколько мелкой была Донна до того, как снова встретила Доктора? До того, как научилась не просто стоять на своих двух ногах, но и поняла, что может. Ее семейная жизнь была настоящей ситуацией с курицей и яйцом. Она была бесполезна дома, потому что ее родители позволяли ей быть, или ее мама думала, что она была бесполезна, потому что она была?

И разговор об этом, разговор о чем угодно с Сильвией Ноубл редко был положительным опытом. Донна очень хотела бы сказать, что ожесточение и чувство обиды ее мамы были из-за папиной смерти, но правда была в том, что Сильвия всегда была разочарована в своей дочери. Она редко скрывала это. И Донна никогда не понимала, почему. Она хотела сына? Она хотела юриста высокого полета или дочь – представительницу компании, которая была бы достаточно богата, чтобы отправить своих родителей жить за город в маленьком коттедже шестнадцатого века, где они могли бы держать коз? Стало ли хуже с тех пор, как умер папа? Было бы лучше, если бы она вышла замуж за Ланса? Должна ли она была сказать ей

правду о том дне? Как недавно она сказала бабушке? Может быть и нет, потому что Сильвия не любила, когда люди были открытыми и честными. «Эти мягкотелые люди, которые носят свои сердца у себя на рукавах» – была аналогия, которую она однажды привела, и это подытоживало ее мнение о людях, которые действительно были честными.

Донна помнила, что однажды читала статью в журнале о родителях, которые никогда не надеялись по-настоящему понять подростков, и их лучшим выбором гармоничной жизни было терпеть их три или четыре кошмарных года. Но было ли там руководство для сыновей и дочерей о том, как иметь дело с недоброжелательными родителями? Спорить с мамой было невозможно – у них были встроенные кнопки «чувство вины», которые запрещали тебе говорить все то, что ты хотел им сказать, что бы они ни бросали в твой адрес.

Донна любила свою маму, в этом не было никаких сомнений. И она не сомневалась, что Сильвия Ноубл любила свою дочь.

Она просто не была полностью уверена, что они действительно настолько любили друг друга.

– Привет, Донна, – окликнула миссис Болдри с противоположной стороны, – хорошая была поездка?

– Да, спасибо, – Донна улыбнулась в ответ. – А как Сеймур?

– О, хорошо. По-прежнему жалуется на свою простату, – проохала соседка.

Донна думала, что беседа закончилась, поскольку она, если честно, хотела, чтобы она закончилась, и ускорила темп по пути к дому.

Возле фонарного столба сидела кошка, настороженно наблюдая за тем, как приближалась Донна, не вполне уверенная, была ли она другом или врагом. Донна издала пискливые звуки, чтобы привлечь ее внимание.

Кошка удрала.

Ну вот.

Мамина машина была на дороге (в тебе есть энергия, мама, используй ее), и Донна прикоснулась к капоту, когда прошла мимо. Холодный. Значит, мама сегодня не выезжала. Забавно, как она подхватила эти штучки из путешествий с Доктором, чтобы все узнавать. Вроде того, водили ли машину. Старая Донна никогда бы не подумала об этом. Старой Донне было бы все равно.

Старой Донны не было.

И слава Богу – ее жизнь была сейчас в триллион раз лучше.

Если бы только она могла вовлечь в это свою маму. Этот последний кусочек мозаики, последний кусочек принятия от каждой из них.

– О, вот ты где, дамочка, – произнес знакомый голос сзади. – Мне было интересно, увидим ли мы тебя сегодня.

Донна не потрудились повернуться.

– Привет, мам, – сказала она.

– О да. «Привет, мам» – этого достаточно, не правда ли. В одну минуту воздух засоряется выхлопными газами, в следующую – небо в огне, и все. Я понятия не имею, где моя дочь. Ни звонков, ни СМС, даже ни одного сообщения, посланного твоему дедушке, чтобы он мог заставить меня замолчать. Ничего.

Донна остановилась на улице и повернулась лицом к маме, автоматически потянув две из четырех сумок у нее из руки, чтобы помочь.

Старая Донна это тоже не приняла бы во внимание.

– Я тоже рада тебя видеть, – сказала Донна. – Дедушка поставил чайник? Мне хватило бы чашечки, столько всего нужно вам рассказать.

Сильвия Ноубл пожала плечами и шагнула в сторону перед своей дочерью. – Ты знаешь, какой сегодня день, да? – крикнула она.

И Донна резко остановилась.

Конечно, она знала, какой сегодня день. Почему еще, черт возьми, она думала, она была здесь? Как она смеет даже задавать этот вопрос?

Парадная дверь открылась, и Сильвия толкнула дедушку Уилфа и без слов прошла на кухню.

– Знаешь, что она меня только что спросила? – прошипела ему Донна после того, как поцеловала его в щеку.

Уилф поднял глаза к небу.

– Это будут одни из тех дней, верно?

Донна открыла рот, чтобы ответить, затем остановилась.

Старая Донна ушла бы одна, тотчас же. Старая Донна начала бы спор со своей мамой, бросаясь словами вроде «отношение», «что бы ни...» и «эгоистичный».

Новая Донна не бросалась.

Потому что новая Донна, хотя и разочаровывающая, понимала, что Сильвия Ноубл сегодня, возможно, хотела и нуждалась в том, чтобы выплакаться.

Но быть Сильвией «Я не ношу свое сердце на рукаве» Ноубл значило, что она никогда бы этого не сделала.

И, к сожалению, убедиться, что сегодня она выплакалась, будет работой новой Донны, до того, как сдерживание этого не причинило ее маме больше ущерба, чем она уже получила.

Доктор шагал вниз по Чизик Хай Роад, заглядывая в разные магазины, где люди уставились на демонстрации нового ноутбука.

– Это просто компьютер, – пробормотал он, – к чему такой интерес?

– Они уже не в моде, – сказал молодой голос за ним. – М-ТЕК – это будущее.

Доктор осмотрелся, посмотрел вниз. Говорящий едва достигал высоты колен. Это был маленький мальчик. Доктор его где-то раньше видел – потом он увидел Люкаса Карнеса, бегущего к нему, и понял, что это был младший брат, которого он держал.

– Джо! – крикнул Люкас. – Как ты от меня так быстро ушел?

– Я не твой заключенный, – крикнул в ответ Джо, и Доктор одарил прибежавшего-но-запыхавшегося Люкаса взглядом, который говорил: «О, это выдало тебя, приятель».

Люкас оттащил Джо от Доктора.

– Оставьте его в покое, – огрызнулся Люкас на него. – Дотронетесь до него, и я вызову сюда полицию. Как будто чтобы это подчеркнуть, Люкас достал свой мобильный телефон.

Доктор не удосужился указать, что это Джо нашел его. Не указал он и что Люкас, очевидно, был агрессивен из-за того, что сказал ему Доктор в другом магазине.

Он должен был помнить, что люди не всегда любили получать подсказки о своем будущем. Это всегда вынуждало его сделать ошибку.

Спойлеры, сказал кто-то однажды.

– Что вы этим хотите сказать – вы собираетесь спасти мне жизнь?

Доктор пожал плечами. – Сделано.

– Что сделано?

– Спас твою жизнь.

– Как? Когда и почему?

Доктор вытащил свою психобумагу из внутреннего кармана пиджака и показал ее Люкасу. На ней была точная дата, название магазина и сообщение «СПАСТИ ЖИЗНЬ ЛЮКАСА САМУИЛА КАРНЕСА, ОСТАНОВИВ ЕГО БРАТА ОТ ПОКУПКИ М-ТЕКА».

– Не знаю, кто это написал, – сказал Доктор, – потому что я не узнаю почерк. Но оно появилось на бумаге около двадцати минут после того, как я прибыл в Чизик. Я всегда думаю, что невоспитанно игнорировать сообщения. Что ж, ты был спасен, моя работа сделана, все, что мне сейчас нужно сделать, это выяснить, прачечная ли «У Лоретты», цветочный магазин или кафе в этом временном периоде. Одно из этого в 2009-ом, но я не уверен, что.

– Прачечная, – сказал Джо.

Люкас дернул Джо сзади.

– Не разговаривай с этим человеком, – отругал он младшего брата.

– Но ты с ним разговариваешь, – возразил Джо, и не необоснованно.

– Это другое, – сказал Люкас, с ужасом осознавая, что это было именно то, что говорила его мама, когда она говорила то, что он считал лицемерным или нечестным.

Доктор отвернулся. – Приятно с вами познакомиться, мальчики, но я думаю, что мог бы забрести в милый ресторанчик в Брентфорде, внизу по каналу, чтобы провести время до того, как я встречу со своей подругой.

– Что? – сказал Люкас, мысленно пиная себя за проявление интереса. Просто дай чудаку уйти, убеждал он себя. Но его рот не останавливался, задавая вопросы. – Что бы случилось, если бы у Джо был М-ТЕК?

И Доктор взглянул на него.

– Без понятия. Я не знаю, что такое М-ТЕК. Я посчитал, что это ноутбук, который вы думали купить. Я выполнил поиск, но не смог найти никакого упоминания о нем. Потом я увидел, что ты смотришь демонстрацию, как, кажется, и все, и догадался, что это – М-ТЕК.

– Нет, – сказал Джо, подталкиваясь ближе, – это новый Псайрин Бук Плюс. Это чушь. Я хотел М-ТЕК.

– Но я не планировал его покупать, – добавил Люкас. – Для Джо или для меня.

– Так что такое М-ТЕК? – нахмурился Доктор.

Люкас вздохнул. – Как вы можете меня от него спасти, если вы не знаете, что это такое?

– Если бы я знал все, от чего я спасал людей, до того, как пытался бы их спасти, я спас бы очень мало людей, потому что я проводил бы весь день, исследуя то, от чего я их спасаю, не правда ли?

Люкас и Джо переглянулись.

– Вы забавный, – сказал Джо.

– Спасибо, – сказал Доктор.

Люкас покачал головой.

– Домой, – сказал он Джо. – Давай.

Он едва не оттащил своего маленького брата.

– Пока, Доктор, – крикнул Джо.

Доктор помахал, когда два мальчика исчезли в переулке. Затем он зашагал к нижнему концу Чизика и эстакаде М4, к Брентфорду. И тому милому итальянцу на площади. Луна Пиена. Он не ел приличную итальянскую еду годы. Может быть, столетия.

«С 1492» – было написано на психобумаге.

Что было странно, потому что психобумага так не работала. По крайней мере, не работала в прошлом. То, что теперь люди больше и больше использовали ее, чтобы посылать ему сообщения, было достаточно плохо, но, когда она начала ему непроизвольно отвечать, возможно, настало время дать ей срок службы в двести листов.

Он запихнул кожаный бумажник с бумагой внутри обратно в карман пиджака и постарался забыть об этом.

Хотя в глубине души у него еще было ноющее беспокойство, эхо не обоснованного вопроса Люкаса Самуила Карнеса: что такое М-ТЕК и как спас от него Люкаса?

Ответ на который был очевиден.

Он не спас.

Так что Люкас по-прежнему был в опасности (если можно было доверять психобумаге), и он должен был его спасти.

О, и еще один вопрос нуждался в ответе.

Откуда младший брат Люкаса, Джо, знал, что его зовут Доктор?

Итак... Луна Пиена или впутаться в неприятности?

Выбор был небольшой, не так ли? Еда была хорошей, но тайна – это было намного лучше.

Он задался вопросом, как идут дела у Донны и не следовало бы ему зайти и сказать ей, что он мог бы быть пару дней занят.

Нет, ее, наверное, лучше оставить разбираться с семейными делами.

И он развернулся и направился по переулку за двумя мальчиками.

На мансардном этаже гостиницы «Оракул» Дара Морган и Кейтлин смотрели на группу мониторов с плоским экраном, соединенную с

компьютером оптоволоконными кабелями, устанавливая которые, умерли Терри Локворт и Джонни Бейтс.

На большинстве экранов была синусоидальная волна, ритмично вибрирующая, как будто компьютер дышал. Чем это и было. Вроде как.

Но на самом большом, центральном экране было изображение, фотография, взятая из камер кабельного телевидения, которая была автоматически взломана и усилена до почти идеального разрешения согласно параметрам, на которые был установлен компьютер.

– Мадам Дельфи, – спросил Дара Морган, – что это?

Его палец проследил за контуром. Это была высокая синяя будка, стоящая на переулке Чизика между двумя мусорными контейнерами.

– ТАРДИС, – ответил сильный женский голос, раздаваясь эхом по всей комнате, синусоидальные волны на остальных экранах вибрировали и изменялись, когда он говорил.

– Он здесь, – сказала Кейтлин, – уже.

Дара Морган восторженно кивнул.

– Пятьсот лет, как и предсказывали легенды. Предвестник Хаоса.

– Пятьсот лет и еще семнадцать, один месяц, четыре дня, – поправила мадам Дельфи. – Мы не разрешили космическую смену пятьсот лет назад. Это был ребенок... к несчастью.

Кейтлин обратилась к компьютеру. – Но, мадам Дельфи, были другие попытки...

– И из-за этой космической смены, из-за того, что вселенная дышит и неглубоко, и глубоко, регулировки никогда не были идеальными.

– Но в понедельник все будет идеально, – Дара Морган поглаживал поверхность мадам Дельфи, – и вы отомстите.

– Доктору. Человечеству. Всей Вселенной, – взволнованно сказала Кейтлин.

– О, конечно, – пульсировала мадам Дельфи синусоидальными волнами. – Абсолютно. Люблю мстить, мои дорогие. Но особенно – Доктору.

В Британии было 5 часов дня. Так что в солнечном Нью-Йорке тени Большого Яблока удлиннились, когда светило полуденное солнце, покрывая город необычно влажным одеялом.

Это не было хорошей новостью для жителей административного здания МорганТека на пятьдесят втором и седьмом этажах. Их кондиционеры отказали несколькими часами ранее, а автоматические

питьевые фонтаны перестали качать прохладную воду в кулеры. Главной причиной этому было то, что вся энергия в блоке была выключена. Главные двери вышли из строя первыми, затем последовали телефоны, ИТ-оборудование, кондиционеры и так далее.

Мелиссе Карсон на ресепшн понадобилось несколько минут, чтобы понять, что все идет не так. Она попыталась позвонить в поддержку. Очевидно, что, когда все, что поддерживала поддержка, вышло из строя, никак нельзя было заставить поддержку что-либо поддерживать. Это раздражало Мелиссу, так что она совершила преступление юридического лица, покинув свой стол, чтобы найти кого-нибудь.

Вместо этого она нашла – кроме тех застрявших лифтов, может быть, с быстро обезвоживающимися пассажирами внутри, и закрытыми внутри электронными дверями – кучку пыли на полу в подвале возле распределительной коробки. По-видимому, поддержка что-то делала с проводами и спавила системы. Мелиссе и в голову не пришло (да и почему должно было?), что пепел, который она стирала с каблучков от Дольче и Габбана, однажды был парнем, которому она помахала в тот день, Майло. Но ей было любопытно, где были Майло и парни.

Когда она в разочаровании шагала обратно к ее столу, она случайно закрыла распределительную коробку.

Только что установленная волоконная оптика сразу ожила, пульсируя фиолетовым светом сквозь свою сеть. У жителей здания, уже ноющих об остановившихся лифтах, кондиционерах и разбитых компьютерах, было всего десять секунд, чтобы увидеть свои компьютеры мигающими. Каждый наклонился, как это делают служащие, и дотронулся до своей клавиатуры.

Огромная арка фиолетового света пульсировала по всему зданию, коснувшись каждого, не только тех, кто использовал свой компьютер. Ни один человек, таракан или мотылек в подвале не избавился от фиолетового пульса энергии.

Через сорок две секунды после того, как Мелисса Карсон закрыла ту распределительную коробку, сто семь человек, восемнадцать крыс, две сотни существ различных размеров и форм, кроме тех, у которых шесть или больше ног, и три голубя на крыше были мертвы.

– У нас небольшая проблема, ребята, – сказала мадам Дельфи Даре Моргану и Кейтлин. – Здание МорганТека в Манхеттене не подключено к сети. Терминалы смертельны.

Последовал шум, похожий на электронный смех, и синусоидальные волны соответствующим образом запульсировали.

Дара Морган нахмурился, стуча по другой части массива мониторов и клавиатур мадам Дельфи.

– Я не ошибаюсь, – ответил компьютер.

– Я знаю, – быстро сказал Дара Морган, – ты никогда не ошибаешься. Я пытаюсь установить, в чем проблема.

– Человеческий фактор, – ответила мадам Дельфи. – Что же это еще может быть? Я хочу сказать, давайте будем честны друг с другом, вы всегда самые слабые звенья в цепочке.

– Нам нужен Нью-Йорк, – сказала Кейтлин.

– Ну, у нас больше нет Нью-Йорка – сказал компьютер.

– Ты можешь отменить импульс?

– Нет, – огрызнулась мадам Дельфи. – В любом случае, уже слишком поздно. Честно, мои милые, вы тратите свое время. Я посмотрю, могу ли я переместить ресурсы на резервный сервер и начать сначала.

Дара Морган вышел из себя впервые за целую вечность.

– Ты не понимаешь? У нас нет времени начинать сначала. М-ТЕКи Нью-Йорка должны быть подключены в 10 часов утра по Манхеттену в понедельник.

– Это город, который никогда не спит, если я помню мои тексты песен, – сказал компьютер.

– Да, может быть, он никогда не спит. Но он почти прекращает работу в 5 дня в пятницу и не идет на работу по выходным.

– О, мой дорогой мальчик, имей веру. Я была занята вещами такого рода по всей Вселенной несколько миллионов лет. Мы просто должны сделать сегодня днем объединение компаний. Враждебное поглощение МорганТеком маленькой компании в... дайте угадаю... о да, смотрите, вот.

На большом экране мадам Дельфи – кадр низковатого (для Нью-Йорка) административного здания, все из хрома и стекла, с людьми, слоняющимися на экране.

– Я получаю доступ к их системам... сейчас. У, да, множество людей. Они занимаются аппаратным обслуживанием и ремонтом, фирма в совместном владении мафии, китайской Триады² и первоначально основанная отмыванием Ирландской Республиканской армии. Ни один из

² Форма тайных преступных организаций (прим. переводчика).

которых, очевидно, не знал друг о друге. Легко захватить, потому что никто из них не будет бороться и кричать об этом.

Изображение сменилось на немного более дальнее.

– Лексингтон и третий этаж, хорошее место, – продолжил компьютер. – Я знала когда-то там одно интернет-кафе. Оно никогда не перезванивало.

Ряд за рядом цифр внезапно появлялся на экранах, слишком быстро для Дары Моргана, даже чтобы посчитать, а затем синусоидальные волны возвратились, снова пульсируя, как если бы мадам Дельфи мурлыкала бы им обоим.

– Корпорация «Программное обеспечение Киттел» теперь дочерняя компания МорганТека. Я надеюсь, вы не возражаете, я должна была согласиться позволить одному Харви Геллару остаться генеральным директором с набором акций и голосом в правлении.

Кейт нахмурилась.

– Это не будет проблемой?

– Через час восемнадцать минут мистер Геллар войдет в лифт... и направит его на первый этаж. Через час и двадцать одну минуту лифт застрянет между девятнадцатым и восемнадцатым этажами. Он нажмет тревожную кнопку. Это будет последним, что он сделает. Тело найдут в течение пары часов, и посчитают, что это был сердечный приступ. Я уже переписала его условия, чтобы позаботиться о том, что после его смерти его ирландский четвероюродный брат, Дара Морган из МорганТека, все унаследует.

– Я не его четвероюродный брат...

– Теперь, согласно архиву ФБР, да, – экраны мадам Дельфи слегка потемнели, синусоидальные волны приобрели красный оттенок, когда она пульсировала. – Твоя постоянная недооценка того, что я могу делать, Дара Морган, начинает мне надоедать.

– Извини.

– Хорошо. Теперь будет казаться, что этот новый филиал МорганТека планировал управлять запуском М-ТЕКа в понедельник все это время. У них есть технические условия, подробности, клиентская база, все. Все, что нам нужно сделать – заполучить пару прислужников за выходные, чтобы вырезать электропроводку и вставить нашу волоконную оптику. И... вот, субпоставщики зарегистрированы и назначены. Легко.

Кейтлин посмотрела на Дару Морган.

– Да, мадам Дельфи. Легко.

– Аплодисменты, мои дорогие. А теперь, если с вами, ребятами, все в порядке, я загружу сборник «Улицы Коронации» этой недели. Что же замыслит в следующий раз этот милый маленький Дэвид Плэтт?

Сильвия убирала покупки в кухне. Аккуратно, все на своем месте. Так же, как и всегда. Она, тем не менее, позволяла странному выдвигному ящику или дверце шкафа хлопать при закрытии немножко шумно.

– Что я сейчас сделала? – шепнула Донна своему дедушке с кресла, стоящего лицом к телевизору в гостиной. Где, бывало, сидел и смеялся над «Х-фактором» ее папа. И повторами «Папиной армии». И той программой, где... где...

Ну, в любом случае, всеми его программами.

И вдруг ей захотелось передвинуться на диван рядом со своим дедушкой, но вместо этого продвинулся он, так что он теперь сидел рядом с ее креслом.

– Не знаю, что ты имеешь в виду, дорогая, – сказал он, не смотря ей в глаза.

– Ладно, потому что мама использует самое лучшее из ИКЕА, чтобы выбивать соло для барабана из чего-то, что написал Оззи Осборн, потому что она вдруг заинтересовалась тяжелым роком, да?

– О, она просто... твоя мать. Ты знаешь...

– Нет, дедушка. Нет, я не знаю, – Донна вздохнула и взглянула на местную газету на журнальном столике. Ее передовая статья была об открытии конкурирующих супермаркетов «К-Март» и «Беттерворс» в Парковой долине.

Город острых ощущений.

– Я здесь. Чизик. Лондон W3. Земля. Вчера я была на другой планете, останавливая роботов, сражающихся в гражданской войне. За неделю до этого мы были на гаражном базаре и катались на шестиногих лошадях! – она внезапно схватила руку Уилфа. – У них было шесть ног! Шесть. Я имею в виду, насколько быстро мы скакали галопом? Это было блестяще. Мне понравилось. И марсианский мальчик кричал во все горло «Где выключатель?», потому что думал, что они на самом деле могли быть так остановлены.

– Хотя он не марсианин, правда же? Я думал, он сказал...

– Нет, дедушка, он не марсианин. Это шутка. Помнишь шутки? Знаешь, момент, когда ты открываешь рот и делаешь «ха-ха-ха»? Мы так делали, даже в этом доме, раз или два.

Донна уставилась на морщинистое лицо своего дедушки. Когда он внезапно стал таким старым? Была ли это тоже наследственность смерти папы? Что случилось с тем человеком, который брал ее с собой на короткие прогулки в своем старом Астоне? Который показывал ее своим товарищам-десантникам на встрече? Когда он заменился на седоволосого старого человека, сидящего перед ней?

Когда идея о приходе домой наполнила ее таким страхом? Была ли это обратная сторона того, что ты с Доктором? Нормальность теперь была чуждой?

– У меня есть кое-что тебе сказать, дорогая, – сказал дедушка, – я считаю, что это тебя подбодрит. Надеюсь, что подбодрит.

Наконец-то хорошие новости. Донна улыбнулась. – Ну, давай. Выкладывай.

Ее дедушка открыл рот, чтобы заговорить, но Сильвия выбрала этот момент для того, чтобы войти в гостиную и плюхнуться на диван рядом с ним.

– Ну, и где ты была, Донна Ноубл?

Донна открыла рот, чтобы ответить, но ее дедушка был первым.

– Она ездила на лошадях, Сильв. В Дубае.

– В Дубае? Как ты, черт возьми, позволила себе Дубай? – вздохнула Сильвия. – О, глупая я, Доктор тебя отвез, да?

Донна кивнула. – Да. Он заплатил за это и все такое. Я чуть было не вышла замуж за богатого нефтяного шейха и жила в его гареме, но знаешь, что? Я подумала, что важнее быть сегодня здесь. С вами двумя.

– Ну, это мило, я уверена, – сказала Сильвия. – Возможно, если болтание с богатым и знаменитым из ОПЕК не было слишком требовательным, ты бы могла сделать всем нам по чашке чая?

– Конечно.

Донна встала, но недостаточно быстро, чтобы остановить Сильвию от того, чтобы вставить еще одну насмешку.

– Ты помнишь, где чай в пакетиках? А чайник?

Настало время выяснить все.

– Что я сделала, мам? Я имею в виду, правда, где не получилось? Все, что ты мне всегда говорила – выходить, делать разные вещи, получить

работу, любить свою жизнь. И я это делаю. И это все еще недостаточно хорошо, не так ли? – она снова села. – Я все еще недостаточно хороша, ведь правда? А папа был так же во мне разочарован, как ты?

– Не смей так говорить о своем отце, – крикнула Сильвия, гораздо громче, чем было необходимо.

– Послушайте, послушайте... – начал Уилф, но Сильвия резко утихомирила его.

– Нет, нет, у этой временной женщины с необоснованными претензиями мало правды-матки, – Сильвия наклонилась вперед, ударяя в ладонь своим пальцем. – Твой дедушка и я очень обеспокоены, ты это знаешь? Ты неожиданно уходишь, едва сказав слово, появляешься очень редко, когда тебя это устраивает, и снова уходишь. Я не знаю, жива ты или мертва. Я не знаю, каждый раз, когда звонит телефон, ты ли это, говорящая мне, что ты в Тимбукту, или это звонок в дверь, и это – полиция, говорящая, что тебя, бледную, нашли в Темзе! Тебе приходит письмо, а я кладу его на каминную полку, надеясь, что это почему-то значит, что ты скорее придешь домой. Но после пары недель я просто бросаю его на твою кровать, потому что это не срабатывает. Не приносит тебя домой. С тех пор, как ты встретила того Доктора, ты стала другим человеком.

Донна уставилась на свою маму в немом шоке. Откуда все это взялось?

– Почему, черт возьми, ты считаешь, что я мертва? Это безумие.

– Это не безумие, это не неоправданно. Это то, о чем я думаю. Каждый день, если я не получаю известия от тебя, я думаю об этом все больше. Может, если бы ты была матерью, может быть, если бы у тебя были дети, глупые, эгоистичные, легкомысленные дети, ты бы поняла.

Теперь Сильвия дрожала.

Донна была в ужасе. Она как-то, сама того не желая, не зная толком, почему, она заставила свою маму плакать! По стольким неправильным причинам! Как будто были правильные... Ты не должен заставлять свою маму плакать...

– Я не умру, мам! Никакой полицейский не позвонит в дверь и не скажет, что я умерла.

– Почему нет? – Сильвия сейчас почти кричала, не зло, но по ее щекам текли слезы – нет, они падали с ее лица, словно мокрые лемминги. – Почему нет? Это случилось, когда умер твой папа!

Внезапная тишина была мучительно ужасной.

Донна прошла через комнату, обняв свою рыдающую мать, держа ее, крепко сжимая, бормоча извинения и успокаивающие слова, говоря, что все хорошо, что она здесь.

Но одна мысль пробежала у нее в голове. Завтра она снова уйдет. С Доктором. Потому что она этого хотела.

Но имела ли она право? Действительно ли она заработала право снова уйти, если это было то, что думала ее мама?

Все это время она и Сильвия боролись, спорили, вопили. Подростком (и, честно говоря, большую часть ее испорченного двадцатилетия) Донна все объясняла тем, что «это моя мама». Но Донна не была теперь тем человеком, она видела, что ее овдовевшая мама, спустя год, нуждалась в своей дочери больше, чем когда-либо.

И Донна теперь тоже плакала.

Плакала из-за боли своей мамы, потери папы, памяти о том звонке в дверь. О полицейском, стоящем там.

– Он должен был умереть здесь, у меня на руках, со своей семьей, – говорила Сильвия, – а не на чертовой автозаправке. Один.

И в этот момент, с выбором времени, для которого были придуманы слова «безупречный» и «неудобный», зазвонил дверной звонок.

Уилф без слов пошел открывать, и Донна услышала, как он говорил «Ах, неподходящее время». Донна, не слыша ответа, знала, кто был на пороге.

Знала и Сильвия.

Она посмотрела красными слезящимися глазами на дочку.

И в первый раз, насколько Донна помнила, Сильвия Ноубл погладила лицо Донны, с нежной лаской чистой материнской любви.

– Я поставлю чайник.

Затем она крикнула:

– Входи, Доктор.

Минутой позже в дверь гостиной заглянуло лицо Доктора, умные очки на месте, волосы еще более всклокоченные, чем обычно.

– Привет, – сказал он им всем. – Вы случайно не знаете семью Карнес? Думаю, у них в семье есть инопланетяне.

Туризм в Москателли был главным образом основан на оливковых рощах, оранжереях, милом винограднике и ежегодной гонке мотоциклов, которая

начиналась за тринадцать миль отсюда, во Флоренции, и заканчивалась на другой стороне гор в этом маленьком, но часто посещаемом городишке.

Люди, которые жили в Москателли, в большинстве своем были итальянцами, которые жили здесь тридцать поколений или около того. Все знали всех, и он был дружелюбным, приветственным и веселым. И еще в середине мая он был накопителем потрясающе солнечной погоды, и Джейн Грин думала, что это выявило лучших среди местных. Не меньшим было и то, что Тоньо проводил большую часть дня во время раскопок,нося только подрезанные джинсы из грубой ткани, что оставляло очень мало места для воображения (а Джейн могла многое вообразить). Профессор нанял Тоньо и его семью, чтобы помочь им начать раскопки неделю или примерно тому назад. Джейн и двое ее однокурсников, Шон и Бен, согласились сопровождать сюда профессора на лето, потому что это дало бы им по-настоящему хорошие оценки в конце года, было бы приключением попутешествовать в красивую часть Италии, и это был бы прекрасный способ загореть.

– Получил! – взволнованно крикнул Шон.

– Сколько? – спросил Бен, просеивая почву в паре футов от того места, где рядом с палаткой питания был установлен ноутбук.

– Семьдесят восемь евро.

– Шестьдесят с чем-то фунтов. Неплохо, – Бен кивнул. – Молодец.

– Я просто обожаю И-бей, – Шон улыбнулся Джейн. – Поздравьте меня!

– Это был египетский горшок?

Шон посмотрел на нее и медленно покачал головой.

– Не лопата Железного века?

И опять качание головой.

Джейн бросила свои инструменты, прошла к ноутбуку и посмотрела на то, во что Шон только что вложил шестьдесят фунтов.

– Это?

– Это.

– Это игрушка.

– Конечно, это игрушка, – крикнул Бен, когда Тоньо насыпал еще земли в его сито. – Что же еще Шон покупает на И-бее?

Джейн не могла этого понять. – Ты имеешь в виду, что ты потратил все эти деньги и семь дней победившего наблюдения за аукционом ради игрушки массового производства?

– Фигурки, – поправил ее Шон. – Ограниченный выпуск. Произведено всего пятьсот, и это было восемь лет назад. Это иная окраска, видишь, на ней – ее красный костюм Темного периода вместо традиционного зеленого.

Джейн просто посмотрела на Шона.

– Ты взрослый. Ты взрослый мужчина, переживающий из-за пластиковой игрушки. Фигурки для детей.

– Не говори «куколки», – пробормотал себе Бен.

– Из-за куколки?

Шон захлопнул ноутбук.

– Мои деньги, мой выбор. Ты переживаешь из-за римских булавок и глиняной посуды.

– И ты тоже!

– Да, потому что это работа. Это то, что я делаю здесь и в универе. Но в свое свободное время у меня есть другие хобби. У меня есть...

– Только не говори «жизнь», – снова пробормотал под нос Бен.

– ... жизнь, – закончил Шон. – Ты должна расслабиться, прежде чем критиковать кого-то другого.

Джейн уставилась на Шона, затем на Бена, который убедился, что он не привлек ничье внимание, и стал пробегать пальцем по земле в попытке притвориться, что его что-то отвлекает.

Напряжение было сломлено маленьким профессором Росси, споткнувшимся около палаток после путешествия в город за молоком и пакетиками чая.

– Я вас слышал еще на главной дороге. Что происходит?

– Ничего, – проворчал Шон, – простите, проф.

Росси покачал головой, почесав шрам, который создал небольшой разрез вдоль его щеки. В университете все шутили, что это был шрам от дуэли, который он получил в сражении за свою любимую женщину, но однажды кто-то узнал правду – десять лет назад он порезался в автокатастрофе, которая убила его жену. После этого все потеряли интерес в воображении всего романтического в шраме.

– Что мне с вами тремя делать? Я вывез вас из университета на перерыв между семестрами, чтобы навестить семьи и дать вам всем шанс улучшить ваши, честно сказать, нечестные оценки по археологии. И все, что вы делаете – играете с широкой зоной, заигрываете с бедным Тоньо и смущаете его или пьете слишком много апельсинового вина. Вы здесь для того, чтобы работать, знаете ли. Быть общительным – приятный побочный

эффект, но не существенный. Что существенно, так это работа в команде. Шон и Джейн, меня не волнует, если вы не можете ладить, но вы будете работать вместе. Джейн и Бен, мне все равно, если вы хотите бороться за внимание Тоньо – вы будете работать вместе. Шон и Бен, мне все равно, если вы можете пропить друг друга ночью под столом, при условии, что вы появитесь трезвыми и эффективными на следующий день. Все понятно? Я – не ваши родители, но я человек, который будет оценивать ваши семестровые работы, и вы поступите хорошо, если запомните, что поддержание меня любезным – это положительный шаг.

Росси положил несколько пакетов молока на стол возле ноутбука.

– Ну, чья очередь ставить чай?

Вызвался Шон, Росси взял ноутбук.

– Надеюсь, казначей переслал нам немного средств, чтобы мы могли попробовать отследить эти тоннели через холмы на той стороне озера.

– Как давно берет начало ваша семья, профессор? – спросила Джейн.

Росси пожал плечами. – Я в процессе выяснения этого в библиотеке. Определенно мои прародители со стороны отца были теми, кто переселился в Ипсуич, но я подозреваю, что их корни здесь уходят до пятнадцатого века.

Бен подошел со своим ситом.

– Так мы ищем итальянские горшки и кастрюли древнее пятнадцатого века? Я же говорил! Давайте, профессор, что за большой секрет?

– А, – улыбнулся Росси, – видите ли, где-то в этом районе исчезло целое герцогство. Весь город с его замком и всем остальным был основан тут, или на холмах, или где-то в окрестностях того озера за апельсиновыми рощами. Я пытаюсь найти его границы.

– Откуда вы знаете? – спросил Шон, когда закипел чайник.

– Это есть в записях в библиотеке, – сказал Тоньо хорошим, но с сильным акцентом английским.

Джейн и Бен уставились на Тоньо в немом шоке – и легком ужасе.

Он улыбнулся.

– Хорошо, вы оба думали, что я не понимаю английский язык, – засмеялся он низким ревушим смехом.

Засмеялся и профессор Росси.

– Это забавно, – сказал он, – никто из вас не понимал?

Они оба безмолвно покачали головами, в то время как Шон занимался чаем, решив не встречаться с ними глазами.

– Но это значит... – начала Джейн.

– Все, что мы сказали... – добавил Бен.

– О тебе...

– Ты... ты слышал... О, Боже... убейте меня... – Бен положил свое сито и тяжело сел на землю.

Тоньо взъерошил темные волосы Бена и подмигнул ему, прежде чем бросить взгляд на Джейн.

– Извини, ты проиграла.

– Конечно, проиграла, – сказала Джейн, – когда вообще жизнь идет так, как хочет Джейн Грин?

Ноутбук пикнул и, оставив студентов разбираться с чаем и признанием Тоньо, профессор Росси вошел в ответ в свою электронную почту. От казначея ничего, но было одно сообщение:

От кого: Мадам Дельфи

Кому: Rossi@Tarminsteruni.ac.uk

Тема: САН МАРТИНО

Профессор Росси

Мои поздравления, вы вновь открыли свое наследие, и вы действительно в Сан Мартино, как вы и надеялись. Пройдите по этой [ссылке](#), чтобы попасть на мой сайт для большей информации об этом восхитительном итальянском царстве и его секретах.

Профессор собирался позвать студентов, но подумал, что будет лучше проверить, не было ли это обманом. (Хотя откуда кто-то знал, что они ищут Сан Мартино? Он даже не говорил студентам названия царства). Так что он щелкнул по ссылке.

Вместо новой веб-страницы экран немедленно наполнился пульсирующим шаром яркого белого света, выделенным сиреневыми краями и спиралями.

Инстинктивно он позволил руке протянуться, чтобы дотронуться до экрана... войти в экран, пройти сквозь экран... как будто его правая рука поглощалась пронизывающим шаром энергии.

Затем он отодвинул руку и посмотрел на нее.

Вокруг кончиков пальцев потрескивали следы фиолетовых импульсов энергии, словно крошечные вспышки грубой электрической мощности. Он

повернул свою руку, изучая маленькие импульсы, пока они не исчезли навсегда, впитанные в его кожу. Он потер пальцы друг о друга и потом снова взглянул на монитор. Он снова показывал победу Шона на И-бее.

Профессор встал, повернулся лицом к студентам и горизонтально вытянул руки.

– Мы сделали это, – вздохнул он.

Тотчас отвлеченные от своих мелких забот, четверо молодых людей подошли, Джейн и Шон оба взяли предложенную руку, взволнованно возвращая этот жест, словно были не уверены, что они празднуют.

Спустя секунду они без слов отпустили руки профессора, и Росси схватил руки Бена и Тоньо. Они, в свою очередь, взяли руки Шона и Джейн, и теперь пятеро образовывали круг.

Они одновременно подняли соединенные руки вверх, вокруг них создавалась и потрескивала фиолетовое электричество.

Остальные проследили за направлением его взгляда, когда профессор взглянул на небо.

– С возвращением, – тихо сказал он.

В семье Ноубл потушили ужин.

Сильвия тихо положила еду на тарелки. Донна тихо принесла тарелки к обеденному столу. Уилф тихо налил воду в бокалы – три сочетающихся бокала с автозаправочной станции, и один побольше, с Дональдом Даком. Он был у Доктора.

Он сидел здесь, стесненный семейной жизнью в лучшем случае, сейчас – не в своей тарелке.

– Дубай? – сказала Сильвия, внезапно приподнявшись.

Доктор бросил взгляд на Донну – что ему надо сказать?

– С лошадьми, – услужливо напомнил Уилф.

– Лошадьми? – Доктор был словно кролик, пойманный в фары. – Лошади. Да, чудесные существа.

– Шейх Дубая терпел нас пару недель, – вставила Донна. – *Верно?*

Сильвия начала есть. Что-то сырное и макаронное, как понял Доктор, но он не был уверен. Что-то, похоже на это, как-то раз попыталось откусить его пальцы ног на берегу Кал-Дурунта в скоплении Керипедес.

Он осторожно воткнул свою вилку.

– Простите, если это не так шикарно, как то, что было у вас в Дубае, с лошадьми и шейхами, – сказала Сильвия, – но у меня не было ни от одного из вас сообщения, что вы придете.

– О, мы не могли позволить Донне сегодня отсутствовать, – сказал беспечно Доктор. Слишком беспечно. Не тот случай для Тигры-Доктора, сегодня вечером лучше быть Иа-Иа-Доктором.

– Я-то думала, что Эмираты управляются эмирами, а не шейхами, – сказала Сильвия, наливая себе еще воды. – Но что я знаю? Я просто сижу каждый день здесь в ожидании того, что нежданно-негаданно явятся люди, рассчитывающие быть накормленными.

Доктор просто бросил взгляд на Донну, который, как он думал, говорил «Помоги», но Донна, очевидно, поняла в значении «Нет, все в порядке, не обращай на меня внимания, о, и прямо сейчас время вступить в по-настоящему хороший конфликт с твоей мамой».

Донна так и сделала.

– В чем у тебя проблема, мам? Большинство людей убили бы, чтобы семья была вокруг них.

Уилф попытался вмешаться, но Донна теперь выпаливала слова.

– Я имею в виду, Муки уезжает на две недели, ее родители организуют убийственную вечеринку, чтобы отпраздновать ее возвращение. А все, что она сделала – отправилась на шопинг в Глазго. Я ушла посмотреть гала... ну, посмотреть мир, сделать все, что, я думала, у меня никогда не будет возможности сделать, а все, что я получаю – стоны.

Сильвия не подняла взгляда от еды.

– Да, но они, наверное, знали, где Муки. А все, что я знаю, это когда твой дедушка дает себе труд сказать, что он получил открытку. И мне никогда не позволятся их читать, о, нет.

Донна собиралась побить Уилфа за это, когда она вспомнила, что упомянутые открытки обычно посылались совершенно из другой звездной системы.

– Ладно, мам, я начну посылать открытки и тебе. Обещаю.

– О, это не только это, – сказала Сильвия. – Это вся жизнь, которая у меня есть. Твоего папы нет, тебя нет, и я застряла здесь, как няня для интрижки твоего дедушки.

Донна открыла рот, чтобы заговорить, потом снова закрыла его. Затем, когда этот комментарий дошел, ее рот снова открылся, но не прозвучало ни звука.

– Интрижки? – спросил Доктор Уилфа.

Уилф сердито посмотрел на Сильвию.

– Она друг, – сказал он. – Я не собираюсь на ней жениться.

– Надеюсь, что нет, – сказала Сильвия. – Мама перевернулась бы в гробу.

– Ааа, так вот в чем дело, – вздохнул Уилф. – Ты думаешь, Эйлин бы не одобрила. Ты почему-то думаешь, что я, ищущий бедную, слабую, старую даму, огорчил бы Эйлин. Ну, ты не права. Она была твоей матерью, но она была моей женой. Я знаю ее лучше.

Доктор вспомнил, почему он не брал семьи.

– Прекрасные макароны с сыром, миссис Ноубл, – сказал он, набивая рот, – мmmm...

– Это грибной раклетт, – огрызнулась она.

– Не макаронный?

– Грибной.

– Он... отличный... очень сырный. И...

– Ну и кто эта дама, дедуля? – спросила Донна.

Уилф улыбнулся.

– Она астроном, которую я знал из Гринвича. Очень помогает там в обсерватории, годами помогала. Но около трех лет назад она... ну, она заболела, и ей пришлось перестать работать. Мы болтали по телефону пару раз, встречались, ужинали. Так, как говорит о ней Сильвия, ты могла бы подумать, я стал встречаться с замужней беременной родственницей-подростком.

Доктор, тем не менее, смотрел на Сильвию Ноубл. Определив, что заставило ее сердито покраснеть, когда говорил Уилф. Это было слово «заболела».

Он перевел взгляд на старого десантника.

– Почему же она бросила обсерваторию?

– Спроси у неесам, – сказала Сильвия. – Она будет здесь с минуты на минуту. Даже в день Джеффа моя дочь приводит с собой *тебя*, а он приводит с собой *ее*.

И Сильвия встала и вышла изкухни.

Донна вздохнула и пошла следом за своей мамой. Уилф приготовился последовать, но Доктор поймал его руку.

– Я не эксперт, Уилфред, но я считаю, что лучше предоставить это дамам.

Уилф кивнул.

– А твоя подруга?

– Нетти. Генриетта Гудхарт³.

Он улыбнулся.

– Думаю, самое соответствующее имя, какое только могло у нее быть.

Но ей поставили диагноз... У нее Альцгеймер, Доктор. И ей не становится лучше.

– И не стало бы, – тихо сказал Доктор, и как раз прозвенел звонок в дверь.

– Это она?

Уилф кивнул и пошел впустить ее.

Спустя секунду Доктор улыбался при виде эксцентричности, очарования и настроения, которые могли выдерживать только некоторые английские женщины определенного возраста и поведения.

Она была одета в коричневое с головы до ног – вельветовая юбка до колен, желтовато-коричневая блузка, шоколадного цвета пиджак – и несла желтовато-коричневую сумочку. На ее голове была удивительная шляпа с по меньшей мере полдюжиной коричневых перьев разных форм и размеров. Уилф снимал с нее длинное темное пальто, и Нетти предложила свою руку Доктору перед тем, как Уилф снял пальто с нее, что значило, что один рукав, рукав рукопожатия, по-прежнему был надет.

– Доктор, как чудесно с вами познакомиться. Ура-ура, это настоящее удовольствие.

– Миссис Гудхарт.

– Мисс, пожалуйста. Лучше все же просто Нетти. Никогда не была замужем и, несмотря на то, что думает дочь Уилфа, у меня намерения выходить замуж нет.

Уилф, наконец, снял с нее пальто, и Нетти аккуратно скользнула в кресло, беря стакан воды очевидно хорошо отрепетированным маневром.

– Я никогда не была замужем, – продолжала она, – это кажется такой тревожной тратой времени. Я живу в Гринвиче, знаете ли, отсюда недалеко, но моя местная фирма такси знает меня и мои маленькие слабости, так что не проблема, если я забуду деньги. Или куда я еду.

Доктор тотчас привязался к этой общительной даме.

³ Эта фамилия переводится как «добрый олень» (прим. переводчика).

– Нельзя надуть надежную фирму такси, Нетти, – сказал он, сумев вставить предложение, прежде чем она беспечно продолжала.

– Они еще скандалят? Это все, что они делают. Это и обо мне. Мне было так совестно начинать, а теперь я отношусь к этому, как к ритуалу, и через десять минут Сильвия возвращается к своему обычному очарованию, полная чая и крекеров.

Доктор улыбнулся. – Сильвия Ноубл? Очарование? Слова, которые нечасто бывают в одном и том же предложении.

Взгляд, каким его одарила Нетти, показал ему, как он недооценил ситуацию между двумя этими женщинами.

– О, не разочаровывайте меня, Доктор. Не после всего, что я о вас слышала. Эта женщина – святая. Она только что потеряла своего мужа, у нее дочка, которую ты тащишь Бог его знает куда, по своей прихоти, и ей приходится терпеть этого чудесного Уилфреда, который может быть таким же упрямым и сварливым, как она. На самом деле, даже более. Мне она очень нравится. Кроме того, я знаю, что она жалуется, но это просто ее способ выпускать пар, она чертовски великолепна с моим... ну, знаете... – Нетти постучала по голове. – Состоянием. Благослови ее, она на прошлых выходных везла Уилфа всю дорогу до Чарлтона. По-видимому, я была найдена в чьем-то садике за домом, пыталась убедить их, что я жила здесь, когда мне было шесть!

– А вы жили?

– Господи, нет. Я воспитывалась в Хэмпшире, – она запустила руку в свою сумочку и вынула красную тетрадку размера А5 и показала ее ему.

– Моя жизнь, – просто сказала она. – Чтобы я могла все помнить.

Доктор посмотрел ей прямо в глаза и увидел – мельком – очень испуганную, но очень гордую старую даму. И она понравилась ему даже больше, чем раньше.

– Без этой тетради, без симпатий Сильвии Ноубл, я ничто. Я оставила мою сумку в магазине на улице Хай Гринвич, и вот я в этом саду, не знаю, кто я такая, откуда я. Сильвия нашла рецепт в моем кармане, нашла магазин, вернула мою сумочку оттуда, где я ее забыла, разобрала все с полицией. Она хочет ввести меня в дом, знаете ли. Брошюры в том выдвижном ящике рядом с плитой.

– Правда?

– Да. Уилф не хочет об этом слышать. Он говорит, ему сначала придется заставить меня переехать сюда. Глупый старый дурак, как будто я буду идти

от одного дома, с которым я едва могу справиться, к другому. Но прекрасный дом инвалидов, где за мной будут присматривать? Как это чудесно.

Дверь в кухню открылась. Вошли Донна и Сильвия, и Донна немедленно представилась.

Когда Сильвия поставила чайник, Доктор пересек кухню и встал позади нее.

– Уилф знает про все, что ты сделала для его подруги?

– А Донна знает, что ты суешь нос в дела ее семьи? – ответила Сильвия.

– Я вам не враг, миссис Ноубл, – сказал Доктор.

Сильвия повернулась и улыбнулась ему. Самой неискренней улыбкой, которая возможна.

– Ради моей дочери я тебя терплю в своем доме. Это все. Ради своего папы я сделаю все, что могу, для Нетти Гудхарт. Я не думаю, что я эгоистичная женщина, Доктор. Я упорно работала, построила жизнь, у меня никогда не было много денег, и я постаралась дать Донне приличную жизнь. Но однажды я потеряла моего мужа. Мою опору. И с тех пор я старалась делать то, что дулали мы оба, но с дочерью, которая сначала не получает работу, потом может себе позволить бывать в разных полушариях, но не может позволить купить марку, и старым папой, который, кажется, решил, что пора заменить мою мать раз и навсегда.

– Вы уверены, что не волнуетесь, что он заменяет вас? Я думаю, он давно отпустил вашу маму.

Тишина, которая последовала за пощечиной, которую он получил, казалось, продолжалась несколько часов, но, наверное, это были только секунды.

– Я не это хотел сказать... – начал Доктор. – Мне на самом деле было интересно...

Сильвия его проигнорировала.

– Папа, – сказала она, – почему бы тебе не взять Доктора на участок, а? Донна и я можем поболтать с Нетти, пока вы проведете там час или... несколько часов.

Уилф понял намек и едва не вытащил Доктора из кухни на глазах у женщин.

Последнее, что слышал Доктор, было «Всем чай» от Сильвии, перед тем, как Уилф выгнал их обоих в ночной воздух.

– Участок. Сюда, – сказал старик.

Бабис Такис толкнул самый большой тюк сена в заднюю часть автомобиля-фургона и остановился передохнуть. Он не становился моложе, и это на самом деле была работа Никоса.

Но Никоса здесь не было, он, возможно, был недалеко за фермой, шутя шутки с этой девчонкой Спирос. Типично. Была работа – им нужно было переправить этот груз через Фалираки, где шло еще столько строительных работ. Отели, квартиры, торговые центры, все, из чего все острова Додеканес могли бы извлечь выгоду, потому что это принесло бы длительный туризм.

Бабис выкрикнул имя Никоса пару раз, когда он поднял еще тюков сена. Он взглянул на часы. Потребовался бы примерно час, чтобы проехать через остров к Петалудесу, где они подобрали бы Криса, прежде чем отправиться к Линдосу и вдоль по берегу к Фалираки. Они довезли бы сено до склада, затем был перерыв в «Таверне» Эрика на ночь.

Все еще ни следа Никоса.

Бабис со вздохом ушел от автомобиля-фургона.

– Я старый человек, Никос, – крикнул он. – Я сражался на войне, знаешь ли, чтобы такие люди, как ты, могли быть независимы и иметь свои предметы роскоши. Хоть раз, было бы мило, если бы ты мог тянуть свой вес.

Он добрался до задней стороны фермы, где услышал шум из одной из конюшен – короткий женский возглас удивления, почти страха. Определенно тревоги.

Бабис в секунду был в конюшне.

Никос был на земле, держась руками за голову, молчаливый, но определенно изумленный.

Над ним с лопатой в руках стояла хорошенькая молодая девушка, в которой Бабис узнал Катарину Спирос.

– Ты в порядке, девочка? – спросил Бабис, беря лопату.

Катарина развернулась лицом к дедушке Никоса и он понял, какой испуганной она выглядела.

– Что случилось? – спросил Бабис.

Он был удивлен, когда Катарина объяснила.

– Он ответил на звонок...

Она указала на Никоса Такиса, который сейчас начал вставать, оставив мобильный телефон на земле возле своих ног. Он посмотрел на своего деда, заставив Бабиса невольно шагнуть назад.

Бабис Такис сражался в последние дни войны в молодости, выгоняя нацистов с Крита и сохраняя Грецию для греков. Он сталкивался с гневом и

болью своих родителей, которые так ненавидели и, в конце концов, отвергли его за влюбленность, женитьбу и рождение детей с одной из ненавистных итальянок, которые занимали греческие острова семьсот лет перед тем, как их прогнали после войны. Он отбыл срок в тюрьме за скандал в баре в Диагорасе, а однажды ему пришлось столкнуться с озлобленным сыном немца, к которому он привязал боевую гранату в 1944 году.

Но ничто его никогда так не пугало, как взгляд его сына, которым он сейчас его одарил.

Никоса здесь больше не было. Того беззаботного, забавного, умного внука, которого он воспитал после смерти его отца, просто не было здесь.

Бабис не знал, откуда он это знает. Он не знал, как это произошло. Но он никогда в жизни ни в чем не был так уверен.

Он был по-прежнему в этом уверен, когда вспышка фиолетового огня, горячее, чем центр Солнца, уничтожила его существование за меньшее время, чем понадобилось Катарине Спирос, чтобы вздохнуть и закричать.

Секундой позже на то место, где стояла молодая девушка, упала горсть пепла.

И Никос Такис выбросил руки к небу, фиолетовая энергия жужжала вокруг кончиков его пальцев, когда он откинул голову.

– С возвращением, – победоносно крикнул он.

Донни и Порция были в своем медовом месяце. Он был первым для Донни, вторым для Порции, но оба чрезвычайно наслаждались собой.

Сын Донни был его шафером. Его внук был пажом. Внучка Порции была девочкой, держащей букет. У них было две церемонии, настоящая еврейская и более простая христианская, чтобы отразить обе их выбранные веры. Порция всегда оставалась в еврейской вере, в то время как семья Донни почти отказалась от нее чуть больше века назад в течение недель прибытия на остров Эллис.

Они преодолели разногласия – страх рака для Донни, тяжелые неодобрительные взгляды более традиционных родственников Порции и смерть их восьмилетней кошки, Мистера Смоки, за неделю до церемоний. После того, как они знали друг друга пятнадцать лет, ухаживая последние шесть, они наконец-то были вместе навсегда.

И они были в джипе Донни, мчась с вихрем, пересекая Данбери, прежде чем свернуть с автострады и поехать в Коннектикут на свой медовый месяц.

Они сняли милый колониальный дом за Оливертауном, в тринадцать милях от Данбери. Дом принадлежал одному из клиентов Порции (она была выгульщицей собак, бродящей три раза в день вокруг Центрального парка со множеством собак). По радио были «Карпентеры», говоря миру о том, как им нравится учить петь, и счастливая пара подпевала.

Они прошли «ABBA», «Dr. Hook and the Medicine Show», Джо Стаффорд и слегка покачивали головами под пение Хелен Редди о том, как хорошо быть безумным: «Никто не просит тебя объяснять» – хором пели они, останавливаясь на дворе дома, который они сняли.

Порция посмотрела на своего нового мужа.

– Ну, мистер ДиКотта, мы здесь.

– Конечно, мы здесь, миссис ДиКотта, – подмигнул ей Донни. – Еще не привыкла к этому?

– Думаю, никогда не привыкну, – засмеялась она. – Но мне одинаково нравится, – она наклонилась и поцеловала Донни, когда он выключил зажигание.

И радио продолжало играть.

Когда они разделились, они оба посмотрели на панель стерео.

– Это нехорошо, Донни, – сказала Порция ДиКотта. – Должно быть, где-то короткое замыкание.

Он кивнул.

– Черт побери, мне лучше сейчас его починить, милочка. Или у нас будет разряженная батарея, что будет плохо, поскольку я хочу отвезти тебя в тот ресторан в Нью-Престоне. Еда великолепна, гостеприимство – высшего класса, а вид такой, за который можно умереть. Ты можешь смотреть свысока на озеро Варамауг, и это действительно романтично.

Порция кивнула.

– Развирайся с машиной, а я сделаю кофе.

Донни вытянул руку, чтобы нащупать под панелью в салоне оборванный провод. Сверкнула крошечная искра электричества, и радио утихло.

– Молодец, – улыбнулась Порция, – теперь ты можешь помочь мне достать чемоданы.

Донни Дакота ничего не сказал. Он просто держал руку под приборной панелью, уставившись перед собой.

– Донни?

Ничего.

Порция потянулась, чтобы дотронуться до его плеча, и он развернулся к ней лицом. Порция увидела его глаза – не те красивые голубые глаза, в которые она влюбилась. Они были заменены двумя солидными шарами горящего фиолетового света, очень маленькие язычки электричества искрились из его слезных каналов.

Она не могла сказать ни слова, потому что он схватил ее голову и поцеловал ее в рот. Полно. Крепко. Но не со всей страстью.

Через секунду или две они разделились.

И теперь глаза Порции полыхали той же жуткой фиолетовой энергией.

Они без слов вышли из джипа и пошли к крыльцу, изучая ночное небо над ними, пока Донни не указал направо, на ярко горящую звезду, которая – как он знал бы, если бы был экспертом в таких вещах – не была видна человеческими глазами много веков.

Он и его новая жена подняли руки и посмотрели на звезду.

– С возвращением, – выдохнули они вместе.

Доктор смотрел вниз на Лондон.

– Понятно, почему тебе здесь нравится, Уилф, – сказал он старику, суеющемуся рядом с ним, разбирая холщовое сиденье для него. – Здесь ужасно... мирно.

Уилф Мотт кивнул.

– Я годами приходил сюда. Смотрел ночью на небо, когда я был в войсках. Я ориентировался по звездам так же, как по морским картам и всему прочему. Остальные парни думали, что я был сумасшедшим, но знаешь, Доктор, мы никогда не заблуждались. Ни разу.

Доктор улыбнулся пожилому человеку и сел на предложенное сиденье. – Спасибо.

Уилф сел рядом с ним и налил ему кружку чая из термоса. Доктор с благодарностью прихлебнул.

– Срывал раньше там немного лучшего чая у мистера Даниеля, – сказал Уилф. – Но ее милость поняла, и этому пришел конец. Проклятые врачи сказали ей, что я не должен к нему приближаться.

– Ужасная компания, врачи, – засмеялся Доктор. – Но они часто знают, как лучше, какими бы непопулярными это их не делало.

– Проницательно, – кивнул Уилф. – Сильвия изменит свое мнение. Наверно.

– Правда?

– Нет, – и Уилф захохотал. – Ни за что, приятель.

Доктор снова улыбнулся.

– Значит, у тебя со мной нет проблем?

– О, ты сделал мою Донну счастливой. Продолжай в том же духе, и ты будешь со мной в порядке. Хотя сделай что-то, что расстроит ее, и получишь от меня известие даже на Марсе.

Доктор выглядел удивленным этому.

– Сколько она тебе рассказала?

– Все. С самого же начала, – Уилф указал на телескоп. – Я был здесь наверху, смотрел в небо, когда она рассказала мне о тебе. Я сначала ей не поверил.

– Ну, никто не может тебя в этом винить.

– Правда в том, что я не думаю, что понимал все, что она мне рассказывала. Потом я увидел тебя после того дела с жиром, летящим по небу, Донна махала мне сверху, и я понял, что все это было правдой. Она держит меня в курсе, когда может. Открытки, электронные письма. Станный подарок. До сих пор не знаю, что делать с Верронской медалью. Или что именно такое Верронская медаль!

Доктор ухмыльнулся.

– Чудесная раса, верронцы. У них замечательные воздушные войска. Абсолютно бесполезные, они не сражались на войне несколько тысячелетий, но их воздушные войска – их самое похвальное достижение. Это почти как если ты кому-то посылаешь цифровой запоминающий осциллограф на три миллиона фунтов.

Доктор пожал плечами.

– Подожди, когда она ее тебе послала, откуда она ее взяла и как вообще дала ее тебе?

Уилф почти отшатнулся от шквала вопросов.

– Не имею ни малейшего понятия. Ты не хочешь ее вернуть, ведь так? Я имею в виду, она не была украдена? Донна ничего не крала с тех конфет у Вулисов, когда ей было восемь. Мы заставили ее вернуть их, извиниться и все такое.

– Нет, нет, сомневаюсь, что она ее украла. Верронцы очень щедрые. Я просто хочу знать, где она встретилась с веронцем.

– Мне очень не хочется думать, что за моей девочкой не присматривают как следует, Доктор, – сказал Уилф, поднимая бровь.

– Гелиос 5, – сказал Доктор. – Не иначе. Или на Илюме. Я люблю Илюм, и Донне понравился – очень космополитический. Или, может быть, из «Мулен Трэ Руж». Там был уличный рынок. Или это было в тот день...

– В любом случае, – перебил его Уилф, – мы пришли сюда не просто так.

– По другой причине, нежели чем твое желание проверить, каковы мои намерения по отношению к твоей внучке? И дать моей левой щеке шанс остыть.

Уилф засмеялся.

– О, это Сильвия так делает, а не я. Я знаю, что ты благородный. И еще я знаю, что Донна может в этом отношении о себе позаботиться. Любое бесчестие с твоей стороны, и ты никогда не услышишь конца этого. В буквальном смысле.

Доктор подумал об «эй» и решил, что да, Уилф действительно очень хорошо знал свою внучку.

Уилф отрегулировал телескоп.

– Посмотри сюда.

Доктор посмотрел и увидел звезду. Крошечную шпильку света, вибрирующую так часто, что, казалось, она исчезает.

– Нравится? 7432МОТТ, – гордо сказал Уилф.

– Извини, – сказал Доктор, снова посмотрев на него. – Ее назвали в честь тебя?

– Я ее открыл. Я соединил узловой модуль. Вскоре после этого я открыл эту звезду. КПО дают мне ужин завтра вечером.

– Я ничего не знаю об узловых модулях, – сказал Доктор.

– Ну, узловой модуль – это... – начал Уилф, но Доктор отмахнулся.

– Я шучу. Я знаю, что такое узловой модуль. И мне до смерти интересно, Уилф, что у тебя есть звезда, названная в твою честь, и счастлив, что Королевское Планетарное Общество устраивает тебе веселую вечеринку. И я готов поспорить, ты купил новый галстук и все в таком роде. И мне так жаль вносить ложку дегтя в твою бочку меда, но я только что обнаружил, что есть *другая* новая звезда, прямо там. Она невероятно яркая, как раз слева от меча Ориона.

Уилф наклонился и отодвинул Доктора в сторону.

– Там?

– Нет, *там*.

– А, там. Да, нам всем она тоже нравится. Она очень симпатичная.

– Да, очень симпатичная. Очень симпатичная новая звезда, ярко сияющая в созвездии, которое не должно быть где-то поблизости. Дело в том, что звезды такой величины и блеска не появляются просто без уважительной причины.

– Блеск? Это специальный термин?

Доктор бросил взгляд на Уилфа.

– Для меня достаточно хорош.

– Я только знаю, что, видимо, все, кто говорил о ней, называет такие звезды хаотичными телами.

Доктор секунду-другую подумал, потом пожал плечами. – Правда? Это для меня новое.

– Так это называют в газетах.

Доктор кивнул.

– А, ну, если газеты это говорят, это наверняка правда, потому что кто же будет спорить с таблоидами.

Он взглянул вверх, на нечто в небе.

– Хаотичные тела. Хорошее описательное название, они правы.

Доктор положил руку на плечо Уилфу.

– Но знаешь – кого это волнует? У тебя есть звезда, гораздо меньше волнующая звезда, названная в твою честь, и я очень горд.

– Спасибо. Я рад, что ты так сказал, потому что ты разрешил для меня мою проблему.

– Что это за проблема?

– Мне нужен кто-то, чтобы отвезти меня в Воксхолл.

– Зачем?

– На ужин.

– С кем?

– С обществом.

– Когда?

– Завтра вечером.

– Как?

– На ТАРДИС.

– Да, потому что *это* и случится.

– Ну ладно, тогда на метро. Сильвия думает, что я не могу пойти сам. Я имею в виду, мне хорошо сидеть на холодном влажном участке каждый вечер, что разрушает...

– Так Сильвия не хочет, чтобы ты выходил поздно вечером, правильно?

– Я хочу сказать, я не потеряюсь, Доктор, но она в последние дни становится покровительственной и сумасшедшей. С тех пор, как она потеряла Джеффа. И с Донной, которая так далеко. А теперь и Нетти...

– Знаешь, что, Уилфред Мотт, я был бы рад сопровождать тебя на ужин в Воксхолл. На такси – насколько это превосходно? Я не ел в КПО с тех пор, как Бернард и Паула взяли меня туда в 1969 году посмотреть на высадки на Луну. Они до сих пор готовят тот пудинг с шоколадной патокой?

– Не знаю. Я никогда там раньше не был.

– Тогда завтра вечером, Уилфред Мотт из Чизика, предполагаю, меню за сорок лет не изменилось и думаю, мне в Королевском Планетарном обществе ничего не грозит, а ты испытаешь кулинарное удовольствие.

Доктор в последний раз посмотрел на тревожно яркую новую звезду, которая не была 7432МОТТ, в телескоп.

– Действительно, хаотичное тело.

– Хотя она и красивая, – пробормотал Уилф.

И оба мужчины вдруг поежились. Как будто кто-то ходил по их могилам.

По могиле целой планеты.

– Прекрасный хаос, – тихо сказал Доктор.

Суббота

Кейтлин стояла в ожидании у терминала 5 в аэропорту Хитроу, ожидая рейсов, которые иногда шли к терминалу 2. Он в настоящее время сносился, готовый к Восточному терминалу, который заменил бы тот, в который приходили европейские рейсы. Она встречала разные прибывающие рейсы, включая один, который должен быть представлен в международном аэропорту Кеннеди в полдень и который прибыл перед европейскими. Она смотрела на огромный реактивный самолет 787-9, прибывающий на посадку; солнечный свет блестел на его новом фюзеляже, когда он медленно полз к остановке, прежде чем двигаться по земле через выход на посадку и быть втянутым на место маленькой передней тележкой.

Кейтлин была одета в элегантную униформу служащей терминала, ее пропуск с доступом ко всем областям с обеспечением самого безопасного беспрепятственного пролета, которого могла добиться мадам Дельфи, болтался на ремешке вокруг ее шеи. Она сладко улыбалась паре из персонала, ни один из которой не сомневался в ней, хотя они никак не могли видеть ее раньше. Это было благодаря пропуску, хотя длинных темных волос Кейтлин и голубых глаз было бы достаточно, чтобы отвлечь любого, кто хотел взглянуть поближе. Все, что обычно требовалось Кейтлин, чтобы получить именно то, что она хотела – живая улыбка.

Проницательный охранник увидел ее, когда она прошла в двери ограниченного допуска к залу прилета, направляясь именно туда, где у нее на самом деле не было права быть.

– Простите? – крикнул он.

– Какая-то проблема... – Кейтлин сощурила глаза, чтобы прочитать его именной жетон. – Какая-то проблема, Кэйт?

Кэйт Браунлоу уставился на нее, его голова слегка наклонилась в сторону, словно составляя о ней мнение.

– Не видел тебя раньше, – тихо сказал он.

– Я здесь недолго, – быстро ответила она.

– Странно, – ответил он. – Я знаю каждого в этом терминале. А те, кого не знаю, сюда не входят. Боюсь, мне нужно, чтобы вы ушли до тех пор, пока я не проверю, что вы та, за кого себя выдаете.

Кейтлин помолчала минуту, стараясь вспомнить имя.

– Я уверена, если вы свяжетесь с мистером Голдингом, он поручится за меня. Я присоединилась к персоналу в четверг.

Кэйт пожал плечами.

– Я это и сделаю, но как только вы вернетесь туда, откуда пришли и подождете в Желтой зоне.

– Вы в этом очень хороши, Кэйт, да?

– Мы очень серьезно относимся к безопасности, – сказал он.

– Конечно, – промурлыкала Кейтлин. – Совершенно верно. Но послушайте, здесь только вы и я, вы видели мой пропуск, вы видите, что разрешение у меня есть. Я уверена, что это просто администрации не удалось вам сообщить, что я здесь. Мне правда нужно быть по ту сторону двери, чтобы встретить несколько важных персон.

Кэйт не обратил на нее внимания, его правая рука лежала на кобуре револьвера у его бедра, а левая рука поднимала рацию.

– О боже, а я думала, мы могли бы стать друзьями, – сказала Кейтлин, поднимая правую руку и посылая молнию фиолетовой энергии в грудь Кейту, измельчая его в пепел, прежде чем он мог даже отметить движение.

Она прошла вперед, и ее высокие каблуки давили пепел, который остался на ковре. Быстро и глубоко вздохнув, она открыла двери в ВИП зону и вышла поприветствовать своих гостей.

Они стояли, ожидая ее, никто из них, казалось, по-настоящему не понимал, где они или что они делали. Два старых американца из Нью-Йорка.

– Мистер и миссис ДиКотта? Поздравляю с вашей свадьбой и добро пожаловать на медовый месяц.

Донни и Порция ДиКотта ничего не сказали, просто кивнули, когда Кейтлин провела их к одному из старых служебных автомобилей, в которых по терминалам аэропорта перемещались пожилые и пассажиры-инвалиды.

Смущенный помощник взглянул на ее пропуск, когда она блеснула им, но потом прошел дальше, позволив сесть в машину. Семья ДиКоттов залезла в нее, когда помощник обернулся.

– У них есть багаж? – крикнул он.

Кейтлин улыбнулась ее самой сладкой улыбкой, которая, как она надеялась, не означала то, что она думала (О, уйди, пожалуйста, ты, тупой болван), затем сказала вслух:

– Задержался в аэропорту Кеннеди, так что мы вернемся за ним утром.

Она завела старый автомобиль и поехала.

– Вы первые, – сказала она тихо, уже без сладости и улыбок.

– А где остальные?

– Грек вскоре прибудет, итальянская группа позже, чем через час или где-то так. Мы подождем, заберем их и затем вместе пойдем к мадам Дельфи. У нее есть для вас задача на сегодняшний вечер, – Кейтлин слегка посмеялась. – Я спрошу про синдром смены часовых поясов, но я думаю, мадам Дельфи позаботилась, чтобы вы ничего такого не почувствовали.

– Мы хорошо себя чувствуем, – сказала Порция ДиКотта.

– Хорошо, – сказала Кейтлин. – Прекрасно.

Машина продолжала ехать вдаль от главных трасс и через еще одни ворота, куда прибывал рейс из Афин.

– Потом мы встретим отличный самолет 787-3 из аэропорта Леонардо да Винчи в Фьюмичино, – сказала она. – Очень надеюсь, что вам понравится ваша стоянка. Она будет короткой, но очень драматичной.

Маленькая старая машина катилась по длинным трассам, готовая собрать остальных из армии, которую мадам Дельфи, в конечном счете, использовала бы, чтобы полностью погубить человеческую расу.

Донна поправила Доктору галстук. Она делала это сотни раз для своего папы, особенно ближе к концу, что давало ему оправдание быть ворчливым и чувствовать себя бесполезным. У Доктора не было такого оправдания, но это не останавливало его от того, чтобы жаловаться на это.

– Донна, я могу завязать галстук, знаешь ли.

– Правда? Просто я не видела этому доказательства, – был ее ответ, за которым последовал сверхусердный толчок узла слишком близко к кадыку Доктора.

– Упс, – улыбнулась она ему. – Прости.

Он всунул палец под воротник своей рубашки, и почему-то один лишь этот жест, казалось, не только ослабил узел, но еще и расстегнул его верхнюю пуговицу и сделал складки на рубашке.

Это было искусством, сказал он. Одержимая элегантность, говорил он. Неряшливый Артур, как она это называла, сдаваясь: это дохлый номер.

– Как поживает Нетти? – спросил он.

– Сегодня в порядке, – сказала Донна. – Дедушка суетится вокруг нее. Из-за этого мама разговаривает сквозь зубы, так что Нетти рано ушла и сказала, что встретит нас там. Думаю, она ушла купить еще одну сумасшедшую шляпу!

– Твоя мама волнуется за Уилфа, вот и все. С Нетти очень весело, но с ней и большая ответственность, – сказал Доктор.

– Я знаю, но мама не должна быть настолько недоброжелательной, ведь правда?

Доктор пожал плечами.

– Она же мама, Донна. Это их работа – находить вину в каждом в своей семье. Это в пособии прописано.

– А твоя мама критиковала все, что ты делаешь? То, как ты причесывал свои волосы, одежду, которую носил, друзей, с которыми ты болтался, музыку...

– Да, ну, в моем случае это было немного другое, – тихо сказал он.

Донна посмотрела на него и утешительно улыбнулась.

– Конечно. Извини. Не подумала.

– О, все в порядке. Я просто говорю, отдай своей маме должное. Много с чем нужно справляться – она в одиночку заботилась о твоём дедушке долгое время. Теперь у него в жизни кто-то есть, она обязана быть немного расстроенной.

– Ох, не разговаривай со мной, как Спок.

– Спок?

– Да, такой детский психолог, или кем бы там он ни был. Все об отношениях родителей и детей.

– А. Доктор Спок. Верно.

– А что, ты знаешь еще какого-то Спока? – засмеялась Донна, когда они вышли из комнаты для гостей. Хотя она подозревала, что Доктор не сомкнул здесь глаз – ему, казалось, не нужно было спать, как обычному человеку.

Доктор взглянул на себя в зеркало. Он всегда думал, что он выглядел довольно хорошо в смокинге и черной бабочке – он ненавидел бабочки, они заставляли его выглядеть, как официанта, проходящего мимо того, что происходило на других вечеринках, так что сегодня вечером это была правильная черная бабочка. Конечно, это значило, что сейчас он выглядел, как будто собирался на похороны, но хей-хо. А что было со смокингами – неважно, как он их застегивал, они всегда выглядели так, словно они были слишком малы или слишком тесны, а брюки никогда толком не доходили до его лодыжек.

А, ладно, это был вечер Уилфа, не его.

В дверь постучали.

– Да, я иду, Донна, дай минуту.

Дверь открылась. Это была мать Донны.

– А. Здравствуйте, – сказал он. Она была угрожающей женщиной и, как большинство мам, она определенно не очень его любила. Он это воображал или его щека начинала снова болеть?

Некоторых мам он мог склонить на свою сторону чистым очарованием (ах, Джеки Тайлер, что-то ты сейчас делаешь?), или доказательством того, что вера ее дочери в него была оправдана (все еще хороший хук правой, Фрэнсин Джонс, благослови вас Бог).

И теперь была Сильвия Ноубл. Полная такой гордости, закаленная такой яростью, таким разочарованием. Как будто она никогда не контролировала свою жизнь так, как она себе говорила, и это по-настоящему ее злило.

Конечно, не могло быть легко потерять Джеффа. Доктор встретил его только один раз, на свадьбе Донны, где он казался более... сдержанным из родителей Ноубл. Теперь бедная Сильвия изо всех сил пыталась сладить со своенравной дочкой, которая и близко не была столь своенравной, как представляла Сильвия (она до сих пор была без понятия, куда он на самом деле брал ее с собой), и с пожилым отцом, который был так полон решимости не быть бременем для своей дочки, что с отсутствием стал еще большим бременем. Уилф Мотт хотел доказать, что он был независим, сильным и на двадцать лет моложе, чем был, думая, что это окажет воздействие на Сильвию; он просто не понимал, что Сильвия насквозь это видела и беспокоилась в два раза больше, чем беспокоилась бы, если бы он просто весь день сидел в кресле и смотрел «Обратный отсчет».

Сколько времени прошло с тех пор, как Доктор сидел и смотрел «Обратный отсчет»? Он любил «Обратный отсчет».

– Ты о нем позаботишься.

– Вы не идете с нами?

Сильвия посмотрела на него, словно собиралась что-то сказать, но потом просто слегка покачала головой.

– Это не мое.

– Но ваш папа...

– Мы... обсудили это.

– А. – Доктор мог только начать представлять, как это обсуждение прошло. – Уверены? Потому что я уверен, Донне и Нетти хотелось бы...

Он остановился. Сильвия была в шаге от того, чтобы вздрогнуть при упоминании Генриетты Гудхарт.

– Присмотри за ним, пожалуйста, Доктор, – сказала она тихо. – Он не молодеет, несмотря на то, что он думает.

Доктор обезоруживающе улыбнулся.

– Конечно, присмотрю.

– С тобой – никаких «конечно, присмотрю», так что не показывай мне свой так называемый шарм и угодничество. Я не задавала вопрос, я говорила тебе.

Доктор постарался не улыбнуться – как будто тебя отчитывала директриса. А потом блеск в глазах Сильвии напомнил ему, что это не было даже отдаленно смешно.

– Обещаю, – сказал он, про себя добавив. – Я напишу триста строчек: «Я не потеряю членов семьи Ноубл в Лондоне».

– Они – это все, что у меня есть, – сказала она и вышла из комнаты.

Доктор лизнул указательный палец и выставил его.

Да, окружающая температура комнаты действительно упала на несколько градусов.

Через полчаса они залезли в такси. Уилф и Донна сидели на сиденьях, Доктор – на одном из запасных откидных сидений. Он неудобно вертелся на нем всю поездку.

Уилф был одет в пух и прах – шелковый галстук, хорошую рубашку, слегка тесный пиджак, который, может быть, был куплен в начале семидесятых – но был разбавлен кроссовками на его ногах.

Словно чувствуя, куда смотрел Доктор, Уилф показал дешевую сумку. В ней была пара черных туфель.

– Они убивают кровообращение в моих ногах, так что я ношу их как можно меньше, – объяснил он.

Доктор кивнул.

– Ты хорошо выглядишь, – сказал он Донне.

– Спасибо. Пришлось позаимствовать кое-что у Вины, которая одалживала Муки, так что она должна была сегодня все вернуть назад пока вы ходили за костюмом и – что?

Доктор улыбнулся.

– У твоих друзей удивительные имена, – он тихо засмеялся. – Муки.

Донна подняла бровь.

– Кто бы говорил. Господин Уд. Мистер Мартон Кофелия. Мистер Вентраксиан Гол-Зиглар. Когда ты начал думать, что имена моих друзей забавно звучат, а?

– Справедливое замечание, хотя уд на самом деле не имя, это больше название расы, и я... умм...

Донна одарила его одним из ее «а похоже, что мне не все равно?» взглядов, так что он повернулся к Уилфу.

– Взволнован?

– Очень взволнован, Доктор. Я раздобыл себе звезду. Названную в мою честь. Насколько это прекрасно?

– Это больше, чем прекрасно, дедуля, – Донна сжала его руку. – Это чертовски чудесно. Спроси-ка этого пришельца, назвал ли кто-нибудь звезду в честь него.

– Назвали, Доктор?

Назвали или нет, было прямо сейчас неважно.

– Конечно, нет, – сказал он Уилфу, – и я очень завидую.

– Да, – Уилф нагнулся, чтобы водитель не слышал его. – Да, но ты? Ты их посещаешь, разве нет? Ты добираешься до них.

Он повернулся к Донне и игриво ее подтолкнул.

– Ты получаешь максимальную пользу от этого, моя девочка.

– О, получаю, не волнуйся, – сказала она.

Доктор кивнул. – Да, не переживай нисколько.

– Я имею в виду, я в свое время всякое видел и делал, Доктор, но ничто не может сравниться с тем, что ты показываешь моей маленькой девочке, а?

– Эй, знаешь, я не просто пассажирка, – улыбнулась Донна. – Я принимаю многие решения о том, куда мы отправляемся, кого мы видим, как быстро должны снова уйти, потому что он пришел и расстроил кого-то во главе. С армией. И большим топором. И двенадцатью ногами.

– Десятью ногами, – машинально поправил ее Доктор.

– Ууу, ну хорошо. С десятью ногами, и двумя руками, которые свисали до земли. Если уж ты педантичен. А ты явно педантичен. Сегодня.

Доктор улыбнулся им обоим.

– Может быть, нам следует как-нибудь взять тебя с нами на прогулку, Уилф.

– Нет!

И Донна, и Уилф сказали это вместе, потом посмотрели друг на друга.

– Это опасно, дедушка.

– Ты едешь!

– Я... я могу о себе позаботиться. Если что-нибудь с тобой случится, что сделает мама?

– Убьет тебя?

– Ну, она убила бы его – Донна кивнула на Доктора. – Я бы отделалась сдиранием кожи живьем. Наверно.

– Ты тоже сказал «нет», – сказал Доктор.

Уилф посмотрел вверх, на звезды, в то время как они въезжали в Южный Лондон, пересекая Воксхолл Бридж.

– Мне нравится смотреть, Доктор. Мне нравится смотреть, представлять, мечтать. Но реальность? Все эти монстры, оружие и прочее? Не. Я предпочитаю свои идеи.

Доктор кивнул.

– Очень мудро. Заметь, ты оказывал бы на нее успокаивающее влияние.

– О, я знаю. Она говорит и говорит, не правда ли?

– Я сижу здесь. Прямо здесь, – сказала Донна.

Доктор по-прежнему разговаривал с Уилфом.

– Явно в ее детстве есть что-то, связанное с сороконожками, но она не расскажет. Потому что мы ездили в одно место...

– Эй!

Уилф засмеялся.

– О, я тебе про это расскажу. Когда ей было около восьми, ее папа и я взяли ее в Норфолк. К Броадам? В любом случае, она играла, и...

– Эй!

Они оба посмотрели на Донну. Она показывала на себя. Одним пальцем на каждой руке. На ее руке.

– Как я и сказала. Сижу здесь. Слушаю. Мне *не* нравится.

Двое мужчин широко улыбнулись друг другу.

– Потом, – сказал Доктор.

– Потом, – подтвердил Уилф.

Донна прервала их.

– Мы здесь.

Такси остановилось во дворе Общества, огромного здания из красного кирпича, построенного в ранние викторианские времена, как раз рядом с главным цирком станции Воксхолл.

Донна заплатила водителю («Ты расплатишься по дороге домой», – сказала она Доктору). Когда такси умчалось, она расправила платье, проверила свои каблуки и слегка подтолкнула локтем Доктора, который уставился на звезды в ночном небе.

На новую звезду, которую Уилф показал ему прошлым вечером. Которая была теперь ярче, чем раньше. И была, кажется, еще пара звезд, которые, как он думал, не должны были быть здесь...

Донна снова его толкнула.

– Что?

Она указала головой на Уилфа, который хватался за фонарный столб, пытаясь снять свои кроссовки и одновременно удерживать свою сумку.

– Я не могу в этом согнуться, – прошептала она. – Если я его порву, Вина на следующей неделе меня побьет. Она занимается боевыми искусствами.

Доктор взял сумку у Уилфа и дал старику опереться на него, когда он сбросил свои кроссовки и заменил их туфлями.

– Сильвия их купила, – сказал он Доктору. – Они на три размера меньше.

– Нет, не меньше, – машинально сказала Донна. – Ты просто не стараешься.

– Батюшки, когда ты успела превратиться в свою маму? – сказал Уилф.

Донна открыла рот, чтобы возразить, но Доктор, чувствуя, что отступление было лучшей частью отваги, схватил обоих за руки и встал между ними.

– Чей-то ужин ждет, – сказал он, и они прошли к зданию.

Огромные деревянные двери распахнулись, когда они дошли до верхней ступени, и элегантно одетый джентльмен, лет тридцати пяти, с оливковой кожей, темными волосами и глазами, которые сверкали, пригласил их войти.

– Добрый вечер, господин Мотт, – сказал он с легким европейским акцентом. – Мисс Ноубл. Доктор Смит. Я Джанни, глава Гостеприимства.

Донна натянула лицо «чтоб-мне-провалиться».

– Он хорошо репетировал.

– Почетный гость, – сказал Уилф. – Я должен был сказать ему, кого я привожу.

Джанни провел их в маленькую область, где пара человек возраста между шестьюдесятью и тремястами десятью опиралась на буфет. Или,

возможно, буфет их поддерживал. В любом случае, они выглядели, как часть мебели.

Донна поморщила нос от сильного запаха скотча и оглянулась на другую дверь, ведущую в огромную столовую, и гомон и шум.

– Пожалуйста, проходите, – сказал глава Гостеприимства, так что Донна пошла вперед.

Когда трио вошло в столовую, гомон прекратился и сменился взрывом аплодисментов, вызванным, что Донне было приятно видеть, Генриеттой Гудхарт, блистающей в еще одной странной, но необычно строгого тона шляпой.

Она подошла к ним с протянутыми руками, поцеловала Донну, затем Доктора и, наконец, Уилфа, каждого – в обе щеки, континентальным стилем. Затем быстро поцеловала Уилфа в губы и подмигнула.

– Сегодня вечером я в порядке, – сказала она на его незаданный вопрос.

Человек, которому было лет под шестьдесят, подошел и пожал Уилфу руку.

– Кроссленд. Седрик Кроссленд. Доктор Седрик Кроссленд. Доктор Седрик Кроссленд, кавалер ордена Британской империи. Но вы должны звать меня Риком, мистер Мотт.

– О, просто Уилф, – сказал Уилф, бросив взгляд, взывающий о помощи или спасении Донне, Доктору и Нетти.

Донна бросилась вперед, но Нетти сдержала ее.

– Нет, нет, дай ему пойти. Это его вечер, и он должен стойко переносить превратности судьбы, благослови его хлопковые носки. К тому же, шоколадный пудинг сделает все это стоящим.

Они смотрели, как Уилф погрузился в поздравления.

– Он выглядит таким счастливым, – сказала она.

– Понимаю, почему ты играешь в этом большую роль, – сказал Доктор, добавив, – не то что бы я притворяюсь, что понимаю такие вещи.

Нетти улыбнулась ему.

– Конечно, не понимаете, Доктор. Будучи из космического пространства.

Доктор уставился на нее, потом улыбнулся.

– Вообще-то я из Ноттингема...

– Он из Уолтемстоу, – одновременно сказала Донна.

– Родился в Ноттингеме, – сказал Доктор.

– Но вырос в Уолтемстоу, – добавила Донна немного смущенно.

– Уилф все мне рассказал, Доктор. О тебе. Об АТМОС. О том, где Донна, когда она с тобой. Никаких секретов, видишь ли.

Доктор выдохнул воздух изо рта.

– Ну, я не уверен, что говорил тебе Уилф, но я... эмм... ну...

Нетти дотронулась до его руки.

– Все в порядке. В большинство дней я едва могу вспомнить, кто я, не говоря уже о том, с какой планеты ты и Донна шлете открытки. Ваш секрет со мной в безопасности.

– Я думаю, на этот раз я его убью, – сказала Донна, смотря на своего дедушку, которому наливали чрезвычайно большой стакан бренди труппой старых мужчин и женщин.

Нетти покачала головой.

– Он так гордится вами обоими, пожалуйста, не злитесь на него. К тому же, это дает мне возможность поговорить с вами о хаотичных телах. Знаете, пока я еще могу.

Донна нахмурилась.

– Прости, Донна, – сказала Нетти, – разговор о моем состоянии смущает тебя? Не стоит, мне нечего от кого-то скрывать. И меньше всего – от себя.

– Нет, – сказала Донна. – Это просто... ну, немного грустно.

– Да. Очень грустно, поверь мне. Но я привыкла к жизни с этим и получаю большинство ясных дней, потому что другие дни становятся все более частыми.

– Насколько частыми?

– Доктор! Она не скажет о нас ни слова.

Но он заставил ее замолчать.

– Насколько частыми, Генриетта?

– Если я пройду пятницу, помня, что я делала в четверг, то это победа.

Джанни был рядом с ними, тайком, как и следовало хорошему главе Гостеприимства, с напитками на серебряном подносе для них, и они быстро взяли стаканы, словно пытаясь заполнить пробел в беседе.

– Итак, – сказала Нетти, – хаотичные тела.

– Когда они появились? Первое, я имею в виду?

– А, – сказала Нетти, – вы заметили остальные. Только увидела их этим вечером сама, и никто здесь, кажется, их не упоминал.

– Это потому что их не было здесь прошлой ночью. Или даже когда мы покинули Чизик.

Нетти засмеялась.

– Я знала, что ты знаешь о космическом пространстве больше, чем эти здесь, вместе взятые, но научно звезды не могут передвигаться так быстро. А если бы могли, разрушение было бы феноменальным.

Доктор выпил за нее.

– А, но тогда это не звезды. Не настоящие звезды. Хаос – это в самую точку.

– Что же это тогда? – спросила Донна.

Доктор пожал плечами.

– У меня есть подозрение. Первое, изначальное, выглядит, конечно, как звезда, и это определенно шар перегретой горячей энергии, которая разделяет второстепенные качества со звездой, но другие, они как спутники. Но не звездные.

– Искусственные?

– Ну, кем-то созданные, да. И где-то в моем затылке голосок пытается мне сказать, что я это все видел раньше.

Послышалось звяканье чьей-то ложки о стакан.

– Дамы и господа, прежде чем мы будем есть, мне хотелось бы представить вас нашим почетным гостям, – говорил доктор Кроссленд. – В честь того, кто первым увидел новую звезду M7432-6, официально известную как 7432МОТТ, я представляю вам Уилфреда Мотта!

Последовали громовые аплодисменты, затем один из официантов провел Доктора, Донну и Нетти к столу присоединиться к остальным гостям.

Доктор был пойман Уилфом и помещен между ним и Кросслендом, Нетти была по другую сторону от Уилфа, а Донна – рядом с ней.

Доктор выжидающе посмотрел на пустое сиденье справа от него, задаваясь вопросом, кто сядет сюда. Это было немного похоже, подумал он, на то, как сидишь в поезде, надеясь, что пустое сиденье рядом с тобой не будет занято сумасшедшим с портативным стерео проигрывателем или пинающимся ребенком или, хуже всего, каким-нибудь непривлекательным бизнесменом, который провел бы всю поездку, громко говоря по мобильному. И, каждый раз, когда он медлил и звонил кто-то еще, он оставлял бы раздражающий рингтон звонить всю дорогу перед тем, как ответить.

Доктор в последнее время часто интересовался, когда эти банальные маленькие вещи стали так его раздражать. Должно быть, достижение большой отметки в 900 лет.

Сиденье было занято женщиной, чья одежда могла быть описана в лучшем случае как эксцентричная, а в худшем, как безумная, ужасное столкновение цветов, стилей, и, ну, всего. Самым большим преступлением против моды была блузка, которую она носила, на ней, как оказалось, была вышита Карта неба Галилея. Вручную. Это была такая одежда, которую ты мог надеть с закрытыми глазами после того, как кто-то взял твой гардероб и устроил ему по-настоящему хорошую встряску.

Не то что бы владелице хотя бы отдаленно было это известно... уникальная мода от-кутю. Что еще более тревожно, никто, казалось, и глазом не моргнул – отреагировали только Уилф и Донна, Уилф со скептицизмом, а Донна – подавив смех и внезапно обнаружив стакан воды перед собой самой увлекательной вещью на Земле.

– Ариадна Холт, – сказала она тоном, который сказал Доктору, что это было не просто представление, но, на самом деле, полное объяснение того, почему она выглядела так, как выглядела.

– Здравствуйте, – сказал он, предложив свою руку. Она выставила свою руку, как будто предлагая, чтобы он поцеловал ее или, как минимум, слегка поклонился. Он не сделал ни того, ни другого, сумев вместо этого превратить это в рукопожатие, которое он начал.

Она одарила его взглядом, который, казалось, говорил: «О, ладно, вы будете таким, не так ли?», и придвинула свой стул ближе к столу и совсем слегка подальше от него.

– Что ж, – сказала Ариадна, – какое у вас поле деятельности?

– Десять акров, – улыбнулся он.

Стальной взгляд.

– Шутка, – пробормотал он. – Плохая.

Снова стальной взгляд.

– Я Доктор, кстати.

– Я знаю, – сказала Ариадна Холт.

– Да?

– Кроссленд сказал мне. Предложил сесть. Здесь. Рядом с тобой. На ужине.

– Правда?

– Да.

– Хорошо. Ну, извините, я на самом деле не знаю мистера Кроссленда.

– Доктор.

– Да?

– Что?

– Что?

– Он доктор Кроссленд. Не «мистер».

– Понятно.

– Вы Смит. Джон Смит. Вы пишете книги. С картинками. О созвездиях, нет?

– А, нет. Это не я. Извините. Хотя, когда я был маленьким, я рисовал пальцами ночное небо. Я добавлял кусочки... ну, вы бы назвали это пастой, чтобы сделать все планеты в 3-D. И блеск. Много блеска. Я был очень... блестящим.

Снова стальной взгляд.

– Вам на самом деле неинтересны мои рисунки пальцами, да, Ариадна? Не могу сказать, что я вас виню. Они не очень хороши. Двойка с минусом. Четыре из десяти. Резкие, но, возможно, извинительные, как я всегда думал. Ну а вы что изучаете?

Ариадна Холт не обратила на него внимания и посмотрела мимо него на доктора Кроссленда.

– Не тот Смит, старый дурак, – сказала она. – Этот – не автор.

Кроссленд взглянул на Доктора.

– А кто он тогда?

– Я здесь, – сказал Доктор.

– Ха! – фыркнула Донна, вспомнив поездку в такси.

– Дурак, – ответила Ариадна Холт. – Бубнит и бубнит о рисунках пальцами и итальянской еде.

Донна показала Доктору два больших пальца и преувеличенно подмигнула.

Он одарил ее взглядом, который должен был превратить ее в лед.

Она широко улыбнулась.

Кроссленд посмотрел на Доктора, затем на Уилфа.

– Я думал, вы сказали, что этот парнишка – эксперт, мистер Мотт?

Теперь настала очередь Уилфа выглядеть как пойманный фарами кролик, потому что он был вне своей привычной среды. Самое лучшее, с чем он мог подойти, было «Он эксперт».

Кроссленд хмыкнул.

– На самом деле, – сказал Доктор, – я думаю, вы обнаружите, что «этот парнишка» немного эксперт, особенно по вашим так называемым хаотичным телам.

Это привлекло их внимание.

Доктор глубоко вдохнул.

– Это не звезда, знаете ли.

– Мы знаем, что не звезда, – сказала Ариадна.

– Просто не знаем, что это на самом деле, – сказал Кроссленд.

– Я знаю.

Все повернулись, чтобы посмотреть на него.

– Прекрасная Ариадна дала мне последний кусочек мозаики этой... уникальной блузой, которую она носит.

– Продолжайте, – сказала она.

Но Доктор на мгновение остановился, потому что он смотрел на Генриетту Гудхарт.

Нетти не принимала участия в беседе, хотя никто этого не заметил. Вместо этого она уставилась прямо перед собой, словно отключилась на время.

Донна поймала пристальный взгляд Доктора и слегка кивнула, а Доктор одарил ее грустной улыбкой. Потом он снова привлек внимание к себе, давая Донне время поднять Нетти, положив ненадолго руку на плечо Уилфа, чтобы остановить его от того, чтобы последовать. Когда они начали удаляться, Доктор поймал взгляд Донны и сказал одними губами «спасибо». Затем он продолжил свое объяснение.

– Это не звезда, хотя это перегретый шар псионической энергии, который действует как сдерживающее защитное поле вокруг злобного интеллекта. Интеллекта, который хочет господствовать, развиваться и выживать. Что-то, что оно абсолютно имеет право делать в своем уголке космоса, где он обычно не может никому навредить. Но когда он выползает из своего маленького измерения и входит в наше, когда он прошел половину вселенной до этой планеты, в это время, тогда я заинтересован. Заинтересован и заинтригован. Ну, я говорю, заинтригован, а имею в виду – зол. И немного напуган. Видите ли, эта звездная карта Галилея напомнила мне, когда я впервые с ним встретился, в пятнадцатом веке, и сдуру принес осколок его сюда, на Землю. В Италию, на самом деле. Рядом с Флоренцией. Ну, в этот район. В любом случае, несколько осколков теперь снова нашли

дорогу сюда с тех пор, потому что они очарованы Землей и этой солнечной системой.

– Вы. Сумасшедший, – тихо сказала Ариадна.

– Это был тот кусочек про пятнадцатый век, не так ли?

Кроссленд кивнул.

– Это. И остальное.

Уилф похлопал Кроссленда по руке.

– Вам следует его послушать, мистер доктор Кроссленд, кавалер ордена Британской империи, потому что Доктор обычно прав.

– Ооо, спасибо, Уилф, – улыбнулся Доктор.

– Не за что, Доктор, – ответил он.

– Что ж, Доктор, – сказал Кроссленд, – как же вы называете этот причудливый шар энергии?

– О, это просто, – сказал Доктор. – Одним словом. Мандрагора.

Когда Доктор сказал «Мандрагора», Хаотичное тело начало пульсировать в космосе. Другие огни рядом пульсировали в ритмичном ответе. И приблизились. На задание.

Когда Доктор сказал «Мандрагора», семеро людей сели, вытянувшись в струнку во внедорожнике, припарковавшемся на автостоянке в аэропорту Хитроу, как будто их только что включили: молодожены ДиКотты, три студента, их профессор и его помощник, только прибывшие из Рима, и греческий фермер, только что из Афин.

Греческий фермер был в водительском сиденье. Он повернул ключ в зажигании, включил фары, и внедорожник стал двигаться вперед. На задание.

Когда Доктор произнес слово «Мандрагора», Донна Ноубл сидела в наружном баре в Королевском Планетарном Обществе с Нетти, держа ее за руку, как вдруг она увидела, что Джанни, глава Гостеприимства, перестал наливать напиток. Он открыл рот, как будто собирался заговорить. Слова формировались, но не было ни звука, до тех пор, пока он наконец не поймал воздух и не заговорил. Но он говорил так тихо, что Донна не была даже уверена, что он что-либо сказал.

Когда Доктор сказал слово «Мандрагора», мистер Мураками сидел в первом классе самолета Японских авиалиний, направляющемся в аэропорт «Нарита», с напитком в руке, с закрытыми глазами, слушая сборник мелодий Хибары Мисоры 1960-ых, который он загрузил на свой прототип М-ТЕКа.

К тому времени, когда он понял, что под музыкой были подсознательные сообщения от МорганТека, было слишком поздно. Что-то в его голове кричало, вопило, внезапно осознав, какой удивительный элемент был в М-ТЕКе, но он также знал, что он никогда не сможет освободиться и предупредить мир.

– Желаете выпить, Мураками-сан? – стюардесса предложила на выбор вино или спиртные напитки.

Он с улыбкой выбрал бокал красного вина. Постучал по своим наушникам.

– Чудесный певец, рано умер. Я всегда говорил, что это трагедия, когда столько людей должны умереть с таким неосуществленным потенциалом.

Стюардесса с кивком направилась к своему следующему пассажиру.

Мистер Мураками продолжал слушать музыку, его разум постепенно искажался всеми подсознательными сообщениями, которые поступали в него, и он ничего не мог поделать.

Когда Доктор сказал слово «Мандрагора», мадам Дельфи создала возбужденный колебательный сигнал в номере люкс отеля «Оракул» рядом с Брентфорд Голден Майл.

– Дара Морган, – воскликнула она. – Он знает меня!

Дара Морган подумал, что компьютер затрясло бы от ликования, если бы это было возможно.

– Кто?

– Доктор. После всех этих эр, после всего этого расстояния звезды были выровнены именно так, как я предсказывала. Завтрашние гороскопы теперь будут совсем другими.

И на сайте мадам Дельфи, который читали люди по всему миру, предсказания на воскресенье для каждого знака Зодиака переписались.

И теперь они говорили: «С возвращением! Ваша жизнь изменится в ближайшие 48 часов так, как вы никогда не могли бы представить. Примите эту перемену и приготовьтесь к следующей, величайшей, фазе вашей жизни, когда Мандрагора поглотит небеса и улыбнется свысока на вас всех.

В следующие пятнадцать минут мужчина в Кейптауне поместил эти слова на футболку. Женщина в Париже создавала для Мандрагоры группу в Фейсбуке. А в Милуоки трое юношей написали в граффити слово «Мандрагора» на стенах своей школы.

Доктор начинал раздражаться на Седрика Кроссленда, и эта спятившая женщина, Ариадна какая-то там, выматывала голову Уилфа, так что он оставил их и прогулялся к наружному бару.

Он заметил Донну и Нетти, и он немедленно знал, что Нетти ушла в свой собственный мир. А сердце Уилфа забилося немного быстрее, потому что, хотя он и видел это несколько раз, каждый раз он задавал себе вопрос.

Что бы он делал, если бы это был последний раз? Что, если бы она отдалилась бы и никогда не вернулась?

Когда он приблизился, Донна улыбнулась ему, ее рука крепко обвила эту старую женщину, которую она едва знала, но взяла под свое крыло, потому что ее глупый старый дедушка любил ее.

Уилф подтянул стул и сел лицом к ним обоим.

– Ты очень добрая, Донна, – сказал он. – Тебе не нужно это делать. Она не из семьи.

– Да, может быть, и нет, но она важна. Для тебя. И, я думаю, глубоко в душе маме тоже.

– О, ты знаешь свою маму, всегда стонет, всегда жалуется, но под всем этим...

– Больше стонов, больше жалоб? – громко засмеялась Донна. – Боже, я люблю ее, дедуля, но иногда я могла бы ее и расплющить.

– Слушай, я не буду об этом говорить, Донна. Она хороша, твоя мама. Говорит то, что думает, но это не плохо. И она тоже тебя любит. Она просто не знает, как справиться со многими вещами с тех пор, как Джефф... знаешь...

– Умер? Ты можешь сказать это.

– С тех пор, как твой папа умер, да.

Донна подняла свою руку с Нетти и потянулась, чтобы взять руку своего дедушки в свои руки.

– Так как ты встретил Нетти?

Уилф улыбнулся.

– Она написала мне, после того, как мое письмо опубликовали в Журнале.

– А, Журнал. Он все еще выходит?

– В следующем году шестьдесят лет. Сейчас международный Год Астрономии, это большие выпуски, в два раза больше. Я написал им письмо о Тройной связи! Юпитер и Нептун! Нетти увидела его, не согласилась с моими мыслями о том, как сложно ее увидеть в телескоп, как у меня, и БАХ, у нас была маленькая война на три выпуска. Потом она однажды мне совершенно неожиданно позвонила, мы выпили кофе в Лондоне, чтобы уладить наши разногласия, и неделей позже она использовала свое влияние, чтобы сделать меня членом КПО. И вот мы здесь.

Донна улыбнулась ему.

– А когда ты узнал о ее Альцгеймере?

– Она сказала мне на нашем втором... второй встрече.

– Ты собирался сказать «на втором свидании», не правда ли? Ох ты хитрый старый лис! – Донна уставилась на него. – Я счастлива за тебя, дедуль. Найти друга, кого-то, с кем бы ты хотел бы быть. И, думаю, мама тоже счастлива.

– О, я знаю. Она просто волнуется о ее болезни, и о том, сколько напряжения это на меня возлагает. Она с Нетти говорила о домах престарелых, но я на это не пойду.

Он посмотрел на Генриетту Гудхарт.

– Она замечательная дама, Донна. Жаль, что ты не видишь ее так, как вижу я.

– Я видела. Вчера, дома, и сегодня утром. Она прекрасная, и я думаю, ты не должен от нее отказываться.

И Уилф почувствовал себя так грустно.

– Но я однажды потеряю ее. Это неизбежно. Я искал это в интернете.

– О, ну, тогда это должно быть правдой.

– Серьезно. Это плохо. Я не имею в виду, что она умрет, но я потеряю ее, потому что однажды она уйдет туда, куда бы она ни уходила, и не вернется. У нас нет лекарства и знаний, чтобы это вылечить. Это нечестно.

Затем ему пришла в голову мысль.

– Готов поспорить, там, в звездах, готов поспорить, что они могли бы вылечить ее. Я уверен, что есть что-то...

И Донна сжала его руки.

– Это так не работает, дедуль. Бог знает, со всем, что я видела, со всеми людьми, которых я встречала, я несколько раз думала, что должны быть выходы из положения с болезнями, голодом, всеми разными противными вещами. Я думала, что, если я кричу на Доктора достаточно громко, он

может найти способ. Но неважно, в Чизике ты или на Малом Сектусе, легких ответов нет. Нам просто нужно иметь дело с тем, что дала нам судьба.

– Это нечестно, – повторил он.

– Да. Нечестно. И мне так тебя жаль. Потому что я люблю тебя, и мне действительно нравится Нетти, и если бы я могла найти способ сделать все легче для вас, я равда, правда сделала бы. И знаешь что, Доктор не знает вас обоих настолько хорошо, но, думаю, он попытался бы в десять раз сильнее, чем я. И, наверное, разницы все равно бы не было, так что нет смысла избивать себя за то, над чем у тебя нет власти.

Уилф посмотрел на Донну и задался вопросом, что случилось той глупенькой ветреной девочкой, которую он любил, но о которой волновался все эти годы. Теперь это была прекрасная, смелая, замечательная молодая женщина. И он любил ее еще больше.

И вот была Нетти.

Он освободил свою руку из рук Донны и взял руки Нетти в свои.

– Эй, – тихо сказал он. – Генриетта Гудхарт, я думаю, время для песни, как мы делали раньше, в старые дни?

Донна нахмурилась в замешательстве, но он просто подмигнул ей.

– Я знаю, что делаю.

Он начал тихо мурлыкать мелодию. Старый евангельский гимн.

– Когда начнут падать звезды, – начал он тихо петь, – О, Боже! Что за утро. О, Боже! Что за утро...

Он взглянул на Донну.

– Она сказала мне, что ее муж пел это с ней во время войны.

– Я думала, она никогда не была замужем.

Уилф натянуто улыбнулся.

– Никогда не говори никому, что я тебе это рассказывал, милая. Она была замужем. Три дня. И он был убит в Сингапуре, когда началась бомбежка. Она сказала мне, что они пели это на ее свадьбе, по дороге в большом серебряном Роллс-Ройсе. У нее была его фотография, она показала мне, он был великолепный. И потом, когда они пытались бежать из Сингапура, он умер, держа ее за руку, и она пела ему эту песню, когда он лежал, умирая, у нее на коленях.

Он снова посмотрел на Нетти.

– Никогда не говори никому, что я тебе это рассказывал, и в первую очередь ей. Обещай. Она правда его очень любила и поклялась, что больше никогда не выйдет замуж.

– Конечно, я обещаю, дедуля. Конечно.

Он снова начал:

– О, грешник, что будешь ты делать, когда начнут падать звезды... о, Боже, что за утро...

Глаза Нетти, казалось, сфокусировались, и она глубоко вздохнула, словно пробуждаясь.

– Я уходила, да? О, нет, я же не блуждала по улицам в одном нижнем белье? – она посмотрела на Донну и подмигнула. – Опять!

Уилф улыбнулся ей, из его глаза почти вытекала слеза, так что он сморгнул ее перед тем, как кто-то из них смог ее увидеть.

– Думаю, нам нужно вернуться на вечеринку, выручить Доктора, да?

Нетти встала и позволила Уилфу пойти вперед. Она немного отстала и оперлась на Донну.

– Я с каждым разом все больше устаю, – сказала она. – О, и спасибо тебе.

– За что?

– Его звали Ричард Филипп Гудхарт. А твой дедушка – единственный человек, которого я когда-либо встречала, который близок к нему.

К тому времени, когда они прошли в главный холл, ужин закончился.

Уилф и Доктор неожиданно возникли у дальней стены, и Уилф извинялся, потому что Ариадна Холт и Седрик Кроссленд отказались принимать Доктора серьезно.

– Меня смущает, что я знаю их.

Доктор с грустью посмотрел на Уилфа.

– Не стоит. Они хорошие люди. Некоторые из них немножко странные, но в глубине души они просто удивительно нормальные. Почему они должны мне верить?

– Ну, у нас были космические корабли, сонтаранцы и все прочее за последние несколько лет.

– Для человеческой способности все рационализировать нет отчетности, Уилф. Одна группа людей будет испуганна, другая не видит никакой опасности, потому что это в пределах их зоны комфорта. Люди – чудесные пионеры, любящие звезды, созвездия и просто наблюдающие, замечающие и перечисляющие небеса. Как ты! Ничто из этого не должно никогда остановиться, это слишком важно, даже то, что вряд ли будет признано еще пару веков. Никто не относился к Галилею, Копернику или Органону в их время.

– Ты очень хорошо принимаешь их грубость, Доктор.

Доктор пожал плечами.

– Это не личное. Такие люди, как доктор Кроссленд, просто не хотят правильно рассматривать вещи, которые выпадают из круга их полномочий. В худшем случае это безрассудно, в лучшем – легко упускается из виду. – затем он посмотрел на стакан лимонада в своей руке. – Обычно.

– Но эта самая Мандрагора, это не обычно, не так ли?

Доктор покачал головой.

– Это злобная сущность, Уилф. В последний раз, когда она была здесь и имела силу, умерло много людей. Но она пыталась остановить итальянское Возрождение, остановить развитие науки до состояния, в котором она сейчас. Я не понимаю, чего она хочет добиться теперь. Отправься назад на сорок лет и останови появление транзистора или микрочипа и да, ты испортишь следующее поколение человеческого прогресса. Но здесь? Практически ничего не случилось в этом году, даже в этом десятилетии, что действительно может так повлиять на будущее Земли. Вы будете брести с трудом около века. Высадитесь на Марс. Пара крупных космических полетов...

– Марс? Мы высадимся на Марс? Мы найдем марсиан?

– Спойлеры, – подмигнул Доктор. – Я должен молчать, – он сделал большой глоток лимонада. – В общем, я не уверен, оставлять ли Спираль Мандрагоры наверху в одиночестве и считать, что она просто следит за всем, или быть готовым к большому бою.

– Возможно, это как-то связано с этими мальчиками Карнес, Доктор. Ты сказал, что думаешь, что у них в семье инопланетяне.

– О да! И откуда Джо Карнес знал мое имя? – вздохнул Доктор. – О Уилф, Уилф, Уилф! Ты только что разрушил идеально приятный вечер.

– Правда? Как? И, эм, извини.

– Потому что ты только что заметил щель, крохотный, крохотный изъян в моей логике. Мандрагора связана каким-то причудливым образом с астрологией, не только с астрономией.

– Астрология – это чушь.

– Ну, в основном она составляется газетами. Но она восходит к Темным временам, так что, может быть, в ней *что-то* есть. Возвратись к рождению вселенной и увидишь, что у каждого общества, каждой цивилизации есть какой-то вид зодиака, вера в силу древних светил, связанных какой-то системой верований, основанной вокруг движения планет и звезд и

перемещения созвездий. Астрологи на планете Гинасс божатся, что нет такой вещи, как совпадение, и абсолютно верят в знание, что каждое событие с Большого Взрыва было предугадано, и это вопрос заранее установленной судьбы, от которой никто никогда не может убежать. Сейчас ты можешь подумать, что это чушь, и я могу думать, что это чушь, но Мандрагора процветает за счет этой веры, этой недоказанной системы, и использует это. Причина и следствие.

Уилф нахмурился.

– Но это все равно чушь.

– О да! Да, конечно. Чушь! Ну, может быть. Хотя это не останавливает Мандрагору от возможности получить доступ к этим энергиям.

Уилф пожал плечами.

– Как ты скажешь, Доктор.

Подошла Донна.

– Дедушка, я думаю, Нетти не помешает поддержка против того сумасшедшего старика, у которого есть мнения о месте женщины в современном обществе.

Уилф кивнул.

– Пока, Доктор. Кстати, надеюсь, что ты ошибаешься, – и он ушел.

– О чем все это было, золото? Ты расстраиваешь моего дедулю?

Доктор покачал головой.

– Нет, Донна, вовсе нет. Он заставил меня задуматься о совпадениях и причинности.

Он бегло взглянул на Нетти.

– Как она?

– Не уверена. Она только что отключилась ненадолго, но потом она, кажется, очнулась, улыбнулась и снова притащила меня сюда.

– Боюсь, это случается, – сказал он, все еще наблюдая за ней, в то время как она положила свою руку на талию Уилфа. – И не забывай, сама она к этому привыкла.

Донна похлопала его по руке.

– И еще кое-что. В баре. Тот красивый парень, который пригласил нас войти.

– Джанни?

– Да, он. Он все твердил о ком-то.

– О ком?

– Не знаю, сначала я не была уверена, говорил ли он вообще, но это, казалось, было что-то про человека, пирата с сумасшедшим дельфином.

Доктор пожал плечами.

– Может быть что угодно. Может, он слишком много выпил.

– Или работа с этими людьми сделала его помешанным, – улыбнулась Донна. – О, хорошо. Хотя не уверена, зачем тебе быть пиратом с сумасшедшим дельфином.

Доктор засмеялся.

– Только не я. Нам следует подумать о том, чтобы скоро уйти.

– Почему?

– Кое-что, связанное с очень старой и опасной сущностью, висящей недалеко от твоей планеты, которая вряд ли осматривает достопримечательности.

– Насколько опасно?

– Ну, она будет ждать чего-то вроде лунного затмения, которое, глядя на сегодняшнюю Луну, не выглядит особенно неизбежным.

– Всегда есть Тройная связь.

– Что?

– Дедуля сказал мне об этом, вот почему они все взволнованы его открытием той новой звезды. Сейчас международный год астрономии, и они все ждут увидеть первую тройную связь между Юпитером и Нептуном.

Донна была очень горда тем, что она сохранила всю эту информацию, но Доктор бежал через комнату к доктору Кроссленду.

– Тройная связь, – крикнул он, – когда она?

– Простите?

– В этом году, да? Но когда в этом году?

Кроссленд вздохнул.

– Я думал, вы должны были быть умным?

– Я умный. Но, как и все умные люди, я могу узнавать все, только когда люди дают мне прямые ответы на прямые вопросы, а не сарказм.

Доктор Кроссленд выглядел торжествующим. Он перехитрил Доктора.

– Ну, если вы знаете об астрономии столько же, сколько говорите, то знаете, что она происходит в настоящее время. Она началась недавно.

– Когда впервые было замечено хаотичное тело?

– Полагаю, что да.

– И когда она достигнет своего пика?

– Вот почему мы проводим этот ужин, Доктор. Главное событие случится в понедельник, около трех часов дня по местному времени.

– Вы, кажется, выглядите очень самодовольным, доктор Кроссленд, – сказал Доктор, – для человека, который вполне может умереть через сорок восемь часов. Плюс-минус пять или шесть часов.

Доктор Кроссленд нахмурился.

– Это угроза?

– Да, – ответил Доктор. – Не от меня, от меня – гарантия. Угроза от Мандрагоры. От вашего хаотичного тела. Оно здесь, чтобы всех вас убить.

Он поспешил к Уилфу, Нетти и Адриане Холт.

– Извини, что ухожу с вечеринки, Уилф, но мне нужно идти. Ты не могла бы довезти Нетти до дома, ладно, Донна?

– О, Доктор, иди, не беспокойся о нас. У меня в любом забронировано такси отвезти меня домой в одиннадцать, – сказала Нетти.

Она дотронулась до руки Уилфа.

– И даже не пытайся со мной спорить, Уилфред Мотт. Это твоя ночь, и я не хочу, чтобы ты сегодня чувствовал себя за меня ответственным.

Уилф перевел взгляд с нее на Доктора.

– Уилф не может уйти, – сказала Ариадна. – У нас еще не было презентации.

– Идем только мы, – сказала Донна. – Дедушка останется.

– Ну уж нет, – сказал Уилф. – Я иду с вами.

– Никто со мной не идет, – сказал Доктор, но его никто не слушал.

Донна заставила его подойти поближе.

– Дедуля, у Нетти сегодня вечером уже был один... период. Ты должен остаться с ней. Убедиться, что она доберется до дома. Езжай с ней на такси, потом задержи такси и отправляйся домой, да?

Она залезла в свою дамскую сумочку и достала три десятки.

– Не знаю, хватит ли этого, но должно помочь.

Уилф отказался от денег.

– Я могу сам заплатить за дорогу, спасибо, милая.

– Да, я уверена, что ты можешь, – сказала Донна. – Но все равно возьми, чтобы на моей совести не было того, что ты где-то застрянешь, и тебе придется вытаскивать из постели маму, чтобы она приехала и тебя забрала, хорошо?

Уилф посмотрел на свою внучку, на Доктора, который притворился, что нашел что-то интересное на потолке. Уилф взял деньги.

– Позвони мне, – сказал он. – Мобильный у меня с собой.

– Я знаю, что с собой. И он будет выключен или разрядится. Как и всегда. Мы будем в порядке, я увижусь с тобой утром.

Она поцеловала его, затем Нетти и взяла Доктора за руку.

– Идем, нам пора уже уходить.

Доктор попрощался с Нетти, Уилфом и Ариадной Холт, в то время как Донна тащила его обратно в дверь и к входу, мимо швейцара, наружу, на холодный ночной воздух. «Я шел сам», – запротестовал он, но Донна уже подозвала такси (ну, встала посреди Южной Ламбет-Роад и свистнула одному такси, которое сделало правильный выбор между тем, чтобы остановиться, проигнорировать ее или сбить).

Донна забралась внутрь, затащив затем Доктора.

– Куда? – спросил таксист. – У меня скоро начинается нерабочее время, так что лучше бы недалеко.

– Чизик Хай Роад, – сказал ему Доктор, добавив Донне: – мне нужна ТАРДИС.

Водитель рванул, проехал под железнодорожным мостом и отправился к Девяти Вязам и западному Лондону.

Первый отчет появился в 23:04. Он был из обсерватории Клеменстри в западной Австралии. Он сообщал, что новая звезда, та, что появилась в небесах неделю назад или около того, казалось, двигалась к соединению с другой звездой, M84628-7.

Что было немного необычно, заявил профессор Мелвилль, тыкая в монитор своего компьютера шариковой ручкой. Он был в своем кабинете в Антенной Системе Коперника, но, может быть, хотел быть в самом пункте управления радиотелескопом. Он обычно и был.

– Вот в чем проблема с этими новыми звездами, хаотичными телами, – сказал он своей молодой «помощнице», мисс Оладини. – Они хаотичны и не имеют смысла, научно говоря. Ты не согласна?

– В точку, профессор, – сказала она, не имея понятия, о чем он говорил. Она была здесь только по краткосрочному контракту от агентства «Ловелас» в Брентвуде, найдя временную стажировку, чтобы приобрести новые навыки. «Новые навыки» – ей было 25, и ей уже были нужны «новые навыки». Отчасти некстати, ей даже отдаленно не была интересна астрономия, но она не решалась сказать это Мелвиллю. Вместо этого она кормила и поила его плитками шоколада и чаем и слушала, как он рассказывал о своей кошке и

матери (Он жил с одной и говорил про другую, что ее положили под наркоз, потому что у нее были плохие почки, но мисс Оладини все же не была до конца уверена, что к кому относилось. Как бы там ни было, у нее было смутное подозрение, что здоровой была кошка).

Профессор Мелвилль был милым старым человеком. С упором на «милый». И на «старый». Он говорил, что был поп-звездой в шестидесятые, но она не была уверена, что верит ему. Мисс Оладини, конечно, он нравился, хотя она подозревала, что он был нанят в Антенную Систему Коперника (потому что, он, конечно же, был старше пенсионного возраста) только из сострадания. Может, то, что он брал ночные смены, берегло его от неприятностей.

Сама Антенная Система Коперника была радиотелескопом, построенным в садах старого большого георгианского особняка, который был превращен в кабинеты Антенной Системы, помещения для совещаний и так далее. Позор, думала мисс Оладини. Это был прекрасный старый дом – ей часто нравилось посещать старые дома и, хотя о том, чтобы сохранить оригинальные декоративные детали и части, очень позаботились, это место казалось бесплодным и лишенным естественного характера. Ей часто было интересно, кто жил здесь сотни лет назад, что с ними со всеми случилось и что бы они подумали о своих гостиных, кухнях, спальнях и танцевальных залах, превращенных в комнаты, полные скучных ученых и администраторов. В 23:04 пришел отчет из обсерватории Гриффин в Мериленде. Он тоже упоминал хаотичное тело, движущееся на совмещение с другой звездой. Но не той звездой M84628-7 из Клеменстри. Это была M97658-3. И это явно было абсурдом.

– Они все пили? – поинтересовался Мелвилль.

Это казалось мисс Оладини вполне хорошей идеей, хотя она на самом деле только хотела придти домой и лечь в свою постель. Она не сильно желала ехать на велосипеде в темноте, и в это время вечера на дорогах было много людей, которые могли быть не настолько утомленными.

В 23:17 пришел отчет из Проекта Тичо рядом с Биконсфилдом. Хаотичное тело приближалось к звезде M29034-1. Конечно, это все не было одновременно – в конце концов, сейчас в Калифорнии или Перте не было темно, только Мелвилль работал в ночную смену и только что включил свой компьютер.

– Все, что нам сейчас нужно, мисс Оладини, чтобы Минск предложил нам что-нибудь сумасшедшее, и...

И действительно, в 23:19 «Колосс» в Минске подал детали того, как хаотичное тело совмещалось с M23116-3.

Теперь Мелвилль был встревожен и заинтересован. Мисс Оладини тоже, несмотря на свое отсутствие интереса к астрономии, потому что она была студенткой-математиком (в результате чего она нашла себя здесь), и она вычислила, что возможность одного хаотичного тела внезапно сформировать новое созвездие с четырьмя ранее существовавшими звездами в одну ночь была.. ну, большей возможностью, чем пространство для чисел на ее калькуляторе.

Мелвилль передал в сообщении последние фотографии на большой экран, который занимал одну стену его офиса. Это был действительно большой экран и технология, сравнимая с производением искусства, на которую другие обсерватории и радиотелескопы по всей Великобритании пожертвовали бы много своих правых рук. Все, что нужно было сделать Мелвиллю – прочертить невидимую линию от монитора своего ноутбука к большому экрану на стене, и изображения вместе со словами переходили от одного к другому, как что-то из научно-фантастического фильма. Мелвилль был горд этой программой, но не имел понятия, как она работала. Он просто знал, что она работала, и это значило, что он мог перемещать картинки на экране размером со стену, не вставая с кресла. Что он сейчас и делал.

Сначала он разместил по центру его собственную фотопрографию хаотичного тела. Потом он наложил фото из Клеменстри. Потом из Гриффина, Тичо и, наконец, из «Колосса».

– Профессор...?

– Я знаю. Но это...

– Я знаю.

– Я хочу сказать, как...

– Не знаю.

– Мы никогда не видели ничего подобного.

– Я знаю.

Мелвилль схватил телефон со своего стола. Он был красный. Когда он начал набирать цифры, он бросил взгляд на мисс Оладини.

– Вы подписывали ЗГТ, мисс Оладини?

Она нахмурилась.

– Что сделала?

– Закон о государственной тайне. Вас заставили его подписать, когда вы получили бланки для стажировки сюда в агенстве?

Мисс Оладини задумалась на минуту. Мелвилль пугал ее этим вопросом. Обычно он был милым старичком, но немного не в своем уме, немного бессвязный, слишком часто курил свою трубку. Но сейчас он внезапно был настороженным и официозным, строгим, и все чувство эксцентричности пропало.

И мисс Оладини поняла, что этот глупый, суетливый, не в своем уме человек и был действием. Под всем этим профессор Мелвилль был резким, как свисток. Может быть, он и правда был поп-певцом.

– Ну?

Она кивнула. Она подписала что-то, на чем было слово «официальный», она это помнила. Если честно, она особо не обратила на это внимания, когда миссис Лавлейс в агентстве заставила ее поставить подписать. Все секретарши подписали листки бумаги об охране труда и здоровья, отказы от страхования и такого рода вещи, когда они получали трудоустройство. И один лишний лист тогда мало что значил.

Теперь он казался большим и пугающим.

– А что?

– Потому что без твоей подписи внизу этого бланка то, что я собираюсь сделать и то, что вы услышите, отправило бы нас в тюрьму до конца наших жизней, если вы не подписывали.

И мисс Оладини тщательно подумала. Ее мозг был хорош в числах.

– Бланк КД62344, – внезапно сказала она. – Я подписала его дважды и проставила инициалы в рамочку, в нижнем левом углу.

Мелвилль подмигнул.

– Спасибо.

Он ткнул в последнюю цифру на телефоне.

– Обри Ферчайлд, пожалуйста. Это Антенная система Коперника, код 18. Мое имя Мелвилль.

Мисс Оладини оглянулась на смонтированный коллаж изображений. Хаотичное тело и другие звезды на мониторе в отдельности ничего не значили. Но теперь, когда Мелвилль собрал их вместе, они сформировали картинку. И не просто какую-то абстрактную ерунду, которую люди видели как пару рыб, плуг или американские горки.

Это было лицо, абсолютно очевидно, отчетливо и точно. Лицо со ртом, искаженным смехом.

Мисс Оладини вздрогнула, потому что этот смех не был счастливым смехом. Это было чистое злорадство.

– Премьер-министр? Мелвилль, административный профессор в Антенной системе Коперника. Я посылаю вам изображение кода 18.

Пауза.

– Да, сэр. Нет, сэр, изображения объединили только здесь, это все еще угроза для Великобритании, но дайте несколько часов...

Профессор Мелвилль взглянул на мисс Оладини.

– Нет, сэр, только я и моя помощница. Мы останемся на месте, пока не получим новостей от ваших людей, премьер-министр. Нет, абсолютно, полная блокировка, никакой связи внутри или вне Антенной системы Коперника ни при каких обстоятельствах. Доброй ночи, сэр.

Профессор Мелвилль положил трубку.

– Это действительно был премьер-министр? – спросила мисс Оладини. Мелвилль кивнул.

– Прости, моя дорогая, но я думаю, мы проведем здесь долгую ночь. Ты не могла бы посмотреть, где у нас чай и молоко?

Мисс Оладини вышла было из комнаты, потом повернулась, чтобы увидеть, как Мелвилль вынул мобильный телефон из кармана своего пиджака. Она даже не знала, что у него был мобильный.

– Профессор? Разве вы не обещали мистеру Ферчайлду, что у нас не будет никакой связи?

Он улыбнулся.

– Вот поэтому мне и нужно, чтобы ты проверила чай. Если ты не в помещении, ты не можешь быть ответственной за то, что я нарушил обещание, совершил государственную измену и, вполне возможно, профессиональное самоубийство. Теперь, ради себя, иди.

Смущенная, мисс Оладини покинула офис. Но она ждала возле двери, чтобы узнать, могла ли она услышать, кому он звонил.

Она услышала сигнальные электронные гудки клавиатуры, и после всего небольшого количества звонков он заговорил.

– Добрый вечер, я профессор Мелвилль. Могу я поговорить с Доктором, пожалуйста?

Такси было на полпути до Принц Альберт Драйв, между Воксхоллом и Чизиком, проезжая со скоростью почти 20 из-за лежащих полицейских.

На заднем сиденье такси Донна вынула свой звонящий телефон и уставилась на номер, но не узнала его. Пожав плечами, она нажала «Ответить».

– Алло?

Она послушала и передала трубку Доктору.

Он улыбнулся.

– Я перенаправил звонки в ТАРДИС на твой номер. Должен был тебе сказать. Прости.

– Как ты раньше справлялся без мобильных? – вздохнула она. – По-видимому, профессор Мелвилль.

Доктор улыбнулся.

– И еще одно совпадение – это одна из тех ночей, разве нет? – сказал он перед тем, как говорить в телефон. – Ахав! Что я могу сделать сегодня ночью для Антенной системы Коперника? Как будто я не могу догадаться. Это включает в себя фразу «хаотичное тело»?

У мисс Оладини сегодня вечером в печенках сидели удивительные вещи. Сначала звезды, делающие картинки. Потом рехнувшийся старый профессор Мелвилль, который был на горячей линии с премьер-министром. Потом выяснилось, что молоко на кухоньке на этот раз не убежало. А, и потом ее парень, звонящий почти в полночь.

– Спенсер? Что ты хочешь?

– Не говори, что не воспользовалась тем чертовски большим телескопом, чтобы посмотреть на небо.

Мисс Оладини направилась к двери кухни, той, которая вела наружу, а не в коридор, и выглянула в холодный ночной воздух, на самом деле не думая, что увидела бы что-то невооруженным глазом.

Так что она была очень удивлена, когда увидела.

– Это какой-то фейерверк? – спросил Спенсер.

Она думала, что бы сказать. Десять минут назад небо было чистым и смеющееся лицо можно было видеть только на фотографиях. Теперь оно было видимым и на небе, и если ее глупый парень его заметил – и не списал его на заправленную светлым пивом поездку – тогда что-то нужно было делать. Она вспомнила акт о государственной тайне и сказала Спенсеру, что

да, это, наверно, просто что-то проектировалось с крыши одного из кинотеатров вниз по дороге к Дагенэму.

– Реклама фильма, – сказала она, добавив: – и нам вчера позвонили и предупредили об этом, – что было ужасной ложью, но она, казалось, осчастливила Спенсера.

После того, как он повесил трубку, ей пришло в голову, что остальной Брайтон может и не быть готов поверить ее истории – не в последнюю очередь потому, что она не могла позвонить каждому человеку индивидуально и им рассказать.

Может быть, премьер-министр так бы сделал. Или Патрик Мур.

– Как чай?

Мисс Оладини обернулась и увидела Мелвилля в дверях, с большой улыбкой на лице. Она упомянула, что это лицо с фотографии теперь было видно на небе, и Мелвилль подошел к окну и вгляделся в него.

– Не беспокойся, – сказал он, – за этим наблюдает эксперт.

– Из Даунинг-стрит?

– Нет. Кто-то гораздо лучше оборудованный, чем кто-либо оттуда.

Он бросил взгляд за окно.

– Это выглядит ужасно, разве нет? – сказал он в то время, как чайник начал снова кипеть. – С молоком, но без сахара, да, мисс Оладини?

Она молча кивнула.

– Сейчас я не волнуюсь, – добавила она. – Доктор разберется со всем этим.

Снаружи сверкнула вспышка света, и они услышали, как пара машин остановилась на автостоянке персонала.

– Быстро, – пробормотал Мелвилль, слегка нахмурившись.

– Даунинг-стрит или твой друг Доктор? – спросила она, стараясь звучать не взволнованно. – Или, может быть, кто-нибудь еще недалеко отсюда, обеспокоенный этой штукой в небе?

Но Мелвилль на самом деле не слушал. Он смотрел, кто был в машинах.

Фары оставались гореть, светя в окно кухоньки, так что они не видели, кто вышел из машины, просто слышали звук открывающейся и хлопающей двери.

Мисс Оладини вздрогнула. Это было... неправильно.

Мелвилль, по-видимому, был согласен, потому что он бросился к входной двери, словно чтобы запереть ее. Но он опоздал. Кто-то толкнул дверь.

Мелвилль стоял перед мисс Оладини, по-рыцарски защищая ее от кого угодно, кем бы были пришедшие.

Они были... ну, их было много, разных возрастов, не выглядящие особенно... по-государственному. Или ужасно угрожающие.

Но в них было что-то, подумала мисс Оладини, что-то в том, как они осмотрели кухню; их головы двигались неестественно, как будто они видели кухню изнутри впервые.

Старый, толстый человек был впереди, человек средних лет – за ним. Позади них были старая женщина и трио похожих на студентов людей, двое мужчин и женщина.

– Где остальные? – спросил старый человек с американским акцентом.

Профессор Мелвилль откашлялся.

– Это частная собственность. Это Антенная система Коперника. Вы не можете просто объявляться и уходить в полночь и...

Молодая студентка протиснулась мимо остальных, смотря на Мелвилля, словно она не вполне понимала, почему он здесь стоит.

– Вы... здесь работаете? – сказала она.

Эта – англичанка.

Он кивнул.

– Я отвечаю за радиотелескоп, а сегодня вечером я отвечаю за весь проект. Я должен вас предупредить, что вы привели в действие тревогу и полиция будет здесь в считанные минуты.

Заговорил другой студент. Его голос звучал по-европейски, с испанским или, может, итальянским акцентом.

– Я не могу засечь никакой тревожной системы. Человек врет. Человек? Какое странное выражение.

Но профессор Мелвилль казался равнодушным к выбору слов, на самом деле, он почти наслаждался ими.

– Какую планету вы представляете? Вы связаны с этим хаотическим созвездием?

Крупный американец снова заговорил.

– Вы можете быть нам полезны.

Не дрогнув, Мелвилль указал на мисс Оладини.

– И моя помощница. Если вам нужна моя помощь, вам нужна и ее помощь. Все в «Копернике» требует двух опытных операторов.

Мисс Оладини задалась вопросом, не сошел ли он с ума.

– Она высококвалифицированный физик и эксперт в области космических наук.

Определенно сошел с ума.

– Что-то здесь не так, – сказала пожилая женщина, тоже американка, выйдя вперед. Без предупреждения она коснулась плеча профессора Мелвилля. Сначала мисс Оладини посчитала, что они оба были ударены током, когда сильная багрянистая искра пронеслась между ними, и Мелвилль слегка пошатнулся, ахнув от боли.

– Профессор? – мисс Оладини вновь обрела дар речи, но немедленно об этом пожалела.

Мелвилль повернулся и посмотрел на нее, и на секунду она увидела следы того фиолетового света в его глазах.

– Хорошо, я соврал. Она моя временная помощница, – задыхаясь, сказал Мелвилль. – Она не понимает Антенную систему Коперника и безопасна.

– Мы можем поглотить ее.

– Отпустите ее, пожалуйста...

Мелвилль упал, и три студента перешагнули через него, направившись к ней.

Мисс Оладини сделала одну вещь, к которой ее не могли подготовить ни никакие угодно разговоры с миссис Лавлейс в Брентвуде, ни бланки Безопасности труда и здоровья, ни сто слов в минуту. Она развернулась и побежала изо всех сил из кухоньки, стуча каблуками, обратно в сердце коридоров и кабинетов Антенной системы Коперника. Она почему-то знала, что она спасает свою жизнь.

Такси ехало мимо Выставочного центра Эрлс Кот, когда Доктор постучал по стеклу и спросил водителя: «Вы не могли бы остановиться на одну минуту, пожалуйста?».

– Ну? – спросила Донна Доктора, когда такси замедлилось.

– Эммм, ну... Вообще-то тебе нужно отправиться домой, потому что я собираюсь попросить этого милого человека подвезти меня еще кое-куда.

– Чизик Хай Роад?

Доктор нахмурился, потом вспомнил, где была припаркована ТАРДИС.

– Нет. Нет, на самом деле, немного дальше.

Донна поняла.

– Ты собираешься повидать общительного парня на телефоне, в этом месте с телескопом. Коппер-Некерз, или как оно там называлось.

– Куда теперь, приятель? – спросил раздраженный таксист.

– Эссекс. Рядом с A127.

Водитель фыркнул.

– В такое время суток? Я живу на Баундз Грин. Я вам сказал, что я далеко от дома.

– Тогда оттуда у тебя не займет столько времени, чтобы добраться домой, так ведь, «приятель»? – огрызнулась Донна. – Сколько это будет стоить? Потому что я гарантирую, что у Доктора с собой немного наличных. И поскольку я сегодня уже пожертвовала дедушке, я могла бы дать денег и ему.

– Сто.

– Ладно, – сказал Доктор.

– Ладно? – пронзительно крикнула Донна. – Как это сотня фунтов – «ладно»?

Доктор не обратил на нее внимания и нагнулся к водителю.

– Но мне нужно туда попасть побыстрее.

– Ну, тогда сто двадцать.

– Как бы там ни было, – вздохнул Доктор. – Донна, увижусь с тобой завтра. Ты можешь поймать отсюда еще одно такси, да? А, и Донна?

– Да?

– У тебя ведь есть с собой эти сто двадцать фунтов?

Донна выглядела так, словно собиралась отколошматить его, но обратилась к водителю.

– Эссекс, – огрызнулась она, – через банкомат, пожалуйста.

Доктор поднял бровь.

– Донна?

– Милый, – широко улыбнулась Донна, – если я тебе дам сто с лишним фунтов, чтобы поехать к шикарному радиотелескопу, я отправлюсь вместе с тобой.

Доктор улыбнулся.

– Я надеялся, что ты это скажешь.

И такси поехало к Кенсингтону, в то время как доктор и Донна строили планы.

Уилф и Нетти прощались друг с другом, извиняясь за то, что подвели вечер к преждевременному концу.

– Мы скоро это повторим, – сказала ему Ариадна Нолт. – И у нас будет настоящая презентация.

– Мне жалко так быстро убегать, – Уилф соврал, – но что-то произошло. Мне нужно проводить мисс Гудхарт до дома. Пожалуйста, простите.

– Было бы за что, – сказал Кроссленд, похлопав его по спине. – Есть какая-нибудь уважительная причина для званого обеда, а? Для встречи на следующей неделе?

На лице у Уилфа была застывшая улыбка, но его глаза говорили о другом.

– Я бы, правда, с удовольствием, – сказал он.

Нетти нагнулась и прошептала ему:

– С ними все будет в порядке. Доктор знает, что делает.

Уилф улыбнулся ей, стараясь выглядеть успокоенным, чем он на самом деле себя чувствовал.

Он задавался вопросом, не следовало ли бы ему пойти с ними.

И еще больше его интересовало, что скажет Сильвия, когда он появится как раз после полуночи без них.

Антенная система Коперника была в темноте, когда такси остановилось на общественной стоянке. Донна заплатила сварливому водителю, который направился в сторону Лондона так быстро, как было возможно.

– Могу я спросить, как мы доберемся до дома отсюда? – прошипела она Доктору, когда они тайком крались в темноте. – Дорога назад неблизкая.

– Пешком?

Донна тыкнула в его плечо, и, когда он посмотрел на нее, она показала вниз, подразумевая, что он должен посмотреть на ее одежду.

– Ты прекрасно выглядишь, – улыбнулся он, надевая свои очки умного вида.

– Спасибо, Казанова, но я не это имела в виду. Я разодета под завязку в вечернее платье, которое не предназначено для того, чтобы его носить по дороге в сорок миль через Англию, – она вздохнула. – Знаешь, я должна была его позаимствовать. Вина меня не простит, если оно будет порвано. А если она меня не простит, Бог знает, что она с тобой сделает, когда я ей скажу, кто заставил меня идти в нем всю дорогу.

– Тогда не говори ей.

Донна сдалась и попробовала новую тактику.

– Хорошо, почему мы здесь и почему свет не горит? Конечно, если это обсерватория и сейчас ночное время, здесь должен быть разгар рабочего дня?

– Верное замечание, хорошо подмечено. Вот поэтому мы и обходим его вокруг через автостоянку и кусты, а не шагаем к парадной двери.

– Но я думала, здесь работает твой приятель.

– Работает.

– Тогда почему мы не шагаем к парадной двери и не говорим: «Эй, друг Доктора, ты звонил, и мы пришли»?

Доктор смотрел на машину, припаркованную вдоль газона на автостоянке персонала.

– Что не так с этой машиной?

Донна уставилась во мрак.

– Они не знают, как ровно парковаться?

– И?

– Они помнут траву?

– И?

– И... фары гаснут?

– Вот оно.

– И?

Доктор улыбнулся.

– Подумай об этом. Насколько старой выглядит машина?

– Она новая. Значит, она должна была просигналить, что они оставили фары включенными. А они не обратили на это внимания. И, если она новая, та штука, от которой работают фары, не должна была разрядиться так быстро. Папа пару лет назад оставил фары гореть на всю ночь, и они все еще горели на следующее утро, и с машиной все было в порядке. А его машина была древней.

Доктор подошел к машине со звуковой отверткой в руке и протестировал ее.

– Огромная утечка энергии, местная, – пробормотал он.

Донна хлопала его по руке.

– Эй, ты видел это?

Доктор проследил за ее взглядом. В небе было ухмыляющееся лицо из звезд.

– Свет в городе, должно был, скрыл его по дороге сюда, – тихо сказал он.

– Фейерверки?

– Будем надеяться, что большинство людей думает так, – ответил он.

– Значит, не фейерверки.

– Не фейерверки, – подтвердил он. – Хаотичное тело за работой.

– А как называют хаотичное тело у себя дома?

Доктор пожал плечами.

– Не имею понятия. Твой дедушка познакомил меня с этим определением прошлым вечером. Но новая звезда, которая может передвигать другие звезды в небе в такое расположение? Очень хаотично, я бы сказал.

– Я бы тоже.

Донна подошла к парадной двери здания Антенной системы Коперника.

– Снаружи мы немного узнаем, так ведь?

Она нашла несколько колокольчиков и позвонила в тот, на котором была надпись «ТОЛЬКО В ЭКСТРЕННОЙ СИТУАЦИИ».

Ничего не случилось.

– Местная утечка энергии, надо полагать, – улыбнулась ему Донна.

Доктор вздохнул и догнал ее, светя на дверь звуковой отверткой и открывая ее.

Полная темнота.

– Так кто этот твой общительный профессор?

Доктор использовал синий свет отвертки как фонарик, стараясь определить таблички на офисах.

– Встретил его несколько лет назад. Один из тех людей на этой планете, к которым я могу время от времени возвращаться, если мне нужна помощь специалиста. И наоборот, они могут позвонить мне, если я им нужен.

Он указал наверх.

– Кабинет профессора Мелвилля этажом выше, пункт управления Антенной системой в задней части, через сады и налево.

– Скучный кабинет или захватывающий телескоп?

Доктор улыбнулся, выглядя слегка жутко в синем свете своей звуковой отвертки.

– Ты пытаешься повлиять на мой выбор, Донна Ноубл?

– Конечно, телескоп, нет, Доктор. Я бы, телескоп, и не подумала бы пытаться, телескоп, говорить тебе, что делать и куда идти.

При последних словах Доктор взглянул на нее, и она засмеялась.

– Ну ладно, – сказала она, – но я не в этом смысле.

– По какой-то причине я думаю, что нам стоит расследовать этот телескоп.

– Это как если бы Деррен Браун был бы в этой самой комнате, – засмеялась Донна.

Они прошли по коридору от парадной двери, пока не дошли до французских окон, доходящих до пола, выходящих на внутренний дворик. Доктор открыл их звуковой отверткой, и они вышли обратно на прохладный ночной воздух.

– За нами следят, – сказала Донна после того, как они шли минуты две.

– Откуда ты знаешь?

– У меня выются волосы, – ответила она. – Это и еще факт того, что я вижу их впереди.

Доктор взглянул во мрак.

Там была группа мужчин и женщин, стоящих возле самого входа в Антенную систему.

Донна взглянула вверх на холодные металлические ступени и широкие проходы, ведущие к кабине, которая была занята чашеобразным радаром, который и составлял Антенную систему.

– Я впечатлена, – сказала она.

– Ими?

– Нет, Антенной системой. Никогда раньше не видела радиотелескопа, разве только что по телевизору. Мило.

Она внезапно выкрикнула группе:

– У вас милая тарелка, спасибо, что дали нам придти и посмотреть на нее. А там есть сувенирный магазин? Люблю купить своему дедушке кружку с картинкой. Или магнит на холодильник.

– Или, – присоединился Доктор, – кухонное полотенце. Вы делаете кухонные полотенца? Сейчас все делают кухонные полотенца. Никогда не был уверен, зачем вы купите где-нибудь кухонное полотенце, но это другой разговор.

Никакого ответа от группы.

– Вообще-то, я ищу профессора Мелвилля, – продолжил Доктор. – Он здесь? С ним все в порядке?

Невысокий человек со шрамом на щеке выступил вперед.

– Это он? – прошептала Донна.

Доктор покачал головой.

– Нет. Досада.

– Отлично, – произнес нараспев человек с легким акцентом, портящим его в остальном четкий английский. – Ты Доктор.

– Что вас заставляет так говорить?

– Мы чувствуем, что ты... не полностью человек.

– Не полностью? – Доктор казался оскорбленным. – Я даже *отдаленно* не человек, спасибо вам. Ужасный вид. Вечно сражаются и ворчат.

– Эй! – сказала Донна.

– Видите, что я имею в виду? Редко поднимаются над использованием гортанных звуков и, чтоб мне провалиться, то, что они называют поп-музыкой... Я имею в виду, я знаю, что понемногу уживаюсь с этим, но доходит до того, что ты не можешь отличить мальчиков от девочек или понять текст песни, не так ли? Потом, конечно, еда. Вы пробовали когда-нибудь их гамбургеры?

Пожилой человек поднял руку, чтобы остановить трескотню Доктора, и он остановился, но улыбнулся.

– Я мог бы продолжать всю ночь, но догадываюсь, что могу вам надоесть, поэтому что вы думаете о том, что вместо этого мы просто поболтаем о том, почему вы захватили разум этих бедных людей?

– Это родословная, – ответил низкий человек.

Доктор бросил взгляд на Донну, и она видела, что это был не тот ответ, которого он ожидал.

– Как в генеалогии? – отозвался он.

– Четыре человека здесь могут проследить свои семьи до одного определенного места во времени. Это дает мне над ними власть.

– А другие?

– Трутни. Рабы. Добровольные слуги.

– Добровольные? Правда? Это приятно. Хотя, на самом деле, неправда, так ведь? Но если ты хочешь в это верить – ладно.

Доктор направился к ним, так что Донне пришлось последовать.

– Ну, хорошо, откуда ты изначально родом? – он указал вверх на образование в форме лица в небе. – Что-то, связанное с этим, как я предполагаю.

Невысокий человек со шрамом пожал плечами.

– Все в свое время, Доктор. Мадам Дельфи нужно с тобой поговорить.

Он поднял свою руку в направлении Доктора и, прежде чем Донна успела даже охнуть, солидный трещащий заряд пурпурно-красного света вылетел с кончиков его пальцев, угодив Доктору прямо в грудь и отбросив его на пару футов.

Он был почти без сознания к тому времени, когда Донна добежала до него.

– Уходи... предупреди людей... – было все, что он смог сказать, прежде чем его глаза закатились и ритмичное поднятие и опускание его груди замедлилось до медленного движения.

Донна знала, что прямо сейчас она ничего не могла сделать, кроме того, о чем он ее попросил. Она должна была найти помощь.

– А человек? – спросил один из остальных в группе.

– Убить ее, – ответил мужчина, и Донна увидела, как все остальные поднимают руки в похожем жесте.

– Не сегодня, спасибо, – крикнула Донна и побежала к окнам до пола, делая при этом зигзаги, зная о молниях фиолетовой энергии, врезающихся в деревья по обе стороны от нее.

Она была почти у французских окон, когда они разбились вокруг нее на металлические и стеклянные части.

Закрыв лицо руками, Донна побежала прямо через обломки в потемневший особняк. Она пробралась в прихожую, откуда огромная деревянная лестница вела на верхние этажи.

– Видела это в фильмах, – пробормотала она.

Она направилась к задней части лестницы, где, конечно, была дверь, ведущая в подвал. Донна рывком открыла ее, досчитала до трех и закрыла, очень громко хлопнув.

Потом она прошла на цыпочках до одного из кабинетов и проскользнула внутрь.

Секундами позже, предупрежденная ее хитростью, маленькая группа людей появилась у двери в подвал. Донна наблюдала, как двое из них спустились по лестнице, оставив одного на страже. Черт, она надеялась, что они все спустятся вниз и она сможет закрыть их здесь внизу.

Человек на страже, казалось, осматривался, и на секунду Донна подумала, что он поймет, где она прячется. Затем другой человек, которого она до этого не видела, наскочил на него, с силой откинув его в стену.

Незнакомка приставила стул напротив ручки двери в подвал, закрыв двоих внутри, как планировала Донна, и затем крикнула ей: «Давай!»

Донна побежала к своему новому союзнику и позволила повести себя вниз по коридору.

– Кухня... – выдохнула незнакомка. – Сюда...

Прозвучал небольшой взрыв, и Донна догадалась, что эта пара взорвала себе путь из подвала.

– Хорошая идея, пока она длилась, – улыбнулась она. – Я Донна Ноубл.

– Я мисс Оладини, – поспешно сказала мисс Оладини. – Приятно познакомиться. На машине?

– Я приехала на такси.

– Нет, на *их* машине?

– Стоит попробовать.

Они с грохотом прошли через дверь кухни на автостоянку персонала, прямо к оставленной машине. Донна заняла водительское сиденье.

– А ключи? – спросила мисс Оладини?

– Ключей нет, – сказала Донна. – Потому что жизнь никогда не бывает такой удобной.

Мисс Оладини забралась под приборную панель и выдернула несколько проводов.

– Молодость потрачена впустую, – сказала она.

Двигатель вяло запустился, затем остановился опять.

– Еще раз, – посоветовала Донна. – Но если он не заработает, бросай это, потому что они будут к этому времени знать, где мы!

Мисс Оладини еще раз попыталась завести машину без ключа, без успеха.

Двое их преследователей появились с поднятыми руками у кухонной двери.

– бежим! – крикнула Донна и выскочила из машины, в то время как фиолетовая энергия врезалась в нее и машина взорвалась.

Донна лежала в кустах, платье Вины было в клочьях.

– Я – труп, – пробормотала она.

Не было ни следа мисс Оладини, но было трудно что-то увидеть с горящей машиной, закрывающей ей вид. Донна осмотрелась вокруг и увидела велосипед, прислоненный к дальней стене.

– Ты, должно быть, шутишь, – пробормотала она, затем посмотрела на свою одежду. – Волков бояться – в лес не ходить.

Надеясь, что пламя, которое скрывало ее от ее противников, удержит ее вне их поля зрения, она проскользнула через лужайку к велосипеду.

С последним взглядом в поисках мисс Оладини и грустным осознанием того, что машина, скорее всего, стала ее погребальным костром, Донна схватила велосипед и вскарабкалась на него. Она слегка виляла, постепенно снова привыкая к езде, и затем сорвалась с места вниз по тропе и потом – на главную дорогу.

Она ни за что не вернется в Чизик на велосипеде, у нее не было лишних трех дней, но она могла доехать до ближайшего города.

Когда Донна бешено крутила педали, горящая машина освещала фасад Антенной системы Коперника позади нее, а пламя отражалось в огромных окнах особняка. Но даже следа людей она не видела.

Воскресенье

Когда Донна подрастала, она слышала фразу «выстрел, который был слышен по всему миру», использованную, чтобы описать, какой эффект убийство американского президента Джона Кеннеди оказало на всю западную цивилизацию. Люди всегда говорили, что они могли вспомнить, где они были, когда это произошло.

Как ребенок семидесятых она выросла, услышав о вещах вроде высадки на Луну, убийств обоих Кеннеди и Мартина Лютера Кинга, государственных похоронах Уинстона Черчилля, но никогда полностью их не понимала. В детстве хопперов⁴, Донни Осмонда, велосипедов с высокими рулем и сиденьем, слова вроде «Блиц», «нормирование» и «жаркое из капусты и картофеля» просто значили, что старики вспоминали про примерно двадцать лет назад и, наверное, жаловались, что сегодняшняя молодежь не знала того хорошего, что было у них.

В первый раз, когда Донна обнаружила, что говорит это сама – одному из соседских детей, который поцарапал недавнюю папину машину – она ужаснулась. Она в итоге стала тем, что она высмеивала в своих родителях и дедушке с бабушкой, когда она была в возрасте этих детей. Сейчас для нее не было ничего лучше, чем слушать, как дедушка Уилф болтал о войне, своей жизни в парашютно-десантном полку или о днях Нанны Ейлин в «Земледельческой армии».

Сегодня был день, похожий на 22 ноября 1963 года – день, когда другой выстрел будет услышан по всему миру.

Воскресенье, честно сказать, началось очень плохо. Донна проснулась в своей постели (это было хорошо), хотя спала она только около двух часов (это было плохо).

Рваное платье Вины было брошено на пол (плохо), рядом с ним – квитанция, которую она получила от таксиста (это плохо – от кого она потребует деньги назад?), который привез ее откуда-то, что называлось Южный Вудхэм Феррерс, обратно в Чизик. Квитанция была на 225 фунтов (очень, очень плохо – ее счет должен сейчас быть пустым). Уилф был на ногах, когда она вернулась (очень хорошо), и слушал, в то время как она рассказывала ему обо всем, что случилось в Антенной системе Коперника.

⁴ Резиновые шары с ручками, которые позволяют сидеть или прыгать на нем (прим. переводчика).

Он крепко ее обнял, пообещал, что они найдут способ спасти Доктора и отправил ее отоспаться.

Донна была в бешенстве на себя – она оставила Доктора там, она бросила его так, как он бы никогда с ней не сделал (плохо). Но она была и практичной. Он сказал ей уйти, и это было правильно, потому что иначе он был бы убит (определенно плохо).

Донне хотелось смерти, но ей нужно было найти помощь и вернуться обратно в Антенную систему.

Может, она могла бы отыскать Марту Джонс и ее приятелей из ЮНИТ – ей нравилась Марта, и она знала, что она бросила бы на помощь все силы.

Когда она спустилась по лестнице, она взяла том телефонного справочника и была уже на букве Ю, когда поняла, что ЮНИТ наряд ли будет там, а будет в рубрике «Военные организации, посвященные уничтожению марсиан» (ни хорошо, ни плохо, а просто немного воинственно).

– Доброе утро, мадам, – огрызнулась через прихожую Сильвия Ноубл.
– Я прошлой ночью за тебя волновалась.

– Почему?

– О, не знаю. Притащиться обратно на рассвете после ночи, в которую собралась вместе с Доктором? В твоём возрасте? Я хочу сказать, собираться вместе хорошо, когда тебе 21, но когда средний возраст был только несколько Дней рождений назад...

– Эй!

– Как бы там ни было. Дело в том, что пора взрослеть, молодая леди.

– Спасибо, мам. Слишком старая, чтобы вместе собираться, но не слишком старая, чтобы жить со своей матерью. Великолепно.

– Никто не заставляет тебя здесь жить, – сказала Сильвия, дав Донне чашку чая в руки. – Ты сейчас не особо много делаешь. Уходишь с Длинноногим Папашей на всю неделю напролет, – она потянула домашний халат Донны, затянув пояс и расправив воротник. – И где же он теперь? Вытащил твоего дедушку на надел, конечно. А утро не теплое, и он оставил здесь свой термос. – Сильвия лизнула свой указательный палец и стерла след на щеке Донны.

– Все же предполагаю, что они оба вернутся к обеду. Воскресное жаркое и всякие гарниры? Ха! Как бы ни так. Вот что я тебе скажу, сегодня поездка к «Джолли Лок Кипер», и там можно съесть все за десять фунтов, моя девочка. Те дни, когда я была рабыней говядины и Йоркширского пудинга, ушли вместе с твоим папой, позволь мне сказать тебе, – Сильвия

распустила рыжие волосы Донны за ушами и легким щелчком смахнула челку. – Тебе оставили записку прошлым вечером, я нашла ее, когда меня разбудил твой дедушка, заявившийся после того, как вы его подбросили на такси. Я не читала, но она от тех мальчиков Карнес, о которых говорил Доктор.

Донна хотела спросить, откуда она знала, от кого была записка, если она ее не читала; но это вело к затруднительному положению с записками от парикмахеров, когда Донне было двенадцать, и до писем от Мартина Харта, когда Донне было пятнадцать, и к тому, кто какие из них открыл, когда они были адресованы другому. Так что она молчала.

Еще у Донны были угрызения совести за ростбиф и Йоркширские пудинги, воскрешенные в памяти ее мамой, поданные под фантастическим соусом. Гравировкой с папой. Дедушка и Нанна приехали на день, болтают о расписании электричек, клубе коллекционеров машин и долгих прогулках в Большой Виндзорский парк. Внезапно ей захотелось, чтобы ей снова было десять лет.

И она хотела плакать.

– Мам?

– Что?

– Я скучаю по папе.

И Сильвия обняла свою дочь так, как не делала этого очень долгое время. Затем отстранилась, как будто вспомнила, что начальная установка Сильвии Ноубл – быть брюзгливой и непреклонной, а не чувствительной и теплой. Особенно с ее своенравной дочерью.

Но этого момента было достаточно, чтобы сделать Донну счастливой. Потому что это был настоящий интуитивный жест.

– Ты не могла бы позвать своего дедушку, пожалуйста, узнать, когда он вернется и присоединится ли к нам в пабе твой Доктор.

– А Нетти?

(У, очень плохо).

– Если мы должны.

Желая сменить настроение, Донна открыла парадную дверь, чтобы проверить погоду.

– Мам, а почему ты сказала, что дедушка ушел на надел?

– А что он еще делает? Он либо рядом с овощами, либо с Нетти. Когда это не одно и то же.

Донна бросила на нее взгляд, и у Сильвии хватило приличия извиниться.

– Прости. Так привыкла быть одной, что забыла, что я не должна говорить другим то, что говорю вслух сама себе.

– Мы побеспокоимся о тебе и Нетти потом. Дедушка взял машину. Которая ему для надела не нужна.

Сильвия нахмурилась.

– Он не сказал, что возьмет ее. Он сказал, он встретит Доктора.

– Так ты посчитала, что на наделе?

– Как и прошлым вечером, да.

Донна набирала своего дедушку на мобильном телефоне, но он был выключен. Этот глупый плутишка направился к Копернику, так? И он не взял ее с собой.

И в этот момент случился «выстрел, который был слышен по всему миру.

Донна помнила, что она была в своем халате, стоя возле приоткрытой двери, держа в руках записку от мальчиков Карнес (непрочитанную, по крайней мере, ей), уставившись на место, где должна была быть машина, а ее мать стояла прямо за ней. Рядом с телефонным справочником стояла чашка свежего чая. Через дорогу старый мистер Литтл выгуливал свою собаку. Маленькую черную и неопределенной породы, всегда пахнущую мокрым мехом. Слева, видимый боковым зрением, был припаркован синий фургон.

И, заняв все голубое небо, был массивный, свирепо ужасный столб чистого яркого света, самые края были покрыты румянцем слабого фиолетового проблеска.

Донна услышала, как ее мама сказала: «О Боже, только не опять, только не опять небо в огне».

Но оно не все было в огне. Только одна эта колонна, сопровождаемая звуком, как от газового пламени в плите, но увеличенного на десять тысяч децибел.

Донна просто знала, что там, куда эта колонна света ударила землю, происходило что-то ужасное, где-то к западу от Чизика. Хотя она тогда этого не знала, но по всему миру, не важно, в какой временной зоне, похожие колонны горячей энергии делали то же самое.

И в небе все еще было это хитрое лицо из звезд, его отвратительная ухмылка казалась больше и шире, чем когда-либо раньше.

– Мам, внутрь, быстрее. Закрой двери, никого не впускай, кроме меня. Или дедушки. Или Доктора. Особенно Доктора.

– И почему он такой особенный?

– О, просто скажи, что ты это сделаешь.

– Хорошо, – пробормотала Сильвия. – А куда это ты собираешься?

– Мне нужно постараться его найти. Вообще-то, их обоих.

– Разве они не вместе?

– Об этом я и беспокоюсь.

– Ну, ты не можешь выйти в таком виде.

Донна поняла, что она еще не была одета, и побежала наверх, сбросив халат, едва вбежав в двери своей комнаты.

– Не оставляй одежду на полу, – крикнула Сильвия.

Донна подняла его, повесила на дверной крючок и вздохнула.

– Приоритеты, мама, – пробормотала она.

Одетая в футболку и спортивный костюм, который она не могла поверить, что когда-нибудь носила, но знала, что он будет теплым, Донна направилась вниз, хватая тяжелое пальто.

Снаружи, на улице, она слышала людей и машины, набирающие скорость. Все уже увидели столб света, а теперь они видели это ужасное лицо в небе.

Дай только полчаса, и на улицах везде будет паника, массовые беспорядки, грабежи и полиция. Ей нужно было быстро выбраться из Лондона.

– Машины нет, – ругнулась она на себя.

Она открыла переднюю дверь – тот синий фургон.

Так неправильно. Так неправильно, Донна Ноубл. Так неправильно.

И затем она была у водительского окна, смотря на сиденье. Приборная панель. Отсутствие ключей. Закрытая дверь.

У бедной мисс Оладини все выглядело так просто, когда она завела ту машину без ключа, но Донна не представляла, откуда начать.

Великолепно.

Она на всякий случай попробовала дверь.

Она была открыта.

Она бросила беглый взгляд на улицу, но никто из огромного скопления людей на нее не кричал и не утверждал, что фургон – его. Она втянула себя на водительское сиденье и засунула руку под сиденье, чтобы отрегулировать его. Бог знает, почему – она никуда не собиралась, потому никто в этот день

и в такой век не был бы достаточно глуп, чтобы класть свои ключи под сиденье незакрытого фургона.

Она вынула руки, и в них была связка ключей от машины.

– А еще я хочу трехколесный велосипед, пони и пожизненный запас молочного шоколада, – сказала она вслух, опять засунув руку под сиденье, просто на случай, если ее рождественские желания с того времени, когда ей было восемь, тоже исполнились.

Ни пони, ни велосипедов, ни даже растаявшей шоколадной плитки.

Но ключи – это было хорошо.

Она резко дала задний ход, и спустя секунды была на пути обратно к Чизик Хай Рoad, планируя второе путешествие к Эссексу за двенадцать часов.

Она бросила последний взгляд в боковое зеркало на свой дом, когда она развернула фургон и сорвалась с места, надеясь, что ее мама не видела, как она это сделала. Потому что тогда последовало бы строгое наказание. И это правильно!

Прежде чем даже она добралась до главной дороги, на улицах появились толпы, смотря и показывая пальцами, и она слышала сирены машин скорой помощи, полицейских и пожарных машин вокруг, которые все направлялись к западу, к М4. Туда, где столб света ударил землю. Она направлялась к Лондону, и эта сторона дороги была относительно пустой даже для воскресенья.

Внимание Донны было привлечено к людям снаружи различных электробытовых магазинов, которые усеяли обе части улицы. На Чизик Хай Рoad в большинстве были кафе и театры, но это вторжение магазинов технических новинок было странным. Она вспомнила, что Доктор сказал, что встретил мальчиков Карнес в одном таком.

Все это мелькнуло в ее голове за короткую секунду, наверное, потому, что перед ней на дороге были Люкас и Джо Карнес.

Как будто они ждали ее.

Буквально.

Стоя на улице. В одну минуту дорога была пустой. В следующую перед ней были два мальчика.

Донна нажала на тормоз и едва избежала буксования, совершив, на самом деле, грациозную остановку, хотя человек позади нее ударил по клаксону.

– Да? И что ты там еще получил на Рождество, миленький? – крикнула она ему в ответ. – Пошел ты...

Дверь пассажирского салона открылась, и Джо с Люкасом забрались внутрь.

– Джо говорит, что мы должны быть где-то, что называется Коперником, – тихо сказал Люкас. – Еще он знал, что ты будешь здесь. В это время.

– Конечно, знал, – ответила Донна, направляясь вперед, в то время как разгневанный водитель обогнал ее, убрав одну руку с руля и делая в ее сторону жест. Пожав плечами, Донна продолжила ехать к Хаммерсмиту.

– Доброе утро, Джо, – крикнула она мальчику, который был сейчас сзади.

Джо не ответил, но вынул что-то из кармана.

– Что это? Новый МП-3?

– Это М-ТЕК, – ответил за Джо Люкас.

– Что? – Донна старалась прозвучать заинтересованно, но не звучала. Она была больше сосредоточенна на том, откуда они знали, что она будет здесь.

– Он сказал ему, где ты будешь, – продолжил Люкас. – Он с ним разговаривает.

Это вроде как ответило на ее вопрос, решила Донна, но раздражающе бросила пару десятков других.

– Так вот откуда он на днях узнал имя Доктора?

Люкас пожал плечами.

– Не знаю. Человек в магазине дал его ему. Сказал, что это демо-версия. Он раздал около десяти штук. Сказал, что Джо будет нужным человеком, чтобы иметь один такой. А он не рассказал мне, пока мы не пришли домой и я не нашел его, когда он скачивал на него музыку.

Это имело смысл для Донны, хотя на самом деле это вообще не имело смысла. Когда ты путешествовал с Доктором, ты начинаешь признавать, что то, что не имело смысла, на самом деле *имело* смысл, не имея смысла для обычных людей.

Так благодаря этому М-ТЕКу Джо Карнес все знал. Или он все ему говорил. О том, что привлекает внимание Доктора.

– Ваш папа никогда вам, мальчикам, не говорил о принятии подарков от незнакомых?

– Мой папа говорил, – сказал Люкас, бросив взгляд на Джо. – А папа Джо не остался поблизости достаточно надолго.

Ну, подумала Донна, это – убийца беседы. Она сделала неожиданный поворот на кольцевую развязку на Хаммерсмит, из-за чего кто-то загудеть клаксоном. Может быть, это был тот же водитель, что и раньше, но она не знала и знать не хотела. Она повернула на Талгарт Род.

Оно было пустым. Действительно пустым. Это было шестиполосное шоссе, ведущее к центральному Лондону через Эрлс Кот, потом Найтсбридж, Гайд Парк и, в конце концов, к Пиккадилли. Должно было занять двадцать минут, может быть, тридцать, чтобы добраться до Пиккадилли в воскресенье в обед, и это без каких-либо дорожных работ. Донна сделала это за десять, и она особенно не торопилась.

Словно все люди в Лондоне уезжали... нет, ехали к чему-то. К этому свету. Они все направлялись к нему.

Зеваки, желающие сделать фотографии на свои мобильники и сказать: «О, смотрите, мы видели кровавую бойню!», или что-то более зловещее? В таком случае, почему на нее это не повлияло?

– Извините, мальчики, опять нарушение закона... – Донна достала мобильный в то время, как вела машину, и позвонила своей маме. Нет ответа. Это не было хорошей новостью.

И вот она, в украденном транзитном фургоне, едет через опустевший Лондон, к более темному Эссексу, чтобы спасти своего деда и друга от убийц, без возможности связаться с домом, и это дополнено проклятыми детьми рядом с ней.

– Спасибо, Доктор, – сказала она, ни к кому в особенности не обращаясь.

За двадцать миль от Донны и мальчиков было очень много полиции и скорой помощи вокруг Лесов Руислип, и еще больше аварийных служб, прибывающих из близлежащего Хиллингдона.

Огромная молния белой энергии ударила в лесной массив – один из наиболее охраняемых лесов Британии – хотя теперь здесь особо нечего было охранять. Она создала огромный чашеобразный кратер шириной примерно в четверть мили, уничтожив деревья, травы и кустарники. Маленькую струю дыма уносило в утренний воздух, а рядом жались толпы зрителей, частично от изумления, частично от шока, но большей частью от страха.

Было ли это крушение самолета? Бомба Аль-Каиды? Что-то пошло не так в военно-воздушных силах? Несчастные случаи? О Боже, мои дети играли здесь? Кто-нибудь видел мою собаку, помесь лабрадора? Простите,

вы не видели моего мужа, он бежал трусцой? Вы видели то ужасное лицо в небе? Это трюк из фильма? Я никогда не верил, что Ирландская Республиканская Армия прекратила огонь...

Сержант полиции Элисон Пирс пыталась контролировать толпу и своих собственных офицеров, чтобы аварийные бригады могли пройти. Смена в воскресенье утром казалась такой хорошей идеей. Три ребенка означали, что она уже не работала в ночные смены, но ее мама могла присматривать за детьми в воскресенье, пока она была на смене. Обычно она была дома к десяти, видела их спящими и отправляла их утром в школу. Она уже позвонила домой и предупредила свою любимую маму, что бабушкина забота может понадобиться на ближайшую пару дней. Одна только бумажная работа с этим ее займет. И это если предположить, что она когда-нибудь выберется из места происшествия.

– Эй, извините! – крикнула она молодому парню, который пытался забраться под красно-белую ленту. – Сэр? Вы не можете пройти...

Человек ее проигнорировал. Сержант Пирс взяла свое радио и вызвала пару коллег, в то время как она сама шагнула за линию и поспешила к нему.

– С возвращением, – сказал он... ничему. Просто белому пеплу, который раньше был деревьями и Бог знает, чем еще.

– Сэр, я должна попросить вас вернуться за линию. Это место совершения преступления.

Мужчина продолжал не обращать на нее внимания, и Пирс заметила, что еще пятеро человек сделали то же самое по всему периметру.

– Ребята, – сказала она в радио, – что происходит?

Ей ответил один из полисменов:

– Мы не могли их остановить, сержант, они просто ушли от нас.

Пирс вздохнула и обратилась к мужчине, но он сейчас был на коленях, протягивая руку к пепельной земле.

– С возвращением, – снова сказал он.

И его пальцы дотронулись до земли, в то время как сержант Пирс потянулась к его руке.

Она почувствовала удар, небольшой, но мощный электрический удар, и обнаружила себя на добрую пару миль дальше, лежащей на спине и трясушей головой, чтобы прояснить ее.

Теперь человек возле кратера с пеплом стоял. Пирс поняла, что другие люди – теперь всего их было семь – сделали то же самое. Они как будто охраняли это место.

Молодой полисмен, который разговаривал с ней по радио, был рядом с ней.

– Вы в порядке, сержант? – сказал он, помогая ей подняться.

Она оттолкнула его.

– Я в порядке, Стив. Что это, черт возьми, такое?

Констебль Стив Дуглас пожал плечами. Сержант Пирс попыталась связаться по радио, но все, что она получила – это треск.

Констебль Дуглас попробовал включить свое радио. Результат тот же самый.

– Ладно, это ужасно странно, – сказал он.

Сержант Пирс ушла обратно за линию, сказав Дугласу оставаться на месте и наблюдать за ними.

– Но не подходи к ним.

Она поспешила к нарастающей группе пожарных и полицейских, теперь которая включала и подполковника полиции.

– Сэр, у нас проблема, – доложила она и объяснила, что семь человек охраняют кратер.

Подполковник Шакири нахмурился и направился к периметру.

– Отведите публику подальше, сержант. Передвиньте линию еще на шесть метров.

Она кивнула, но ее радио все еще не работало. Шакири попробовал связь на своем радио. Ничего.

– Десять минут назад оно работало, – пробормотал он.

– И мое, – сказала Пирс. – Должно быть, это что-то электрическое.

– Почему ты так говоришь?

Она рассказала ему о том, как до нее дотронулся человек, и об ударе, который она получила.

– Сходи к медсестре, сержант.

– Я в порядке, сэр... – начала она, но он махнул рукой.

– Запоздалая реакция, сержант. Вы бы кому-нибудь сказали то же самое сделать. А если вы говорите, что вы в порядке, я вас увижу через пять минут, – он улыбнулся ей. – Пожалуйста.

Сержант Пирс пожала плечами и прошла к одному из медпунктов, в то время, как она слышала, как Шакири выкрикивал приказы, чтобы линия была вручную установлена подальше.

Когда она подошла к ждущей медсестре, что-то... что-то инстинктивно заставило ее оглянуться. Это было словно замедленный момент в фильме,

так много всего сразу произошло, и она не могла сказать, видела ли она это все или ее мозг соединил все это позже.

Вспышка фиолетового света, похожая на электрическую молнию, прошла сквозь толпу зевак, сбивая с ног всех и каждого из них.

Хотя констебль Стив Дуглас исчез за какую-то долю секунды, Пирс была убеждена, что она видела, как он поднял руки, чтобы защититься от фиолетовой вспышки, и что она видела его – нет, его *скелет* – всего на секунду, и затем он пропал.

Семеро «охранников», больше не скрытые толпой, протянули руки друг другу, и фиолетовая энергия соединяла их всех, как веревкой.

Подполковник Шакири кинулся на землю, утянув за собой пару других офицеров с захватом, как в регби, спасая, вероятно, их жизни.

В небе была вспышка, похожая на солнечные лучи, всего лишь на секунду, и Пирс клялась, что все небо блестело фиолетовым.

И потом все закончилось. Вроде как.

Люди вставали и бежали дальше. Никто не хотел быть рядом с электрическим что-бы-это-ни-было. Это было хорошо, в том смысле, что публика шла, но она была неорганизована, и это было опасно. Если хотя бы один упадет... Она вспомнила историю о катастрофе в тоннеле метро в Восточном Лондоне, во время войны, когда оно использовалось как убежище, чтобы прятаться от авианалетов. Когда паникующая публика стремглав бежала вниз по лестнице, одна женщина упала, повалив всю толпу на землю и убив в давке почти двести человек.

Паника уже начиналась прямо сейчас, и, если ее не удержать, могла стать смертельной. Она увидела, как поднялся Шакири, крича офицерам вокруг него постараться помочь публике. Он бросил взгляд на место, где стоял Стив Дуглас – хотя он сам был всему свидетелем – и посмотрел на Пирс.

Отмахнувшись от медсестры, она подбежала к нему на место происшествия.

– Что это, черт возьми, было? – выдохнула она.

Он указал на семерых «охранников» вокруг кратера.

– Я полагаю, они хотят, чтобы мы все ушли.

Он смотрел на убегающую толпу.

– Есть несчастные случаи?

Пирс просто посмотрела туда, где был констебль.

– Откуда мы знали? – сказала она. – От Стива Дугласа ничего не осталось.

Шакири поймал ее взгляд.

– И поэтому нам нужно знать, есть ли другие. Если мы держим их ответственными за одну смерть, нам нужно их сделать ответственными и за любые другие.

Оба их радио ожили и затрещали.

– Доброе утро всем и везде по всему свету.

Это был женский голос, говорящий на чистом, четком английском.

– Меня зовут Мадам Дельфи, и я единственный голос, который вам когда-либо нужно слушать. Я говорю с вами на каждой частоте, на каждом радио, телевизоре, компьютере и карманном компьютере по всему миру. Вы сейчас видели, что я могу делать и продолжу делать. Эта планета моя. Вы все можете вернуться к своим тоскливым маленьким жизням и ждать, когда я вам скажу, что делать дальше. Сейчас я возвращаю вас к вашему регулярному выполнению программы. О, простите, кроме тех стран, которые в данное время транслируют какую-либо версию «Большого Брата». Простите, все участники и ведущие, где бы они ни были, мертвы. Вы можете поблагодарить меня позже.

Два полицейский офицера обернулись на семерых человек, охраняющих кратер, та фиолетовая энергия все еще связывала их вместе.

– Скажу вам одну вещь, сэр, – сказала Элисон Пирс, когда она посмотрела вверх, туда, где все началось.

– Что, сержант?

– Это страшное лицо в небе пропало.

Мисс Оладини серьезно думала о том, чтобы подать заявление. Эта работа не была достаточно хороша, чтобы стоять всех этих неприятностей.

Прошлой ночью за ней гнались, метали в нее электричество, почти взорвали в машине и, хуже всего, кто-то стащил ее велосипед. Она надеялась, что это была та рыжеволосая женщина, которая была вместе с нею в машине, потому что это значило бы, что она тоже спаслась от взрыва.

Мисс Оладини не была точно уверена, как она сама это сделала, но знала, что это включало много катания по земле, игнорирование жары, убежание в куст и задерживание дыхания, казалось, на час, но на самом деле, может, на минуту или две, прежде чем ее преследователи посчитали, что обе женщины были мертвы.

Она не имела ни малейшей идеи, что происходило в Копернике, но ее тело уступило шоку, и она упала без сознания на землю в старом особняке, в конце концов, снова очнувшись, замерзшая, сырая и очень голодная. И без велосипеда.

Она немного подождала, чтобы посмотреть, наблюдает ли кто-нибудь за ней, потом пробралась обратно в дом, чтобы согреться. Спустя пару минут она нашла два брошенных пальто. Она знала, что была в шоке. Ее тело нуждалось в защите и согревании.

Она надела эти пальто, одно поверх другого, затем направилась к крошечному стенному шкафу. Она могла бы спрятаться здесь, и его теснота сохранила бы теплоту, которая была ей нужна.

Она нашла наполовину выпитую бутылку воды на столешнице и взяла ее с собой.

Спустя пару часов она почувствовала достаточно силы, чтобы выйти на улицу из стенного шкафа и посмотреть, были ли здесь все еще люди, посмотреть, был ли профессор Мелвилль по-прежнему с ними.

Она тихо кралась тихо по коридору, когда она подпрыгнула, потому что множество радио, телевизоров и пара настольных приборов вдруг затрещало, и она услышала предзнаменование судьбы Мадам Дельфи, замерзая опять.

Сейчас она достаточно восстановилась после тяжелого испытания прошлой ночи, теперь был день, пора было выбираться из Коперника. Забыть профессора Мелвилля и тех людей, это было слишком много для нее, чтобы справиться с этим, и она подозревала, что трансляция по радио была тоже замешана. Полиция, может, быть, армия – они должны были знать, что здесь что-то происходило. Она начала медленно подкрадываться к большой лестнице, когда из ниоткуда появилась рука и закрыла ей рот, отсекая любой шум, который она могла издать.

Мисс Оладини подумала, что это все, что она умрет.

– Пожалуйста, тихо, дорогая, – сказал ей на ухо голос. – Меня зовут Уилфред Мотт, и я не хочу причинять тебе вреда.

Он убрал свою руку с ее лица, и мисс Оладини отскочила. Она посмотрела на мужчину, старого, но определенно не слабого. Его глаза светились умом, но ничего угрожающего не было.

– Почему вы здесь? – храбро спросила она.

– Моя внучка была здесь прошлой ночью. Она сказала мне о том, что тут происходит. Я ищу Доктора.

– Внучка? Рыжеволосая?

– Это Донна. Ты, должно быть, мисс Оладини? Она думала, что ты умерла, она будет так рада, что ты в порядке.

Мисс Оладини не была уверена в этом. Те люди, которые напали на нее, могли это все знать. Но откуда они бы знали...?

– Как Донна выбралась?

– На велосипеде. Он был твой? Она оставила его где-то возле полицейского участка. Южный Вудхэм Феррерс, вот где, – он улыбнулся ей. – Она пришла домой так поздно, а я ждал. Она мне рассказала все, что случилось, и после того, как я отправил ее спать, я решил сам проверить это место.

Мисс Оладини нахмурилась.

– Вы ей не поверили?

– Конечно, поверил! Донна не выдумывает. Но я хотел найти Доктора и в то же время оставить Донну в безопасности. Она и так через многое прошла. Так что я оставил ее спать и прокрался этим утром из дома.

Он взглянул на свои часы.

– Сейчас она уже это выяснит и поднимет шум, я думаю.

Мисс Оладини все еще не была убеждена, но у него, казалось, не было тактики зомби остальных людей здесь.

– Вы ищите доктора? Какого? Здесь все доктора и профессора.

– Он пришел с Донной. Высокий парень, сумасшедшие волосы. Говорит много ерунды.

– Обобщает большинство работников Коперника, если честно, мистер Мотт.

– Уилф. И нет, он здесь не работает. Его попросил сюда придти профессор Мелвилль. Вот почему они с Донной появились так поздно.

– Я провела большую часть ночи прячась и взрываясь, я не видела Донну до тех пор, пока мы не сбежали. Я без понятия, был ли с ней вообще кто-то еще. Извините.

С Уилфа, казалось, сбили спесь.

– О. Я был уверен, что он будет здесь. Я думаю, он единственный, кто может спасти нас от этой Мадам Дельфи, которую мы только что слышали.

– Почему вы так думаете?

– Это то, что он делает. Спасает нас.

– Он какой-то священник?

Уилф засмеялся.

– Нет, нет, вовсе нет. А где же все?

Мисс Оладини пожала плечами и объяснила, что думала о том, чтобы выбраться.

– Дай мне пятнадцать минут, – сказал Уилф. – Если мы не найдем моего друга, я подвезу тебя обратно домой, пойдет?

Мисс Оладини взвесила «за» и «против» и согласилась. В конце концов, другого такого же легкого пути домой не существовало. И Уилф Мотт не казался очень угрожающим.

Она провела его вниз по лестнице, через разбитые французские окна и в задний сад, указав на радиотелескоп, объяснив, что на нем было основано все это место.

Уилф кивнул.

– Это лицо в небе, оно было из звезд, так ведь? Я догадываюсь, что эта обсерватория – то место, где был бы Доктор.

Мисс Оладини поежилась и потуже натянула свои пальто

– Я не уверена, – сказала она тихо. – Я не хочу туда возвращаться.

– Почему?

Но мисс Оладини не могла объяснить. Просто что-то в этом было, в том, как телескоп казался всегда безопасным местом для работы, но теперь...

Уилф крепко обнял ее плечо.

– Все в порядке, подожди здесь, а я загляну и посмотрю, там ли Доктор. Я ненадолго.

Мисс Оладини смотрела, как он уходил. Она опять поежилась. На один короткий момент она почувствовала себя в безопасности с этим странным старым человеком, и сейчас она снова была одна, она...

Она за секунды нагнала его.

– Вход – сюда, – сказала она.

Он улыбнулся ей.

– Молодец, девочка, – сказал он. – Мне не очень нравится ходить одному. Если честно.

Они улыбнулись друг другу.

– Так Донна твоя внучка? – сказала мисс Оладини. – Рада, что она выбралась.

– И я. Я был бы потерян без нее. Это важно, держаться за семью.

Мисс Оладини подумала над этим.

– Я не знаю, где моя семья, – сказала она. – Может быть, снова в Нигерии.

– Как так получилось, что вы потеряли связь?

Она улыбнулась.

– О, знаете, я приехала в Британию, в университет, потеряла служебное положение, спряталась здесь, нанялась на работу в агентство, чтобы работать под ненастоящим именем, обычное дело.

– Это очень смело, – сказал Уилф. – И рискованно тоже – работать здесь.

– Прямо под носом у государства, – ответила она. – Самый легкий способ исчезнуть с радара – спрятаться на видном месте. Мне сказал это папа в последний раз, когда я с ним разговаривала.

Уилф согласился.

– Я говорил это о шпионах во время войны, – сказал он. – Лучший способ внедриться – быть на виду, чтобы никто ничего не заподозрил. Просто стать членом общества.

– Я это и сделала. Посмотрите, куда это меня привело. Я напугана на всю свою жизнь.

Уилф подмигнул ей.

– Ты будешь в порядке.

Они были возле двери радиотелескопа. Она была слегка приоткрыта и они прокрались внутрь.

Профессор Мелвилль был мертв. В этом не было сомнений; его шея была под очень странным углом, и, хотя мисс Оладини никогда раньше не видела смерть, она просто знала это. Она закрыла рот рукой, сдерживая крик в своем горле. Уилф проверил пульс бедняги, но осторожно опустил его руку.

Было похоже, что он работал в системе управления антенной установки, когда он умер. Когда его *убили*, подумала мисс Оладини. В конце концов, люди не ломали шеи сами себе.

Уилф поднимался по маленькой лестнице, которая вела к верхней террасе, где находился сам телескоп. Это был не старомодный трубчатый телескоп, а ряд компьютеров, выстроенных вдоль комнаты, связанных с радио-тарелкой на вершине здания.

Это всегда разочаровывало мисс Оладини, когда она впервые пришла работать на бедного профессора. Почему-то гигантский телескоп казался более романтичным, чем компьютерный банк.

Она взглянула обратно на тело с открытыми, уставившимися на потолок глазами, и подумала о его старой матери. И его кошке. И как она его

боялась в последнее время, когда видела его. А теперь она могла думать только о его кошке.

И она заплакала в первый раз с тех пор, как все пошло не так.

Донна ударяла по кнопкам радио, пока не включилась станция. Она не хотела музыки, она хотела новостей. Их было несложно найти. По всему свету ударили огромные лучи света и были окружены людьми. Некоторые наблюдатели говорили, что это были террористы, охраняющие место заложения бомбы, кто-то думал, что это были религиозные фанатики, сторожащие что-то священное и особенное. Другие считали, что они были инопланетянами, которые пришли забрать тех, которые за последние пятьдесят лет утверждали, что их похищали, а потом вернули с микрочипами в головах. Странное сообщение от «мадам Дельфи», которое, как все полагали, было просто сообщением интернет-хакера, пытающегося пошутить, начало все это...

– Ирония в том, – сказала Донна радио, – что это может быть и верно!

Казалось, не было много несчастных случаев, но никто не мог подойти близко к людям, которые сторожили кратеры. Британия, Америка, Россия, Средний Восток, Азия, Новая Зеландия, Африка, Гренландия – ничто не осталось нетронутым. Казалось, не было никакой связи между людьми, собравшимися охранять эти кратеры: разные возраста, пол, политическая жизнь, образование.

– Интересно, затронуло ли Полюса, – пробормотала она, еще немного послушав сообщения, в то время, как они ехали мимо лондонского Тауэра.

– Было упоминание одного луча в Германии, – сказал Люкас.

Донна улыбнулась.

– Я имела в виду не Польшу с поляками, а Северный или Южный полюсы.

– А это важно?

– Да, может быть, важно. Кажется, это густонаселенные области, а не безлюдные. В этом есть что-то существенное.

– Что?

– Без понятия. Но я думаю.

Она посмотрела на знак, гласящий «A13 Тилбури».

– Эссекс в том направлении.

Она пожала плечами.

– Не то что бы я точно знала, куда я еду. Прошлой ночью было темно, и я слишком много думала о Докторе, чтобы замечать ориентиры.

– Тебе нужно ехать на A127, – вставил Джо. – Три мили вдоль нее после перекрестка с M25, потом налево к Медоу Лейн, дальше полмили и направо, на Горстен Рoad. Ехать шесть или семь миль, затем налево к Южному Вудхэму Феррерсу.

– Да, я помню это название, – сказал Донна. – А откуда ты знаешь?

– После того, как проедешь под железнодорожным мостом, тебе нужно будет проехать восемь миль по Трайбьютари Рoad, и, когда доедешь до B8932, поверни направо на Аллкомб Лейн. Коперник в двух милях в том же направлении.

Донна посмотрела на Люкаса, который просто пожал плечами.

– Он знал, где найти тебя, – сказал он ей. – И на каком фургоне ты будешь ехать.

– Это жутко, – тихо сказала Донна, бросив взгляд на Джо в зеркало заднего вида.

– Это Джо, – сказал Люкас. – Слава Богу, что мы только сводные братья.

– Не говори так, – упрекнула его Донна. – Он все равно твой брат.

– Да, – согласился Люкас. – Но если бы были родными братьями, может быть, мы оба были бы странными. А так я могу переводить, если он начнет говорить по-итальянски.

– Зачем ему это делать?

– Потому что оттуда его отец, как говорила мама.

И что-то промелькнуло в голове у Донны. Что-то, что Доктор сказал на обеде позавчерашним вечером, когда она помогала Нетти снаружи, а старик Кроссленд думал, что Доктор рывкал. Когда он говорил об этой Мандрагоре.

Я впервые столкнулся с ней в пятнадцатом веке в Италии.

Что-то вспыхнуло в голове у Донны. С ума сошедшие дельфины! Конечно! Хотя это не могло быть так просто... но он сказал, что это было пятьсот лет назад. Много времени, чтобы люди из Италии попутешествовали по свету, родили поколения детей... Тот человек у телескопа прошлым вечером, который противостоял Доктору, его акцент мог быть итальянским. И он все говорил о генеалогии...

– Есть идеи, почему в Италии?

– Неа, – сказал Люкас.

– Сан Марино, – вставил Джо.

– Так и думала, что ты можешь знать, – сказал Донна.

– Почему? – спросил Люкас.

– Потому что я не думаю, что в нем Супер спутниковая навигация, это совпадение. Я думаю, что-то его использует, чтобы мы добрались до того телескопа, и не просто так.

– Вы имеете в виду, что мой брат – инопланетянин?

– Не будь слишком взволнован от этой идеи.

– Не, это ужасно круто, – Люкас придвинулся ближе. – Я всегда говорил маме, что он был странным.

– Он не инопланетянин. Но в его биографии может быть что-то, что поможет разобраться Доктору с этим.

Люкас взглянул на своего брата, который сейчас снова слушал М-ТЕК.

– Я не хочу, чтобы с ним что-то случилось.

Донна улыбнулась ему.

– Не случится, Доктор позаботится, чтобы он был в безопасности.

Но внутри себя она не была абсолютно уверена, что может это гарантировать.

Глаза Доктора открылись, и в поле зрения появился Уилфред Мотт.

Он улыбнулся.

– Привет, Уилф.

– Привет, Доктор, – сказал старик, поднимая его. – Что ты делаешь на полу?

– От меня избавились. Поместили сюда. Бросили. Как грубо! – пробормотал Доктор. Затем он схватил Уилфа за обе руки. – Где Донна?

– С ней все хорошо. Она в безопасности дома с Сильвией, думает, что мы оба на неделе.

– Хорошо. Отлично. Даже замечательно. А почему они оставили меня здесь?

– Те странные с фиолетовым электричеством?

– Да, они. Черт возьми, Донна мало что упускает, да?

– Я заставил ее рассказать мне все. Доктор?

– Да?

– Там, в этих служебных помещениях, мертвец.

Доктор открыл рот, чтобы заговорить, потом остановился.

– Я этого боялся.

Он последовал за Уилфом из пункта управления, осмотревшись последний раз и посмотрев украдкой на цифры на экране. Спустя секунду он клал тело Мелвилля на пол, проверяя его.

– Вы, должно быть, мисс Оладини? – сказал он.

Мисс Оладини кивнула.

– Откуда...?

– Я знал, что они вас искали. Профессор Мелвилль попросил меня попытаться вас найти. Чтобы вы были в безопасности. И что-то про кошку?

– Профессор Мелвилль был жив?

– О да. Они вынудили его согласовать радиотелескоп с хаотичным телом.

Уилф ввел его в курс дела развития событий в мире.

– Мадам Дельфи?

– Она пишет астрологические рубрики в газетах, – вставила мисс Оладини.

Доктор бросил на нее взгляд.

– Простите, – сказала она. – Бесполезная информация, я знаю.

– О нет, она не была бесполезной, мисс Оладини. Замечательная информация, на самом деле. Очень многое объясняет. Если ты инопланетное супер-существо, чья спиральная сила управляется звездами, тогда кто может быть лучше астролога, слова которого читаются и поглощаются миллионами, чтобы использовать как свою среду. Нам нужно найти эту Мадам Дельфи и спросить ее, откуда она получает информацию.

– Почему они убили профессора Мелвилля? – тихо спросила мисс Оладини.

– Мандрагора прекрасно обращается с инструментами. Все те люди, которых ты видела прошлым вечером? Инструменты. Инструменты выбрасываются, когда они бесполезны. Я полагаю, бедный профессор Мелвилль сделал то, что ему нужно было для них сделать, и потом они просто убрали за собой.

Он положил руку на плечо мисс Оладини.

– Глупая, бесполезная трата хорошего человека и друга. Мне жаль.

Она ему улыбнулась.

– Я могу сделать что-то, чтобы остановить их?

Доктор обернулся на пункт управления.

– Уилф, есть знак хоть кого-то еще здесь?

– Никого.

– Думаю, они все ушли около девяти часов утра, – добавила мисс Оладини. – Я не могла видеть многое, но я слышала, как они говорили.

– Машина, Уилф?

– Снаружи, перед домом.

– Хорошо, дай ее мисс Оладини.

– Почему?

– Да, почему?

– Потому что вы живы, мисс Оладини, и я пообещал человеку, что так оно и будет. Идите домой. Уилф, телефон?

– Он не работает, я никогда его не заряжаю.

– *Телефон?*

Уилф откопал его из кармана куртки, и Доктор направил на телефон звуковую отвертку, затем помчался назад в диспетчерскую. Спустя секунду он вернулся и отдал телефон мисс Оладини.

– Заряжен, должно хватить на пару недель. Уилф, прости, пришлось стереть все с сим-карты.

– Какой карты?

– Если ты не знаешь, неважно. Мисс Оладини, на этой сим-карте хранятся координаты, на которые в данный момент ориентирован телескоп. Я еще сделал немножко ловких-шловких вещичек, и это значит, что, когда я позвоню вам на этот телефон, вы не должны отвечать.

– Как я узнаю, что это вы?

– Потому что вряд ли кто-то еще позвонит, раз они знают, что его глупый владелец всегда его выключает и оставляет батарею разряженной. Уилф фыркнул.

– Итак, – продолжал Доктор, – когда я вам позвоню, не отвечайте, а вместо этого нажмите «решетку». И, что бы ни случилось, не нажмите ее случайно до того, как я позвоню вам.

Уилф хотел знать, почему, но Доктор покачал головой.

– Возле тебя будет безопасней, если ты не спросишь. Мисс Оладини, сделайте все это, и вы можете быть ответственны за спасение мира. Возможно, всей Вселенной. Уилф, ключи.

Уилф неохотно передал их, и мисс Оладини аккуратно положила телефон в один из карманов ее двух пальто.

– Удачи, мисс Оладини. И спасибо, – сказал Доктор. – Поезжайте.

Она в последний раз взглянула на Мелвилля.

– Он был милым, – просто сказала она.

– Я знаю, – ответил Доктор. – Встретил его в 1958 году. У него была скиффл-группа⁵, называлась «The Geeks» – я играл у них на стиральной доске. Джо Мик собирался выпустить альбом. Мы звали его Ахав, потому что его фамилия была Мелвилль. Я и по сей день не знаю, какое было его настоящее имя.

– Брайан, – сказала мисс Оладини. – Так говорилось в его личном файле.

Она улыбнулась Доктору грустной улыбкой, когда направилась прочь.

– Брайан, – сказал Доктор телу. – Прощай, Брайан.

Уилф смотрел вслед мисс Оладини.

– Она будет в порядке? Если те люди все еще наблюдают за нами?

– Не, они ушли. С ней все будет хорошо, она живет поблизости, ты сможешь забрать машину на следующей неделе. Если мы все еще будем живы.

– Очаровательно.

– Всегда есть риск, – он взглянул на часы. – Я думаю, у нас есть около часа, чтобы узнать, почему они оставили меня в живых.

– А что случится потом?

– Подмога.

Дара Морган стоял в пентхаузе гостиницы «Оракул», уставившись на высокую автостраду внизу.

– Они похожи на муравьев, – возле его плеча была Кейтлин. – Они как раз и есть муравьи.

Дара Морган открыл рот, словно собираясь заговорить, затем закрыл.

– Ты в порядке? – спросила Кейтлин.

Он пожал плечами.

– Я... Я, кажется, что-то вспоминаю. Игрушечные машинки. Я вижу множество маленьких металлических машинок, с которыми играет ребенок. Мальчик кажется...

– Знакомым?

– Я на самом деле собирался сказать «счастливым», – Дара Морган отошел от окна. – Мадам Дельфи, – сказал он компьютерным мониторам, вмонтированным вдоль письменных столов в ряд в одной длинной стене. – Как у нас дела?

⁵ Скиффл – английский популярный музыкальный стиль, введенный в 1950-х (прим. переводчика).

– Фантастично, – ответил компьютер, и его кривые позитивно светились. – По всему миру дети Мандрагоры связываются, защищая места прибытия. А МорганТек теперь контролирует 87 процентов компьютерных предприятий мира, – Мадам Дельфи захихикала. – Набей этим свою трубку и кури ее, Уильям Генри Гейтс Третий.

Кейтлин стала читать статьи в интернете.

– Теперь есть культ Мандрагоры в Южной Африке, – засмеялась она. – Насколько издалека вернулась Мандрагора?

Экраны Мадам Дельфи вспыхнули.

– Мы проделали долгий путь. У, посмотрите, родословный след в Норвегии. Осталось ли место, до которого мы не достали?

Кейтлин нажала еще несколько клавиш.

– И еще один в Заире!

– Это и в самом деле заря эры Аквариуса! – ликовала Мадам Дельфи.

Дара Морган вновь смотрел на машины. И подсознательно рисовал пальцем буквы на окне.

Кейтлин бросила взгляд. И нахмурилась. Дара Морган рисовал К. И букву Ф.

Она сразу же оказалась за ним.

– Эй, – сказала она, отдергивая его. – Мадам Дельфи хочет нам кое-что показать. Десятая часть населения планеты присоединится к нам сегодня. А когда М-ТЕК поступит в продажу на этой неделе, у нас будет в шесть раз больше! Бесплатные прототипы, которые мы раздали, уже активировали наших спящих собратьев.

Дара Морган в последний раз взглянул на окно, на магистраль М4 и затем вниз, на потенциальный объем продаж М-ТЕКа.

– Как только Мураками уладит все в Токио...

– Этот мир и все его люди будут принадлежать Мандрагоре! – сказала Мадам Дельфи. – О, и я только что загрузила целую новую партию гороскопов. Как чудесно!

Уилф спас старое пальто из комнаты и принес его в обсерваторию, чтобы накрыть тело Мелвилля.

– Почему они убили этого беднягу, Доктор?

Доктор был в маленьком пункте управления, внимательно изучая показания, в равной степени соблюдая осторожность, чтобы ни до чего не дотронуться.

– Он, наверно, установил все это для Спирали Мандрагоры, они больше в нем не нуждались. Ей нужна часть ее энергии, чтобы контролировать людей – лучше сохранить ее для тех, которые ей нужны на долгий срок.

– Например?

Доктор отвернулся от рычагов управления и проводил Уилфа обратно к мертвому телу, закрыв за собой дверь звуковой отверткой.

– Никто не войдет и не выйдет, пока я не скажу, – пробормотал он. Затем он улыбнулся Уилфу. – Хотел бы я, чтобы у меня был ответ, Уилф, но правда в том, что я не имею представления. Всегда есть связь между людьми, которых она поработывает и людьми, которых в свою очередь они сами поработывают. Сейчас я не знаю, что это и как твоя Мадам Дельфи вписывается, но я догадываюсь, что она связана с Мандрагорой.

Вдруг Доктор шлепнул себя рукой по голове.

– О, конечно! Теперь понятно! Уилф, сколько времени?

– Двенадцать – тридцать пять.

– А когда ты сюда приехал?

– Около девяти, я хотел добраться сюда, потому что...

Доктор поднял руку, чтобы он притих. Затем он начал обратный отсчет:

– Пять. Четыре. Три. Два. И... один!

И в этот момент входная дверь в обсерваторию была настежь открыта, заливая помещение дневным светом.

Окаймленная им, там стояла Донна Ноубл.

– Подмога, как я и обещал.

Уилф обнял Донну.

– Откуда ты узнала, что мы здесь?

Доктор прислонился к стене, сложив руки, беспечный, но такой гордый.

– О, потому что она твоя внучка, Уилф, и она замечательная.

Донна не обратила внимания на комплимент.

– Я знаю, что тот парень хотел сказать прошлым вечером. И он был итальянцем. Это итальянцы!

Уилф перевел взгляд с одного на другого.

– Что?

– Он сказал что-то про человека, который пират с сумасшедшими дельфинами.

Доктор кивнул.

– Я знаю.

– О.

– Но давай посмотрим, сойдемся ли мы, продолжай.

– Или, – Донна широко улыбнулась, – правильное ли я тебя?

– Неправдоподобно, но всегда возможно. Начинай.

– Он сказал: «Человек. Он бьет сумасшедших дельфинов». Но он сказал не «суМАСшедшие ДЕЛЬфины», он сказал «МАдам ДЕЛЬФИ».

Донна улыбнулась.

– Да, ты это понял, так ведь?

Доктор кивнул.

– Я все еще думаю над тем кусочком о пирате, – продолжила Донна.

Доктор улыбнулся ей.

– Спираль. Это СПИРАЛЬ Мандрагоры, Донна. Но я не знаю, почему важна Италия... О, о, да, конечно же!

– Италия пятнадцатого века. Сан-Марино, может быть?

– О чем вы двое говорите? – спросил Уилф.

Доктор посмотрел на него.

– Краткая история, Уилф. 1492, я встретился с инопланетной энергией из Рассвета Времени. Спираль Мандрагоры, всегда стремящаяся доминировать над меньшими видами.

– Кого это ты называешь меньшими? – спросила Донна.

– Человечество пятнадцатого века, Донна. Не человечество двадцать первого века, нет. Вы гораздо более искушенные.

Он улыбнулся так, что это означало, что он не воспринимал все именно так, но она оставила это дело в покое.

– Как бы там ни было, – продолжил он, – я случайно принес осколок энергии Спирали в маленькое итальянское княжество, называющееся Сан Марино. Я победил ее, очень умно, закопав в землю. Или я так думал. Но я буквально это и сделал, засунул осколок в землю, где он выжил, пытаюсь себя починить. Проник в землю, в воду и, в конечном счете, в людей. Крошечная биологическая сущность, прикрепляющая себя к хромосомам, ДНК, чему бы там ни было. Передавалась из поколения в поколение, пока сама Мандрагора не переместилась на половину вселенной и не присоединилась. В прошлый раз она хотела остановить человеческий прогресс. В этот раз Мандрагора осознала, что вас не остановить, вы будете там, наводняющее человечество, через звезды, моментально – колонии, империи, войны и мирные времена, до конца времени. Так что Мандрагора

говорит: «Я возьму себе кусочек, спасибо» и приклеивается к вам навечно. Отличный план, она может всеми вами манипулировать еще тысячелетие.

– И по всему миру, – сказала Донна, – разбавленные через скрещивание и всякую всячину, есть потомки из Сан Мартино по всему миру. Теперь их тысячи, наверное, половина из них и не знает, что в них есть итальянская кровь. А Мандрагора их контролирует.

Она повернулась к Доктору.

– Вот откуда Джо Карнес знал, кто ты. Его отец из Сан Мартино.

– Откуда ты об этом знаешь?

– Джо ей рассказал, – Люкас Карнес высунул голову в дверь. – Он закончил с туалетом, Донна, – добавил он, когда два мальчика вошли.

– Да, – Донна слабо улыбнулась Доктору. – Поздоровайся с моими помощниками.

Доктор был счастлив их видеть.

– Вот как ты нас нашла, да? Я думал, ты навряд ли запомнила маршрут такси прошлой ночью.

– Джо как собака-поводырь, – сказала Донна.

Доктор положил руку Уилфу на плечо.

– Здесь делать нечего. Давайте пойдем домой. Через Гринвич.

– Гринвич? – нахмурился Уилф. – О, нет. Нет, Доктор, не вовлекай Нетти. Пожалуйста!

– Я правда думаю, что она может помочь, Уилф. Извини.

– Кто это? – Люкас указывал на накрытое пальто тело в углу.

Доктор глубоко вдохнул.

– Это мой хороший приятель, Люкас. Он умер. – И он бросил взгляд на Уилфа. – Но это последний друг, который умрет от рук Спирали Мандрагоры, я обещаю.

Донна поверила этому, вспоминая свое обещание Люкасу в фургоне насчет Джо. Она надеялась, что Доктор их не подведет.

Когда он проходил мимо нее, он подмигнул и улыбнулся.

О чем он думал? Это был Доктор.

Конечно, все будет хорошо.

Как же могло не быть?

Путешествие обратно к Лондону было, мягко говоря, небогато событиями. Уилф сидел на переднем сидении рядом с Донной, иногда вздрагивая, потому что она почти отсекала боковые зеркала у

припаркованных машин. Доктор и два мальчика сидели сзади после того, как сдвинули покрытия, бутылку с водой и панель инструментов.

Доктор нашел под сиденьем книгу в мягкой обложке с названием «Темная и бурная ночь», про богатых королей, пиратов, испуганных дам, сильных пастухах рогатого скота и маленькую девочку, найденную в снегу. Доктор сочувствовал герою истории, молодому стажеру больницы, который пытался соединить несопоставимые элементы.

Спустя немного времени он закончил ее и кинул мальчикам. Люкас охотно начал ее читать, в то же время присматривая за Джо, когда Доктор спросил его о давно потерянном отце.

Он не получил никаких пригодных ответов. Джо не мог вспомнить, как он ходил в магазин электроники днем в пятницу – если бы это не было из-за бесплатного прототипа М-ТЕКа, он даже не знал бы, что он там был.

– У него бывают такие дни, – пробормотал Люкас.

– А как М-ТЕК называется по-домашнему?

Люкас снова повернулся к книге, в то время как Джо показал Доктору маленькое портативное устройство.

– Оно как МП-3 плеер, который проигрывает и фильмы, – сказал Джо. – Он подсоединяется к сети, он – телефон и у него есть память на 160 гигабайт, так что на нем можно все хранить. Windows и OSX 6 на нем очень быстрые.

Доктор кивнул, впечатленный.

– Великие вещи – в маленьких упаковках, – сказал он и быстро достал свою звуковую отвертку и переключил ей программы на М-ТЕКе.

Узнав этот звук, Донна крикнула:

– Надеюсь, ты купишь им замену.

Но Доктор хмурился. Звуковая отвертка не сделала абсолютно ничего. Даже не удалила хранившуюся музыку.

– Это...

– Странно? – предположила Донна.

– Более чем странно, – согласился он. Он протиснулся в заднюю часть компьютера, нашел панель инструментов, вынул здоровенный молоток и обрушил его на М-ТЕК. Удар молотка, крик оскорбления Джо и очень громкое проклятие Люкаса едва не заставили Донну въехать на обочину, когда она поворачивала на туннель Блэкволл.

– Ну? – спросил Уилф.

Доктор поднял М-ТЕК.

– Ни царапины, ни вмятины, ничего. Это хорошая технология.

Инопланетная технология, но хорошая. И еще невозможная.

Он улыбнулся до некоторой степени потрясенным мальчиком.

– О, я люблю невозможное.

– Кто-нибудь заметил что-то странное? – спросила Донна

– То, что мы живы, после того, как ты час вела? – предположил Уилф.

– Нет движения на дорогах, – сказал Люкас.

Доктор взглянул вверх.

– Правда?

Донна кивнула.

– Много припаркованных машин. Вообще-то, я видела три других машины по дороге с тех пор, как мы покинули Коппер Никерса. Одна из них мне мигала, я думала, он злился на что-то.

– Может быть, – сказал Уилф. – Ты в него врезалась.

– Но я думала, что он пытался сигналить с требованием остановить машину, – проигнорировала Донна своего дедушку. – Потому что он просто безумец. Где все?

– Сегодня воскресенье? – предположил Доктор.

– Это юго-восточный Лондон, – возразила Донна, – и мы не в десятом веке. Здесь должны быть сотни машин.

– Мне вполне это нравится, – сказал Уилф. – Все мирно. Выезжай на следующий перекресток, дорогая, Нетти живет как раз рядом с главной дорогой.

Они остановились возле дома Нетти в тишине.

Уилф вышел и позвонил в дверь, но ничего не было. Он позвал ее через почтовый ящик и, спустя секунду или две дверь открылась и он был втянут внутрь, исчезнув из вида.

Донна, стоявшая перед фургоном, взглянула на Доктора.

– Ты это видел?

– Это была Нетти, – сказал Доктор.

– Откуда ты знаешь?

– Инопланетяне никогда бы не носили такие шляпы.

Дверь вновь открылась, и появился Уилф, за ним следовала Нетти в зеленой фетровой шляпе с павлиньим пером, очень в стиле пятидесятых.

– Вы видели новости, Доктор? – спросила Нетти, приблизившись и сев рядом с Уилфом.

Он сказал, что нет.

– Тогда лучшее, что мы можем сделать – проехать через центральный Лондон.

Заинтригованная, Донна опять завела фургон, и они отправились в путь.

Через Гринвич, мимо отстроенного «Катти Сарка» и всех рынков и магазинов. Через Нью-Кросс, вниз по Олд Кент Род, вокруг Элефант-и-Кастла и через Блэкфрайерз Бридж.

– Ни души, – сказал Уилф. – Никого.

– BBC говорили всем оставаться дома. Фэрчайлд объявил чрезвычайное положение.

– Фэрчайлд? – спросил Доктор.

– Премьер-министр, – сказал Люкас со вздохом. – Вы совсем ничего не знаете?

– Я знаю много премьер-министров, – сказал Доктор. – Но, думаю, в этом веке они приходят и уходят ежегодно. И этот, очевидно, не оставил отпечатка в истории.

Донна внезапно остановила фургон и очень тихо сказала «О».

Те, кто был на задних сиденьях фургона, придвинулись ближе.

– Действительно «о», – сказал Доктор.

Потому что они не могли ехать дальше. Они были на набережной, вниз от станции Чаринг-Кросс.

Как, может быть, миллион других людей. Стоящих. Спокойно. С тянущимися к небу руками.

И все тихо пели: «Спираль. Спираль. Спираль».

– Это нехорошо, – сказала Донна.

Доктор передал ей М-ТЕК Джо.

– Позвони, пожалуйста, своей маме.

– Зачем?

– Дай ей знать, что мы в безопасности и встретимся с ней завтра.

– Приоритеты? – спросила Донна.

– Сохранить хорошую сторону твоей мамы – приоритет, Донна. Для нас обоих. Она будет беспокоиться, – он повернулся к мальчикам Карнес. – Потом мы позвоним вашей матери, она должна быть очень обеспокоена.

– Не будет, – тихо сказал Джо. – Она будет одной из этой массы.

Уилф собирался спросить, почему, но Доктор покачал головой.

– Джо, просто потому, что она твоя мама, она не будет в какой-то опасности. Судя по виду, ни один из этих людей не в опасности.

– Она его родила. Может быть, в ней эта генетическая штука Спирали?
– спросил Люкас. – Слава Богу, что я старший.

Джо выглянул из фургона.

– Что нам сделать, чтобы спасти ее, Доктор?

Доктор улыбнулся.

– Дух, мальчики, помните, что мы *можем* ее спасти. Мы можем спасти всех этих людей.

Донна вернула М-ТЕК.

– Она говорит, Чизик пуст. Я сказала ей остаться дома, выпить чая и держать телевизор включенным. Я сказала делать все, что говорит ВВС, если только это не вовлекает выход из дома или прекращение пить чай. Она не поняла комизма.

– Не удивлен, – сказал Уилф. – Доктор, что нам делать?

Доктор смотрел на М-ТЕК.

– Они дали это тебе, Джо, да? Раздавали множество бесплатных таких?

Джо кивнул.

– На форуме сказали, что выдают миллион бесплатных М-ТЕКов перед завтрашним запуском.

– Готов поспорить, целевая аудитория была с очень конкретной генеалогией. Так он завтра распространится по всей стране?

– По всему миру, – вставила Нетти. – Я собираюсь купить один. Я люблю такие вещи. Я собиралась ждать месяц или около того, посмотреть, не сделает ли канал магазина на диване их дешевыми.

– Мне это нравится, – сказала Донна. – Ну, нравилось. Когда у меня было время. Этот Анис Ахмед делал многое...

Нетти засмеялась.

– Он такой сексуальный...

Уилф кашлянул.

– Так или иначе, возвращаемся к повестке дня. Доктор, мы не можем просто припарковаться здесь.

Доктор все еще играл с М-ТЕКом.

– Ничто так хорошо не защищается... Если я смогу переписать несколько программ...

Отвертка вспыхнула парой разных оттенков голубого, М-ТЕК издал гудение, и Доктор ободрился. Потом остановился.

– Я, кажется, получил доступ на сайт гороскопов. О, наш старый друг, Мадам Дельфи.

– Она работает на людей, которые сделали М-ТЕК, – сказал Люкас. – Она пишет свои гороскопы для нескольких их газет.

Доктор уставился на юношу.

– Что?

– МорганТек, сейчас они делают все. Руководят телевизионными станциями, газетами, делами, – Люкас пожал плечами. – Подумайте о чем-то среднем между Билом Гейтсом, Рупертом Мердоком и Ричардом Брэнсоном, и вы получите Дару Моргана.

– А кто он в быту? – спросил Доктор.

– Он управляет МорганТеком. Сейчас уже примерно несколько лет. Мы изучали его в школе, но информации немного. Он не заинтересован в посторонних биографах.

Доктор взглянул на группу в фургоне.

– Дайте мне понять правильно. У нас есть лучи света, ударяющие в землю, загипнотизированные люди, поющие звездам благодаря газетному астрологу, говорящему вам, что она меняет мир, новые гаджеты раздаются бесплатно людям итальянского происхождения, и никто не думает мне сказать, что все это связано?

Остальные посмотрели друг на друга. Донна, наконец, заговорила:

– От нас нельзя ожидать, что мы будем делать такие скачки в логике, как ты, знаешь ли.

– Это не скачки, это очевидно определенные части доказательства и... а, неважно. Где мне найти этот МорганТек?

– Рядом с нами, – сказал Люкас. – В Брентфорде.

– О, да, – сказал Уилф. – У них есть большой офис и гостиничный комплекс на Золотой Миле.

– И того, кто там ответственный, зовут Дара Морган?

– Ага.

– Конечно, это он, – пробормотал Доктор. – Кто же еще. Люкас, я хочу, чтобы ты постарался вспомнить о нем все, что можешь, ладно?

Доктор бросил М-ТЕК на пол, и Джо поднялся, чтобы его подобрать.

– Оставь его, Джо – он опасен.

Он направил отвертку на заднюю часть фургона, и дверь открылись.

– Давайте, нам нужно миновать эту массу, нам нужно пойти и найти новый транспорт.

– Доктор, – запротестовал Уилф. – Нетти...

– Эй, – сказала Нетти. – Я могу идти так же, как и ты, Уилфред Мотт.

Она взяла его под руку.

– Мы можем поддерживать друг друга.

Он улыбнулся ей.

И Донна собиралась сделать то же самое, пока она не увидела взгляд на лице Доктора.

Такой же, как на ужине прошлым вечером.

Он смотрел на Нетти... странно.

Донна подвела мальчиков ближе к себе.

– Будьте рядом со мной, – сказала она им, – и мы поможем Доктору положить конец всему этому.

– Донна, – внезапно сказал Доктор, и так, как привыкла к этому Донна. Это был его предупреждающий голос.

Между ними и поющей толпой была группа людей. Людей, которых Донна узнала с прошлой ночи в Антенной Системе Коперника.

– Нехорошо?

– Нет.

– Как ты перепрограммировал М-ТЕК? – спросил человек впереди группы. Донна вспомнила и его. Он вел их, и она поняла по его акценту, что он был, конечно, итальянцем.

– Талант, – сказал Доктор.

– Это не часть плана, – сказал маленький человек. – Мы не можем позволить слабого звена в цепи.

– О, простите, – сказал Доктор, указывая рукой остальной своей группке отойти немного за него, оставив его стоять между группой под властью Мандрагоры и фургоном. – Я оставил его на заднем сиденье. Вам его принести?

– Ты оставишь его, – сказал итальянец, в то время, как он прошел мимо Доктора и забрался в фургон.

Доктор улыбнулся остальной группе. Пожилой паре с одной стороны, четверем молодым людям позади, грузному человеку слева.

– Интересно, у скольких из вас на самом деле происхождение из Сан Марино, а сколько просто их... рабы? Помощники? Невольные участники в убийстве невинных профессоров в обсерваториях? Если вы можете бороться с Мандрагорой, может быть, мы сможем...

Доктор резко бросился на асфальт, когда синий фургон взорвался с пламенем и обломками.

Донна и мальчики уже бежали, Уилф и Нетти нетвердой походкой за ними.

Хорошо.

Он взглянул на погребальный костер для низкого итальянца, который был в фургоне.

– Это единственный способ устранить слабый М-ТЕК, я думаю, – сказал он. – Хотя немного и перешел границу, если спросите меня.

Он встал, и его окружила группа. Дородный человек, казалось, был их новым лидером, и, когда он заговорил, Доктор узнал сильный греческий акцент.

– Мадам Дельфи хочет вас видеть.

– Хорошо, но я хочу проверить, в порядке ли мои друзья.

– Они тоже идут.

– А, я не уверен, что я согласен на эту часть сделки.

– Или мы сейчас же тебя убьем, – добавил грек.

И в этот момент Уилф, Нетти, Донна и мальчики появились из укрытия и были быстро окружены.

Доктор вздохнул.

– Думаю, это был, наверное, блеф, – сказал он Уилфу. – Я им нужен живым, помнишь?

– Мы в этом деле вместе, – сказал Уилф. – Когда я был в парашютно-десантных войсках, мы никого не оставляли позади.

Доктор кивнул.

– Ладно, теперь мы все здесь. У вас есть фирменный автобус?

– Мы пойдем пешком, – сказал один из пожилых людей, американка.

– Дорога неблизкая, – сказал Доктор.

Один из молодых людей пожал плечами.

– Значит, это поддержит нас всех в форме.

И они начали путь через Лондон.

Куда бы они ни шли, маленькие группы людей пели вместе небу.

Другие, которых можно было увидеть, в испуге прятались, изредка грабя магазины, наверно, считая, что это все не разрешится в скором времени и что еда будет в дефиците.

– Это как в Блиц, – сказала в какой-то момент Нетти, когда они проходили через Лейстер Сквер.

– Без бомб и рушащихся зданий, – сказал Доктор. – Слава Богу.

Доктор позволил своей группе слегка разделиться, заметила Донна. Она с мальчиками замыкала шествие, а Уилф начинал уставать и был лишь на несколько шагов впереди. Сзади были пожилые американцы. Перед Доктором – четыре молодых человека.

Доктор был с Нетти, поменявшись с Уилфом местами, его рука теперь держала ее.

Донна не слышала, что он говорил, но она могла сказать по настойчивости, с которой он размахивал руками и отсутствию реакции от старой дамы, за исключением странного кивка, что они на самом деле не обсуждали архитектуру Лондона.

Она почти спросила своего дедушку, как он думал, о чем они говорили, но не стала. Потому что если все пойдет не так, если все окажется плохо, она не хотела, чтобы он винил в чем-то Доктора.

Донна поняла, что это был первый раз за достаточно долгое время, когда она обнаружила, что подвергает сомнению действия Доктора. И ей это не нравилось.

Прошла пара часов. Им иногда давали останавливаться, и молодые люди разбирали еду (обычно используя свои силы Мандрагоры, чтобы сносить двери магазинов и что-то стащить).

В какой-то момент Доктор и Нетти сели вместе в пустующей забегаловке, пока мальчики жевали холодный хрустящий картофель и кексы. Нетти нашла какую-то бумагу в настольной папке с зажимом и что-то на ней писала, а Доктор кивал.

Уилф спросил Донну, был ли смысл пытаться воспользоваться микроволновками, и, когда она оглянулась, нети была одна, а Доктор пытался поговорить с греком.

На подогревание в микроволновке бургеров не было времени, так как им было сказано снова идти, несмотря на протесты Доктора.

Мальчики вскоре опять устали. Нетти и Уилф тоже очень устали. Донна была абсолютно истощена, но Доктор... он просто продолжал идти. Впереди него были теперь Люкас и Джо, и он старался отвлечь их от всего рассказом истории улицы Кромвеля и разных зданий, когда они проходили вдоль улицы.

Старая американская пара по всем правилам должна была умереть на своих ногах, но нет, они всегда были рядом, один или другой, иногда оба, указывая руками вперед, готовые использовать силу Мандрагоры, как она видела прошлой ночью в Антенной Системе Коперника.

Было темно к тому времени, когда они достигли Хаммерсмита, и Донна поняла, что понадобится еще примерно час, чтобы дойти до Брентфорда. Может быть, и больше, поскольку Нетти и Уилф останавливались все чаще.

– Мой дед очень стар, – сказала она греку, добившись возмущенного, даже если и истощенного «Эй, я в порядке» от Уилфа.

Грек просто пожал плечами и сказал, что Мадам Дельфи нельзя заставлять ждать.

Ночь не была холодной, но это и не был разгар лета и к тому времени, когда они начали идти вниз по безлюдной и без машин Грейт Вест Род, была почти полночь.

Донна была с Доктором. Уилф и Нетти были с мальчиками Карнес.

Уилф старался поднять их слабеющий дух рассказами о своих подвигах в парашютно-десантном полку, как он делал это для Донны, когда она была в возрасте мальчиков, хотя и в долгих поездках на машине, а не в мучительных походах по жутким городам.

– Почему вы не дадите этим людям пойти домой? – предложил Доктор, внезапно остановившись. – Мадам Дельфи хочет только меня, я уверен. Послушайте, мы в Чизике. Позвольте Донне отвести Уилфа и Нетти домой. И мальчикам тоже дайте уйти. Пожалуйста.

Грек не обратил на него внимания и продолжил идти.

– Ни дедушка, ни я не оставим тебя ни на минуту, – прошипела Донна ему, когда она подбежала догнать Доктора, – но как ты думаешь, почему они хотят нас всех?

Доктор посмотрел ей в глаза.

– Подстраховка, – сказал он просто. – Угрожать причинить боль мне бесполезно. В любом случае, я нужен им живым, по какой бы то ни было причине. Угрожать убить вас – это рычаг. Простите.

– Не стоит, – сказал Уилф. – Мы сами выбрали принять участие во всем этом. Я горд быть рядом с тобой, Доктор. И мои мальчики-солдаты тоже.

Парни Карнес кивнули; надо сказать, Люкас с немного большим воодушевлением, чем Джо.

Доктор взглянул на Нетти. Она стала шагать неуверенно, сдвигаясь к кустам в центре.

– Это изнеможение, – грустно сказал Доктор, когда Уилф поспешил направить ее обратно к группе. – Ее разум уходит, как прошлой ночью.

– Тогда зачем ты ее взял? – сказала Донна немного агрессивнее, чем намеревалась.

– Я не рассчитывал, что мы будем идти, – сказал Доктор. – Извини.
Донна позволила себе отойти на пару шагов. Что-то в плане Доктора пошло не так, и он на самом деле волновался.

Это был плохой знак.

Внезапно перед ними вспыхнули фары, и в группе Доктора все, как один, прикрыли глаза. Маленький микроавтобус с визгом остановился впереди них.

– Эй, – крикнула Донна. – Вы должны нам помочь!

Доктор пошел остановить Донну, но это не имело значения. Дверь микроавтобуса открылась, и из него крикнула в ответ женщина.

– Садитесь, народ, – сказала она веселым ирландским акцентом. – Мадам Дельфи ждет.

Они один за другим забрались внутрь.

– Вы не могли приехать часа три назад? – проворчал Уилф, когда он помогал спутанной Нетти подняться по ступенькам в автомобиль.

Женщина засмеялась.

– Я Кейтлин, и я приношу извинения от имени МорганТек за ваши неудобства. Но это ничто по сравнению с тем, что будет. И нет, Мадам Дельфи считает, что измученные пленные гораздо податливее, чем те, которые в форме и физически крепкие. Единственная причина, по которой я здесь, то, что уже почти полночь. А время близится. Держитесь крепче!

Кейтлин развернулась на 180 градусов и машина понеслась вниз по А4, к брентфордскому деловому району, известному как Золотая Миля.

– Приехали, – сказала Кейтлин, замедляясь.

Впереди Донна увидела гостиницу «Оракул», которая неясно вырисовывалась из темноты; в каждом окне горел свет.

– Ха! – засмеялся Доктор. – Мы увидим Дельфи в «Оракуле». Очень остроумно. Нет.

– Полночь, – объявила Кейтлин и открыла двери микроавтобуса. – Сегодня понедельник. Вселенная никогда не будет прежней.

И она улыбнулась.

А Донна поежилась.

Понедельник

Кейтлин, которая держала руку на прикладе револьвера, запрятанного под пояс ее брюк, вела Доктора, Донну, Уилфа и их друзей к номеру люкс в особняке.

Когда ирландка распахнула двери особняка, Доктор прошествовал внутрь и оглянулся. Он начал медленно хлопать, когда увидел, что было внутри.

– Мадам Дельфи, я полагаю? – сказал он. – Конечно. Ты не настоящий человек, верно? Ты компьютер! Ну, я говорю компьютер, но больше искусственный интеллект, предоставляющий жилище древней злобе, которая никогда не должна была быть освобождена из своего измерения. Как поживаешь, Мандрагора? Несколько веков прошло.

– Эта... форма гораздо эффективнее, чем человеческое тело из плоти, Доктор, – сказала Мадам Дельфи. – Как Повелитель Времени, тот, кто может гораздо больше выдерживать пространственные и временные травмы, твое тело – простите невыносимо плохой каламбур – то, что Доктор прописал.

Доктор ничего не ответил.

– Ты уже слышал это раньше, правда? – спросила Мадам Дельфи.

Доктор и Донна стояли теперь перед своей вымученной группой, Уилф, Нетти, Люкас и Джо находились поблизости в нескольких шагах позади. Лицом к ним, в защитном кругу вокруг компьютера Мадам Дельфи, стояли Дара Морган, Кейтлин и новообращенные Мандрагоры, которые их сюда привели.

– О, привет, – сказал Доктор, словно обращаясь к Женскому институту. – Все это выглядит очень впечатляющее. Хороший номер. Хорошая гостиница. Хороший жест, – он указал на старую американку, которая подняла руку в узнаваемом мандрагорском положении, чтобы выстрелить молнией смертельной энергии Спирали. – Хотя немного недружелюбный.

– Я приношу извинения. Нельзя просто набрать персонал, – донесся женский компьютерный голос из разбросанных в помещении динамиков. – Добро пожаловать в мой отель. Могу я порекомендовать гимнастический зал? Там отличный бассейн, насколько я понимаю.

– А какой бар? – спросила Донна. – Я имею в виду, нет пятизвездочного отеля без хорошего бара, верно?

– А, Донна Ноубл, добро пожаловать и вам. Думаю, вы обнаружите, что мы предлагаем четыре бара, три ресторана и подачу порционных блюд в номера 24 часа 7 дней в неделю.

Мадам Дельфи хихикнула.

– Хотя должна сказать, что мы стремимся к большему признанию, чем просто пять звезд.

Доктор кивнул.

– Ну, я полагаю, вы ищите около пяти миллионов. Что думаешь, Донна?

– У них должно быть хорошее обслуживание, чтобы заработать пять миллионов звезд, Доктор. Помнишь тот отель на Кассиусе? Это был настоящий пятизвездочный отель.

– О да! – улыбнулся ей Доктор. – И они смыслили в отношениях с клиентами. Помнишь, когда у нас была маленькая проблема с ящерицей?

– У вас в Брентфорде есть проблемы с ящерицами, Мадам Дельфи? – спросила Донна. – Потому что если есть проблемы с ящерицами, которые надо решать, то не думаю, что это такая уж замечательная гостиница.

– «Оракул» – это... – начал Дара Морган, но Мадам Дельфи остановила его.

– Доктор и его милая подруга просто пытаются выиграть время, Дара. Пытаются выяснить, как нас остановить, как выбраться из «Оракула» живыми, как «помочь» своей драгоценной планете Земля, – и Мадам Дельфи продолжала более вкрадчиво и немного более угрожающе: – Но ты нас не остановишь, Доктор. Я не даю никаких гарантий, что люди выйдут отсюда живыми. И, с моей точки зрения, помощь Земле – это именно то, что мы и делаем.

Доктор подошел к группе, и они расступились, почти уважительно, так что он теперь смотрел прямо на экраны компьютера.

– В прошлый раз, когда мы общались, я отправил тебя в темноту зализывать свои раны. Помнишь это?

– Конечно, – синусоидальные волны Мадам Дельфи свирепо пульсировали. – Я так долго ждала шанса лично добраться до тебя. Заставить тебя расплатиться.

– О, неужели старая месть за выходку бедного Повелителя Времени, Мандрагора? Я хочу сказать, ты выше этого. Давай же, дай причину получше.

Мадам Дельфи захихикала.

– Спираль Мандрагоры не в первый раз на Земле с 1492 года, знаешь ли.

– Ага, это я знаю. Священная гора Сианя, если мне не изменяет память? Потом были Сироты Будущего, все эти белые с малиновым ряссы. И ночной клуб «Корень мандрагоры», что было довольно хорошо, должен сказать. Но каждый раз это был фрагмент энергии Спирали, так ведь? Маленький бенгальский огонек, чтобы прощупать почву. На этот раз у нас целый фейерверк. Так почему сейчас? Зачем посылать мне сообщения на психобумагу, чтобы меня втягивать, привести меня сюда... а... Да, ты хотела привести сюда меня. Именно в этот день, в это конкретное время. Почему?

– Звезды выровнены, – сказал Дара Морган.

– Я разговариваю с Мадам Дельфи, спасибо, а не с наемными работниками.

– Как вы смее... – начал Дара Морган.

– О, замолчите, пожалуйста, – огрызнулся Доктор. – То есть, кто вы вообще такой?

– Я Дара Морган. Я основал МорганТек. Я создал М-ТЕК, разработал...

– О, да ты не сделал ничего, что не сказала тебя сделать Спираль Мандрагоры. Нет, кто ты на самом деле? Кого Спираль взяла, исказила, стала манипулировать и полностью испортила, прежде чем переосмыслить тебя, как Дару Моргана?

– Что?

– Люкас? – рявкнул Доктор. – Мой научный сотрудник, – тихо объяснил он Мадам Дельфи. – Донна была занята. Семейные дела.

Донна нахмурилась. Не то чтобы он дал Люкасу Карнесу проводить его исследование, но зачем он сказал «семейные дела»? Она бросила взгляд на Уилфа, но он пожал плечами. Затем она посмотрела на Нетти, сосредоточенно уставившуюся в мертвую точку перед ними. Когда Донна перевела взгляд на Доктора, она узнала взгляд его глаз. Взгляд, который если был бы озвучен, был бы чем-то вроде «Мне жаль. Мне очень, очень жаль».

– Нет, – сказала она одними губами. – Не смей! – но внимание Доктора было вновь на Даре Моргане.

– По всему миру, Дара Морган, миллиарды людей падут жертвами этого инопланетного сознания, которому ты дал доступ к миру. И это произойдет сегодня.

– Я знаю, – сказал Дара Морган. – Насколько же это прекрасно?

– Ну, прекрасно с точки зрения того, что твой М-ТЕК – чертовски замечательная технология, усиленная инопланетным ноу-хау и довольно

великолепно выданная людям, которые, как я представляю, не догадываются, что она сегодня с ними сделает.

– Они без понятия.

– На твоих руках много крови, Дара Морган. Если бы я был полицейским, я бы тебя арестовал, но, как объяснит сейчас Люкас, это невозможно.

– Дара Морган получил известность восемь лет назад, сделав свои первые заявления о МорганТеке в специальном выпуске новостей, который вышел в прямой эфир 31 декабря 1999 года.

– Точно в конец тысячелетия.

– До этого нет никакого следа этого человека. МорганТек был зарегистрирован как частная акционерная компания с ограниченной ответственностью в 17:29, в тот же день.

– И кем ты был, прежде чем Мандрагора завладела тобой? Перед тем, как ты себя переосмыслил, как человека и стал анаграммой «Дара Морган»?

– О, теперь я понял, – крикнул Уилф. – Очень умно.

– Да, спасибо, дедушка, – шикнула Донна, – но дай Доктору сосредоточиться.

Но, прежде чем кто-то мог остановить его, Доктор положил руки на обе стороны головы Дары Моргана, прижав пальцы к его вискам, и прошептал: «Открой закрытые двери и выпусти себя».

Собравшиеся прислужники шагнули к Доктору, и Мадам Дельфи механически пропульсировала:

– Остановите его, – сказала она.

Своим мысленным взглядом Доктор видел картину. Темная ночь, холодно, сыро. Он шел по переулку, по обеим сторонам которого были изгороди, и дождь тек тонкой струйкой по его щеке.

Он поежился. Он был зол... Нет, не зол. Ему было больно. Он был озадачен. Она сказала «нет». Нет на что? Кем она была? В его руках – коробочка, легкая, бархатистая. И внутри нее, да, он представлял, что. Серебряное кольцо, чистый алмаз. Все, что он мог предложить. И она сказала «нет». Сказала, что ей нужно уехать из Дерри, и хотела поехать в Сидней. Или в Сан-Диего. Или куда-то еще, но не близко к нему. Что он ей сделал не так? Почему он не видел, что это настанет? Как было возможно любить кого-то так сильно, что, каждый раз, как она входила в комнату, каждый раз, как она говорила, улыбалась, смеялась, его сердце прыгало? Что одного знания того,

что она на кухне, в ванной, в коридоре было достаточно, чтобы вызвать те чудесные, удивительные, замечательные мысли, пронесившиеся в нем? Но когда дело дошло до всего этого, когда он сказал «Я тебя люблю», она сказала, что хочет уехать. Не «Я тоже люблю тебя, но...». Не «Спасибо тебе, но мне жаль». А просто «О Боже, это просто невероятно! Нет, я уезжаю из Ирландии как можно скорее. Я не хочу быть ни к чему здесь привязана!».

И как будто кто-то выдрал из него все, что было важно, и прошелся по нему.

Ты не первый, кто влюбился и кого отвергли, разумно сказал он сам себе.

Но он не хотел быть разумным. Что вообще было разумного в том, чтобы быть влюбленным? Что разумного в том, чтобы делать кому-то предложение только для того, чтобы быть раздавленным?

И вот он был потерян и одинок. Все сказали, что она не была заинтересована. Каждый пытался сказать, что он терял свое время. Но когда ты влюблен, ты хватаешься за что угодно, ты веришь, что однажды ты проснешься, и тебе скажут: «Знаешь что, я неправ, прав ты, ты человек для меня».

Но этого не случилось.

Этого не случилось никогда.

Вместо этого он увидел молнию, разорвавшую пополам ночное небо, когда он ковылял вдоль дороги, а его слезы смешивались с дождем, и думал, что все, чего он сейчас хотел, это быть дома.

Дома.

Десять минут пешком, максимум.

Опять молния. Синяя, белая и фиолетовая...

Фиолетовая?

Она ударила в землю перед ним, сбив его назад.

Он помнил, что видел, как коробочка с кольцом исчезла во внезапном пожаре, в прямом и в переносном смысле подводя черту под этой частью его жизни.

Он чувствовал себя так, словно и сам был в огне. Все, что он видел – это фиолетовый свет, окружающий его, уничтожающий изгороди, уничтожающий дорогу, темноту, дождь.

А потом – голос. Всюду вокруг. В своей голове. Идущий с неба и из его сердца в одно и то же время.

– Твое время пришло. Каллум Фитцоу больше не уместен. Теперь у тебя более великое дело.

Голос остался с ним надолго после того, как фиолетовый огонь угас, на дни и недели, когда он отдал себя новой цели.

На следующее утро он дотронулся клавиатуры на банкомате, и он выбросил двести фунтов. Этим же утром еще восемь банкоматов. И еще – в разных городах. Затем он завел счет. Он управлял онлайн-банкингом непрослеживаемыми маневрами, потому что он ввел в компьютеры показатели, которые стерли все следы его действий.

За недели он был мультимиллионером. У него были накопления по всему миру. Он владел компаниями, которые он закрывал или объединял, и в течение месяца благодаря манипулирующему влиянию голоса в его голове, который говорил ему, как это делать, возник МорганТек.

Потом он собрал компьютерную систему, которая изменила бы его судьбу. Каким-то образом голос направлял его, когда он строил Мадам Дельфи, он чувствовал, как голос в его голове преобразовывается в аппаратуру, как-то создавая искусственную жизнь в неслыханном до этого масштабе.

– Ты нужен мне, – успокоил голос. – Сейчас и навсегда. Мне нужен человеческий интерфейс, связь с миром плоти и крови. Воплощение в реальности.

И был создан Дара Морган.

Он помнил, что он был из богатой семьи банкиров и инвесторов. Его родители умерли в крушении частного самолета, и МорганТек перешел к нему, когда ему было только 21.

Дара Морган помнил и другие ложные воспоминания, события, людей, квалификации и вечеринки. Ничто из этого не было настоящим, но каждый раз, когда он представлял часть вымышленной истории, она становилась правдивой. Голос ему показал, как обществом, которое полагалось на компьютеры из-за информации, которое больше не использовало бумагу и чернила, чтобы делать записи, можно было легко манипулировать в принятии истории, лжи, выдумок, о которых ты с помощью клавиатуры говорил, что это правда.

Он помнил голос, говорящий ему, как развить М-ТЕК за несколько лет, чтобы рынок в него поверил. Поверил в МорганТек. Это была долгая игра.

И он помнил, как однажды после полудня видел ее на улице в Дубае.

Она была с парой мужчин, просматривая пачку документов в придорожном кафе.

Он слышал, как эти люди объяснили, что им нужно подумать о любой сделке, которую они совершают, и удалились. И он подошел сесть рядом с ней.

Она подняла глаза, сначала заинтересованная, затем удивленная и затем – потрясенная. В конце концов, он услышал ее голос: «Кал?».

– Теперь нет, – сказал он. – Дара Морган.

Она засмеялась мягким, великолепным и красивым смехом, который вернул всю ту любовь, которую он оставил годы назад.

Но голос в его голове прошипел: «Нет. Вспомни про кольцо. Вспомни о слезах и боли. Не поддавайся сейчас, Дара Морган».

– Ты похож на него, Кал, – сказала она. – Что привело тебя в Дубай?

– Мандрагора поглотит небеса, – сказал он. – Позволь мне тебе показать, Кейт.

Он взял ее руку, и ее глаза вспыхнули фиолетовой энергией Мандрагоры. Затем она открыла папки, которые она до этого пересматривала с бизнесменом.

– Подпишите, пожалуйста, здесь, мистер Морган.

И он подписал, потому что так ему сказал голос.

В течение часа у МорганТека была сеть пятизвездочных отелей по всему миру, и Кейтлин стала его первой новообращенной.

Со вздохом Доктор отстранился от Дары Моргана, который немедленно свалился на пол.

Все это произошло меньше, чем за секунду в реальном времени, но для Доктора это казалось вечностью.

Он отшатнулся от Дары Моргана, когда остальная группа под влиянием Мандрагоры повернулась к нему с поднятыми руками, готовые нанести смертельный удар.

– Нет! – синусоидные волны Мадам Дельфи подпрыгивали вверх и вниз на ее экранах. – Нет, мне нужно это тело. Вот почему я ждала эти долгие века, когда явится Доктор. Последний Повелитель Времени, который одержим энергией Спирали Мандрагоры, оживленной мной!

Ее сторонники опустили руки.

А маленький Джо Карнес бросился прочь от своего брата и побежал к Доктору.

– Нет, – крикнул он. – Оставьте его в покое.

Люкас через секунду был рядом с ним, а затем Донна, затем и Уилф тоже.

Они стояли между ним и компьютером, которым овладела Мандрагора.

– Да, спасибо всем вам, – сказал Доктор. – Но это, на самом деле, необязательно.

Он улыбнулся Мадам Дельфи.

– Такой большой выбор. Детей никто бы не принял всерьез, старого человека с болезнью сердца, который может в любой момент свалиться замертво, его подруга Генриетта, эксперт по звездам...

Он оглянулся и бросил взгляд, который заметила только Донна.

Генриетта Гудхарт все еще была у двери, словно пытаясь разобраться в том, что происходило.

Доктор смотрел на нее со смесью грусти и... Донне было любопытно, чем это было. Паникой? Отчаянием? Словно он заставлял ее сказать или сделать что-то.

Но это было бесполезно. Нетти не было с ними в этот момент.

«Фары горят, но водителя нет». Донна могла представить, как ее мама говорит что-то вроде этого. Ужасная фраза, но с ней Донна не могла сейчас не согласиться. И как будто Доктор думал, что Нетти каким-то образом подвела его.

– Донна, – прошипел Доктор. – Твой мобильный. Быстро.

Она положила его ему в руку и, наблюдая за Мадам Дельфи, Доктор умело прокрутил ее список контактов.

– Донна?

– Да?

– Почему здесь нет номера твоего дедушки?

– Потому что он никогда не включает чертов телефон. Какой смысл?

– Прекрасно. Спасибо.

– Почему ты звонишь ему? Он стоит здесь.

– Его телефон в Эссексе. Мне нужно на него позвонить.

Донна закрыла глаза, представляя свои пальцы на кнопках, и прошептала ему цифры. Когда он услышал, что дозвонился, то положил трубку.

– Надеюсь, что ты права, потому что если нет...

– Кто-то просто получил странный звонок?

– И миру наступит конец. Но, хей-хо, было весело, – он передал телефон обратно ей. – Ты не доберешься до него, – говорил дедушка Донны компьютеру. – Этот человек – замечательный, он спасал эту планету, может быть, и всю вселенную, больше раз, чем мы ужинали. Тебе придется остановить нас, чтобы добраться до него!

Благослови Господь дедушку, но Донна серьезно сомневалась, что это остановит Мадам Дельфи. Доктору что-то было нужно от Нетти, Донна была уверена в этом. Значит, ему нужно было дать время.

– Если ты хочешь обитать в теле, которое побывало в галактике, дамочка, – сказала она, – возьми мое. О, у меня, может, и нет двух сердец или волос, которые бросают вызов моде, но это тело повидало парочку боев в космическом пространстве.

Она оттолкнула Доктора прямо за ними, так что сейчас он был ближе к Нетти.

Экраны Мадам Дельфи снова запульсировали.

– Благородная именем, благородная по природе, не так ли?

– О, как будто я этого раньше не слышала. Однажды вечером, когда Нил Бейли решил порезвиться в «Одеоне», он пробормотал мне на ухо: «Разбился редкостный пирог, как насчет сна, милая Донна?»⁶ Я ударила его туда, где больно, и вышла на улицу. Кстати сказать, я думаю, он знал Шекспира и должен был получить положительные очки за оригинальность. Мой папа не согласился и ударил его по носу на следующей неделе в баре.

Донна сладко улыбнулась компьютеру.

– У тебя был когда-нибудь парень, который приударял за тобой? Нет, конечно не было, потому что ты вся электронная, в проводах и все такое. Совсем одинокая, да? Вот почему ты все это делаешь, разве нет? Ищешь любви? Тебе нужно было вместо этого пойти в уголок одиноких сердец.

Уилф потянул свою внучку за руку.

– Ты ее разозлишь.

– Правда, дедушка? Мне это не пришло в голову, – она подмигнула ему. – Я знаю, что делаю.

Мадам Дельфи зло запульсировала.

– Жаль, но у меня не укладывается в голове, почему Доктор всегда окружает себя глупыми людьми. Я хочу сказать, какой цели вы служите? Вы точно не жертвенные ягнята. Сколько путешествовало в ТАРДИС до тебя,

⁶ Перефразированная цитата из «Гамлета» (прим. переводчика).

Донна Ноубл? И что с ними случилось? Я имею в виду, что ты считаешь, что будешь с ним путешествовать вечно. Думаешь, ты первая, кто так думал? Конечно же нет. Но ты здесь, а они – нет. Задавалась вопросом, что случилось со всеми ними?

Донна не собиралась позволить этому овладеть своими мыслями – главным образом потому, что это был вопрос, который она Доктору уже задавала, и ответ ее более чем удовлетворил.

Но это задело чувствительную струнку в ее дедушке.

– Дорогая, это хороший вопрос.

– Ну правда, давай не прямо сейчас? – огрызнулась она в ответ.

– А есть ли кладбище с могильными плитами, выстроенными в ряд, с именами на них, как ты думаешь, Донна? – сказала Мадам Дельфи. – И у него есть участок земли, сбереженный для тебя, верно?

– Может быть, – ответила Донна. – Меня это особо не беспокоит, если честно. Я живу здесь и сейчас. И прямо здесь и сейчас все, о чем я могу волноваться – это о том, чтобы остановить тебя и твою маленькую армию зомби.

– Уничтожить их, – сказала Мадам Дельфи, совершенно как ни в чем не бывало, настолько небрежно, что Донне потребовалось время, чтобы до нее все дошло.

Но дошло тогда, когда последователи Мандрагоры, как один, подняли руки, готовые выстрелить своими молниями энергии.

Ничего не случилось.

– Уничтожить их! – завопил компьютер.

По-прежнему ничего не произошло.

– Уничтожить их, – потребовала Мадам Дельфи, но последователи не сделали ничего кроме того, что нахмурились и огляделись вокруг себя в удивлении. Как будто бы они только что очнулись ото сна.

– А, – сказал Доктор. – Это, должно быть, я. Ну, на самом деле я никогда не честен, это милая дама с фамилией Оладини – так и не узнал ее имени, очень грубо с моей стороны. В любом случае, она только что немного сшибла вашу центровку звезд, отменила всю власть, которая у тебя была над потомками Сан Мартино, массово. *Закрито, капут.*

– *Финита*, – сказала Донна с фальшивым итальянским акцентом.

– И вовсе нет!

Донна обернулась налево. Дара Морган стоял с ноутбуком в руках, его пальцы порхали над клавиатурой в то время, как он печатал одной рукой.

– Я отправил сигнал отмены через интернет на М-ТЕКи повсюду. Как только они синхронизируются с компьютерами, вместо того, чтобы скачать твои приказы, они установят вирус, который дефрагментирует платформу и полностью удалит их память, – Дара Морган в заключение нажал на клавишу Enter. – И я защитился паролем.

– Я суперкомпьютер с манией величия, связанный с миллиардами электрических розеток по всему миру, глупый ты человечиска. Ты действительно думаешь, что остановил меня? Я разочарована в тебе, Дара Морган.

Дара Морган пожал плечами.

– Остановил тебя навсегда? Сомневаюсь, но я определенно замедлил тебя, так что сигнал не будет активирован за десять минут. Может быть, и за несколько дней – у Доктора много времени, чтобы остановить тебя, – Дара Морган улыбнулся. – И меня зовут Каллум Фитцоу.

Мадам дельфи издала глубокий электронный вздох.

– Кейтлин?

И ирландская девушка, возлюбленная Каллума, которая отвергла его почти десять лет назад, вытащила из-за пояса револьвер и подняла его.

– Кейтлин, не надо, – крикнул Каллум. – Борись с влиянием Мандрагоры. Вспомни, кто ты на самом деле!

Кейтлин нахмурилась.

– Кал?

– Да, это я!

Кейтлин пожала плечами.

– Ты никогда мне не нравился тогда, и сейчас не особо нравишься.

И она выстрелила пулей, которая прошла через мозг Каллума Фитцоу навывлет.

Он был мертв еще до того, как упал на покрытый ковром пол.

Недавно очнувшиеся последователи Мандрагоры в замешательстве кричали и вопили и начали выбегать из помещения.

– Идите с ними, – прошептала Донна мальчикам Карнес. – Выбирайтесь отсюда – Люкас, отведи Джо домой. Не прекращайте бежать, пока не будете на месте.

Она повернулась к Уилфу.

– Ты тоже.

– Брось, Донна, девочка моя. Я слишком стар, чтобы бегать, и я здесь с тобой до конца. Я сказал твоему папе, что пригляжу за тобой, и, ей-богу, я пригляжу.

Донне пришло на ум, что Кейтлин могла к этому времени открыть огонь, так что она посмотрела, что происходит. Она положила пистолет на рабочий стол и сидела лицом к экранам Мадам Дельфи.

Доктор прошел мимо Донны, почти мимоходом осторожно отдав ее в руки Уилфа, пробормотав: «Держи ее крепко, Уилф. Словно от этого зависит твоя жизнь». Затем он присел возле Кейтлин, вытянув руку за пистолетом.

– Возьмите его, – сказала она тихо. – Каллум и я уже причинили достаточно вреда, чтобы оправдать то, что я сделала.

– Ты была под контролем Мандрагоры, – сказал Доктор. – Я освободил его, а он освободил тебя.

И Кейтлин посмотрела ему в глаза, по ее щеке стекла слеза.

– Мадам Дельфи никогда не контролировала меня. Мандрагора никогда не контролировала меня, ей не нужно было.

– Тогда кто сказал тебе убить Дару Моргана, или как было его имя? – спросила Донна.

– Его разум... спал несколько дней. Он начинал вспоминать... он был слабым звеном. Я должна была устранить его.

– Что должна была сделать? Почему? Он мог спасти человеческую расу! Так это в этом было дело?

И Кейтлин внезапно посмотрела Доктору прямо в глаза.

– Я не знаю, – сказала она, у нее наворачивалась слеза.

– Чем я стала? Что работа на это существо со мной сделала? Я только что убила кого-то. О Боже... Я просто его убила, не задумавшись.

– Немного поздно для слез, приятельница, – сказала Донна. – Работая с Мандрагорой, ты, вероятно, убила кучу людей.

– Я знаю, – тихо сказала Кейтлин. – Я не владела своей жизнью.

– Я контролирую все. – пропульсировала в ответ Мадам Дельфи. – Включая твою жизнь!

– Нет, не контролируешь, глупая коробка проводов. Я выбрала эту жизнь, потому что думала, что хотела ее. Но знаешь что, я ошиблась.

Теперь ее пальцы летали над клавиатурой.

– Я прекращаю работу радио, убираю твои системы ограничения доступа.

– Это не остановит меня.

– Нет, но немного тебя изолирует, – Кейтлин грустно посмотрела на Доктора. – Я сделала свое дело, Повелитель Времени. Теперь тебе карты в руки.

И она отодвинула назад свой стул и столкнулась с Доктором. Извиняясь, она обошла вокруг него и подошла к телу Каллума.

– Мы могли бы владеть миром, – сказала она и опустилась рядом с ним на колени.

Доктор пытался разобраться в словах Кейтлин. Радио. Системы ограничения доступа. Это бессмысленно, Мадам Дельфи была гораздо более мощным компьютером. Он стал печатать на клавиатуре, и удар фиолетовой энергии Мандрагоры чуть не оторвало ему пальцы.

– Ну, ну, не сердись.

– Я уничтожу тебя, Доктор. Ты будешь... – и она замолчала.

Затем он увидел, что на самом деле сделала Кейтлин. Она говорила чепуху, зная, что Мадам Дельфи потратила бы несколько подпрограмм на то, чтобы отследить то, что, как она утверждала, она сделала. Найдя системы ограничения доступа и радио нетронутыми, компьютер сейчас искал повсюду еще. Это оставило бы его молчаливым и занятым... ну, не надолго, честно сказать.

Но шло вычисление, он видел его на одном из экранов, оно было похоже на мини-вирус, самовоспроизводящееся математическое уравнение, который с каждой истекшей секундой истощал байты, в то время как, будто бы пытаясь решить уравнение, он на самом деле размножал его. Доктор широко улыбнулся. Кейтлин была хороша в том, что делала, даже если Мадам Дельфи и потребовалось бы несколько секунд, чтобы противостоять этому. Он взглянул на тело Каллума, ожидая увидеть Кейтлин.

Тело было одно.

Доктор ощупал свои карманы. Револьвер был по-прежнему здесь. Но не было чего-то другого.

– Донна, – прошипел он. – Донна, я хочу, чтобы ты спустилась в вестибюль. Все те люди будут растеряны, сбиты с толку. Половина из них могут даже не говорить на английском, насколько мне известно. Им нужен кто-то спокойный и разумный, чтобы привести их в порядок, все им объяснить.

– Но раз уж нет никого, подходящего к этому описанию, – сказала Донна, – мне придется сделать это.

Доктор улыбнулся ей.

– О, Донна, ты лучшая из тех, кто здесь есть. А теперь иди – нет, не ты, Уилф. Вы с Нетти остаетесь здесь.

– Почему они не могут пойти со мной? – резко спросила Донна.

– Семейные обстоятельства, – ответил Доктор. – Поверь мне, они оба будут со мной внизу через несколько минут, живы и здоровы.

– Но...

Уилф принял ответственность на себя.

– Ну же, Донна, не спорь с ним. Когда он тебя подводил?

Донна ушла.

– Быть может, это не самый удачный выбор слов, Уилфред.

– Ты подводил ее, Доктор?

– Ну... – подумал Доктор, – на самом деле нет, но был близок пару раз.

– Потому что если бы я думал, что ты подвел мою маленькую девочку, тебе пришлось бы мне отвечать.

Их глаза встретились, и на крошечную секунду, осколок бесконечности, Доктор знал, что не должен никогда, никогда подвести Донну Ноубл.

– Я не подведу, – сказал он. – На самом деле, Уилф, я должен сказать «мы» не подведем, потому что ты прямо сейчас важен. Донне. Мне. Всему свету. И больше всего важен для Генриетты Гудхарт.

Он вдруг встал.

– Не делай этого, Кейтлин.

Уилф понял, что ирландка была возле стены, рядом с распределительной коробкой, держа серебряную ручку. С синим кончиком, который светился.

– Что она задумала?

– Ты не знаешь, как это использовать, Кейтлин, – медленно сказал Доктор. – А Мадам Дельфи будет работоспособна и включена снова через секунду. Она остановит тебя.

– Пусть попробует, – сказала Кейтлин. – И вы правы, я не знаю, как этим пользоваться, но, думаю, если я нажму это, покручу то и суну это вот сюда вот...

– Кейт, нет!

Было слишком поздно. Когда звуковая отвертка внезапно издала скрежет с силой, слишком большой силой, плохо обрабатываемая, используемая нетренированными руками, Кейт сунула ее в раскрытую теперь распределительную коробку; прямо в оптико-волоконные провода, соединяя которые умер Джонни Бейтс несколько дней назад.

Сверкнула вспышка фиолетового огня, и Кетлин исчезла, превратившись в атомы вместе с куском стены, кабелями и звуковой отвертки Доктора.

– Правильная идея, – скорбно сказал Доктор, – но должен был быть способ получше.

– Компьютер отключился, – сказал Уилф.

Доктор посмотрел на экраны и скрылся из виду, чтобы проверить сервер.

– Без признаков жизни, – подтвердил он.

– Мы победили?

– О, вовсе нет. – Доктор посмотрел на Уилфа. – Я солгал Донне, – признал он.

– Знаю, – сказал Уилф. – Но ты позаботился о том, чтобы она была в безопасности. Спасибо.

Кейтлин отрезала энергию Мандрагоры от компьютера. В любом случае, Мадам Дельфи нет. Стерта. Уничтожена.

– Но эта энергия Мандрагоры, она все еще здесь, да?

– Заперта.

– Где?

– В этой комнате. И прямо сейчас она ищет новый дом. Я думаю, у нас есть около трех минут.

– Она не выберет меня, вот почему ты оставил меня здесь. Я слышал, что ты сказал. У меня болезнь сердца. Я умру.

– Что? – Доктор нахмурился, потом вспомнил, что он сказал до этого Мадам Дельфи. – Уилфред, я так или иначе не имею понятия о состоянии твоего сердца. У тебя может быть еще по крайней мере пара десятилетий, кто его знает. Я говорил это потому... ну, прямо сейчас не имеет значения.

Он бросил взгляд на пропавший кусок стены, где стояла Кейтлин.

– Сомневаюсь, что она может возвращать мертвых, так что надеюсь, она выберет самую легкую цель, пойдет по тропе наименьшего сопротивления.

Уилф перевел взгляд от Доктора на Нетти,, стоявшую, безмятежно улыбаясь, рядом с ним.

– Нет...

– Она – наиболее вероятный сосуд.

Уилфа трясло от печали.

– Но это моя Нетти. Мы собирались посмотреть мир, съездить в круиз, посмотреть Южную Америку, Канаду, Индийский океан. Доктор, она моя жизнь. Я никогда не думал, что кто-то мог заменить мою жену, царство ей небесное, но появилась Нетти Гудхарт и показала мне, что в жизни есть больше, чем сидеть в огороде и слушать Дасти Спрингфилд. Я не могу ее потерять. Я не могу потерять еще одну даму моей жизни. Я люблю ее!

– Я знаю, что любишь, и мне правда жаль просить ее об этом, но я должен.

– Ты не можешь просить ее, она... она сейчас выключена. Это болезнь, деменция. Она не может говорить за себя.

Доктор залез в свой карман и вынул оттуда бумагу.

Уилф взглянул на нее.

Мой дорогой Уилфред.

Ты мне однажды сказал, что доверяешь Доктору жизнь Донны. Теперь доверь ему мою. Я не знаю, ни что он собирается сделать, ни в каком состоянии я буду, когда он сделает это, но если ты доверяешь ему, этого для меня достаточно.

ГГ

– Это твоя особая бумага, – сказал Уилф. – Показывает мне то, что я хочу увидеть. Донна мне давно рассказала о ней.

Одними губами Доктор произнес: «О, большое спасибо, Донна», затем вынул свой кожаный бумажник с настоящей психобумагой.

– Нет, Уилфред, письмо настоящее. Когда мы были в той закуской, я объяснил Нетти, что могло понадобиться. Почему она была потенциальной мишенью и потенциальным...

Доктор прервался, и Уилф увидел сиюминутную фиолетовую вспышку огня, стрельнувшую в его глазах. Он крепко зажмурился и снова открыл глаза. Коричневые. Как всегда.

Доктор выдохнул воздух из щек.

– Это не было смешно, но она не попробует меня снова.

– В этом нет нужды, – сказала Генриетта Гудхарт, тихо, но со знакомой угрозой в ее тоне. – У меня есть новый дом. Новое тело. Которое может двигаться, говорить и чувствовать.

– Выбирайся из моей подруги, – огрызнулся Уилф.

Нетти лишь засмеялась.

– Бедный жалкий заблуждающийся человек. Это теперь мой сосуд. Мандрагора живет. Я буду править уничтожением этого мира, я отомщу. Вся эта вселенная будет лежать в развалинах и хаосе, и я буду питаться ею столетия. Прекрасный хаос!

Уилф шагнул к Нетти, но Доктор оттащил его назад и почти незаметно покачал головой.

– Подожди.

Доктор осмотрел сгоревшую стену, где умерла Кейтлин. Потом компьютер, теперь бесполезный и не работающий. Посмотрел на тело Каллума Фитцоу, так когда-то снесаемого гневом и отчаянием, что оказал помощь вселенской болезни, которая собиралась уничтожить Землю, дал шанс. И на тело Генриетты Гудхарт, теперь населенное инопланетной силой настолько великой, что она выжила с Темных Времен и теперь была готова дать волю волне уничтожения через известные галактики.

Если только он правильно произвел свои вычисления.

Нетти прошла вокруг комнаты, словно с ней все было в порядке, сильная, здоровая женщина, которой было около семидесяти и которая должна была колесить по парку Йоркшир-Дейлз или греться на солнце в круизе по Карибским островам рядом с Уилфом в качестве ее компаньона.

Вместо этого она кашляла. Она пошатнулась.

Уилф подошел помочь, но Доктор отдернул его назад.

– Мне жаль, я не могу даже представить, как это для тебя тяжело, – сказал ему Доктор, – но ты должен дать этому закончиться.

Нетти, или, вернее, инопланетная жизненная сила, населяющая сейчас ее разум и тело, улыбнулась им. Это была улыбка, которая им обоим не очень понравилась. Она исказила лицо Нетти так, что совершенно демонстрировало то, что она была совсем не Нетти.

– Спасибо, Доктор, – злорадствовала она. – Ты сдал мне в новую аренду жизнь. Я всегда знала, что компьютер – средство к достижению цели, что однажды появится нужный организм. Изучая эту смешную планету, я надеялась, что это будет молодое сексуальное мужское тело. Вроде звезды мыльной оперы или спортсмена. Но, эй, старые дамочки пока сгодятся. Когда выгорит эта, я перейду к другой.

– Выгорит? – Уилф посмотрел на Доктора, но взгляд Повелителя Времени был твердо сосредоточен на Нетти. Была ли для этого иная

причина, кроме неспособности справиться с обвинительным взглядом Уилфа, он не знал.

– О, а твой инопланетный приятель тебе не сказал об этой стороне вещей? Интересно знать, сказал ли он Генриетте Гудхарт, когда он заключил с ней сделку. Видишь ли, Уилф – я могу называть тебя Уилф, да? Только Нетти тебя очень любит, и я думаю, что все упрощает, если мы будем общаться неформально, – ее ухмылка стала шире. – В любом случае, человеческое тело может выдержать энергию Мандрагоры только короткое время, прежде чем оно испарится и мне придется найти новое хранилище. К сожалению, это будет Доктор.

– Правда? Вот радость.

– Ты знаешь об этом.

– Но тебе нужно сначала ослабить мою оборону, конечно. Прошибить меня, сломать мой дух. Как же ты собираешься это сделать?

Нетти засмеялась – это был звук, полностью лишенный теплоты и настоящего веселья.

– Уничтожив всех, кого ты знаешь.

Она внезапно пошатнулась и потянулась к Уилфу за помощью. Он был уже готов помочь, когда Доктор бросился через комнату, оттолкнув руку Уилфа.

– Эй!

– О, не начинай, – пробормотал Доктор. – Дай ей стоять на своих ногах.

Нетти снова стояла твердо.

– Начиная с этого старика с больным сердцем.

Уилф собирался заговорить – и тут его осенило, почему Доктор придумал это про его сердце. Он хотел, чтобы она взяла тело Нетти, а не Уилфа.

Но почему?

– Однажды, Доктор, мы видели этот мир как угрозу, у него было столько потенциала. Мы пытались остановить его развитие, сдержать его ранние науки. Но посмотри на него сейчас! Мы ошибались, мы должны были поощрять его. У него есть способность общаться. С одним крошечным компьютерным вирусом Мандрагора может коснуться этого мира. На земле почти семь миллиардов человек, Доктор. За пару лет в двух миллиардах домов будут персональные компьютеры, к которым будет доступ в среднем у трех человек. Добавь к этому проникновение на рабочие места, и Мандрагоре займет меньше часа, чтобы господствовать над большинством

людей на этой планете, использовать человеческую технологию, чтобы распространить Мандрагору по всей галактике гораздо эффективнее, чем я могу сделать это одна. Через двадцать лет у меня могло бы быть человечество, строящее фермы на Марсе. Через сто лет мы бы колонизировали Альфу Центавру. Новая Мандрагорская империя, сочетающая энергию Спирали, человеческую телесность и науку связи. И потом... потом...

– Это впечатляет, согласен. Что потом?

– Что делает любой вид? Он расцветает, он доминирует, он... вроде как... продолжается.

– О, «вроде как продолжается» – это очень научно.

Доктор сел на стул перед бесполезной теперь системой Мадам Дельфи. – И? Расскажи мне еще о твоих планах. Уилфред страшно хочет знать. И я. И Донна, она как раз за дверью – привет, Донна, заходи – я уверен, что она тоже хочет знать.

Показалась Донна.

– Я подумала, что могла бы быть более полезной здесь наверху. Сказала всем этим чудакам, которых я проводила в ресторан, что вернусь через минуту.

– Ммм, Донна, – предупредил Доктор, – что останавливает их от того, чтобы убежать?

Донна показала маленький серебристый ключ и потрясла им перед его носом. – Потому что я замечательная и заперла их, – она улыбнулась. – О, но я отправила мальчиков Карнес домой.

– Хорошо, хорошо. Мандрагора тут мне рассказывает, как он/она/оно собирается создать целую новую империю. Вроде Византийской империи, или, эм, какая была та, другая? Греческая? Нет... Какая же?

Донна открыла рот, чтобы предположить «Римская», но Доктор остановил ее.

– Ну, ну, Донна, позволь Мандрагоре определить. Давай, в твоём распоряжении есть вся информация, о какой империи я думаю? Что-то связанное со спадом и Падением, разве нет?

Нетти/Мандрагора помолчала.

– Римская. Римская империя.

– О да, очень хорошо. Сколько миллиардов компьютеров сейчас на Земле? Сколько их внедрил на рынок М-ТЕК, кстати?

Нетти/Мандрагора нахмурилась и обернулась к дедушке Донны.

– Уилф? Помоги мне...

– Нетти...?

– Нет, Уилфред, – громко сказал Доктор, его голос стал вдруг похож на ружейный выстрел. – Сядь, дай Нетти решить. Сейчас же!

Уилф сел рядом с Донной на полу.

– Откуда Мандрагора?

Нетти/Мандрагора улыбнулась.

– Из туманности, Доктор. Мы сбежали из Темных Времен и создали новый дом в сердце прекрасного хаоса.

– Ну конечно. Как он называется?

– Это... я не могу вспомнить... – Нетти/Мандрагора слегка пошатнулась.

– Мы не можем вспомнить...

– Давай же, сконцентрируйся, – внезапно вскричал Доктор и вскочил, кружа вокруг Нетти/Мандрагоры, выстреливая вопросами и ходя кругом нее.

– Назови скорость света? Сколько лет бушевала война каррионитов и Вечных? Где родной дом джудунов? Назови двадцать третью Конвенцию Прокламации Теней? Кто выиграл в Бендромо-сендромской войне? Сколько бобов в пяти бобах? Двай же, давай... – он в нетерпении щелкнул пальцами.

– Я хочу сказать, едва ли ты можешь захватить вселенную, если не можешь думать самостоятельно, так ведь?

– Дай мне минутку... – фыркнула Нетти/Мандрагора.

– Дать тебе минутку? Ну, я мог бы дать минутку, допустим, я имею в виду, я дал бы Генриетте Гудхарт минутку или, в лучшем случае, две, потому что она нездорова, не так ли? О, неужели ты не поняла? Ты об этом не разузнала?

И Доктор грубо схватил плечи Нетти и повернул ее, так что теперь они стояли лицом к лицу, их носы почти соприкасались.

– Ты взяла тело очень удивительной леди, Мандрагора, и заперла себя в ее разуме, распространяясь в ее синапсы и все остальное. Беда в том, что синапсы ее подводят. Каждый день нейроны и синапсы в ее коре головного мозга атрофируются. А ты ускоряешь процесс в своей спешке акклиматизироваться и, к сожалению, ты уже слабеешь. Я хочу сказать, ты не можешь вспомнить слова – это прикосновение наступающей парафазии. Нетвердо стоишь на ногах? Ну, думаю, это апраксия. Височная доля и теменная доля слабеют.

– Ты... ты в чем-то... схитрил... ты обманул меня...

– Ну, да, думаю, обманул. И чем больше ты с этим борешься, тем больше энергии Мандрагоры тратишь, чтобы починить эти части мозга и тем больше теряешь их сама, потому что у этой дамы Альцгеймер, и это не лечится, даже тобой.

– Тогда я, знаешь ли, изменюсь... перемещусь, поменяюсь телами с... Я...

– Да? Что? Что ты сделаешь? Ну же, скажи мне.

Донна присоединилась.

– Или ты могла бы нам рассказать о звездах, о всех этих чудесных созвездиях, обо всем, что знает Нетти. Скажи нам, где Собачья звезда? Или как найти Большую Медведицу. В каком направлении я увижу Венеру в это время года?

Уилф схватил Донну за руку.

– Прекрати, Донна, ты сбиваешь ее с толку.

– В этом и мысль, – сказала она ему. – Вот зачем Доктор это делает, ускоряет замешательство.

– Но Нетти... ты делаешь Нетти больно!

Уилф не мог пошевелиться. Он знал, что Донна и Доктор знали, что делали, но от этого не переставал хотеть, чтобы они перестали. Хотеть сделать что-то, кроме того, чтобы так использовать и злоупотреблять Нетти. Но он не делал. Потому что, как он однажды прочитал в газете в колонке с советами, «иногда величайшее благо может придти из самой малой боли». На самом деле в ней, наверное, говорилось «жизнь полна напастей», но он решил интерпретировать ее так.

Он просто ненавидел это.

На одну крошечную-крошечную секунду он почти ненавидел Доктора и Донну за то, что они делали это так... легко.

Затем он принял решение.

– Когда начнут падать звезды, – начал он тихо петь, – О, Боже! Что за утро. О, Боже! Что за утро... – его голос слегка надломился, он откашлялся и начал снова. – Когда начнут падать звезды – о, Боже! Что за утро! О Боже! Что за утро. Когда начнут падать звезды...

Осторожно и тихо отозвался голос Нетти.

– О, грешник, что будешь ты делать, когда начнут падать звезды... о, Боже! Что за утро...

Уилф потянулся к ее руке и взял ее, пытаясь в это время спрятать свои слезы.

В этот раз Доктор не отстранил его. Уилф начал медленные спотыкающиеся танцевальные шаги с Нетти, и оба они тихо пели вместе песню, которую она так любила.

Доктор отвел ее немного назад.

– Теперь все зависит от твоего дедушки, – прошептал он.

– Ты помнишь, где мы впервые услышали эту песню? – сказал Уилф Нетти, когда они танцевали. – Кто ее пел? Как звали человека, который принес нам ужин? Ты помнишь машину, серебряную и сияющую? А когда ты в первый раз водила Роллс-ройс? А что я сказал в конце, когда мы ехали по улицам и смотрели в то чистое, прекрасное небо? А помнишь...

– Я... Я не могу... Не помню... Я Мандр... Мандрагора... Я буду управлять вселенной... как-нибудь... Я не могу...

– Ты – Генриетта Гудхарт, – мягко сказал Уилф. – И ты больна, так ужасно, ужасно больна, и я так боюсь, что потеряю тебя, и я не хочу тебя потерять. Пожалуйста, останься.

– Уилфред?

Доктор и Донна сейчас же оживились, когда Нетти произнесла его имя.

– Ты Уилфред... а я – Нетти... нет, я Спираль Мандрагоры, и я... О, Боже! Что за утро...

Уилф крепко прижал ее к себе и обнял сильнее, чем он когда-либо кого-нибудь обнимал с тех пор, как умерла его любимая Эйлин.

– О, грешник, что будешь ты делать, – спел он в ответ.

– Моя голова... Я не понимаю... Я ничего не помню... – Нетти оттолкнула его. – Почему я не могу вспомнить? Это нечестно... Это нечестно! Я ничего не могу вспомнить... Нечестно!

Голова Нетти опрокинулась назад и она посмотрела на потолок, подняв обе руки вверх в том направлении, куда она смотрела. Остальные видели, как кричащий фиолетовый, голубой и красный свет взревел из ее тела, полностью испарив пространство в потолке, когда энергия Мандрагоры изверглась из человеческой формы Нетти и унеслась в небо.

Затем шум и свет прервались.

Мандрагора исчезла.

Руки Нетти беспомощно и вяло опустились, а ее голова накренилась вперед.

Уилф подошел, чтобы поймать ее, но Нетти просто встряхнулась и взглянула на него с широкой улыбкой на лице, узнав его.

– Уилфред? – она оглядела гостиничный пентхауз, увидела идеально круглую дыру в потолке, потом заметила Доктора и Донну.

– Вот это да, – сказала она. – У меня снова была вечерняя спутанность? Куда же это я на этот раз ушла?

– Ты, Генриетта Гудхарт, – улыбнулся Доктор, – только что пасла планету Земля. Ты замечательна.

Донна слегка толкнула его локтем.

– Ага. Да ты и сам не так бесполезен, пришелец.

Сотня миль. Тысяча миль. Миллион миль. Перемещаясь почти со скоростью мысли, сломанная бестелесная Спираль Мандрагоры проносилась по вселенной, крича внутри; ее разум разваливался, пытаясь найти дорогу домой.

Но где был дом? Конечно же, он был... Нет, он... Где был дом? Где было здесь?

Кто я? Что я? Почему я?

Кто... что... где... как...

Я мыслю, следовательно, существую...

Я мыслю, следовательно...

Я мыслю...

Я...

Что такое «я»...

Ничего...

«Я» это ничто...

Я...

Я...

я...

...

..

.

В столовой Донна взяла на себя ответственность, и вскоре у нее все расслабились и разобрались, что было облегчением для Доктора – она была намного лучше в этих эмоциональных вещах, чем он. Что было прямо сейчас еще более важно, она умела врать гораздо убедительнее, говорить, что все это было частью компьютерного вируса, разосланного МорганТеком, и что они могли вернуться домой, как только настанет светлое время суток.

Доктор сделал пару быстрых звонков людям, которых он знал в высшем свете (или, может быть, в низшем) и объявил, что кто-то очень скоро прибудет, чтобы дать всем авиабилеты и бронирование первого класса, куда бы они ни хотели лететь.

– Это Англия, – пробормотал старый американец. – Я всегда мечтал приехать в Англию. Как же я сюда добрался?

Доктор не мог ответить и вместо этого обманул его и его милую жену, сказав, что он обеспечил для них возможность остановиться в отеле (не в этом, слава Богу) в центре города, и у них есть путевка на семь дней, чтобы исследовать город. «Сядьте на поезд, посетите Бат, Уорик или остров Уайт.

– Или Халл, – добавила Донна.

– Донна, зачем они захотели бы поехать в Халл? Что они вообще захотели бы увидеть в Халле?

– Не знаю, – сказала она. – Я никогда не была в Халле. Но я всегда думала, что он звучит интересно.

– Там красиво, – присоединился Уилф. – Я ездил туда однажды на выходные, посмотреть матч. Катался на лодке.

Доктор сдался.

– Хорошо, – сказал он американцам. – Съездите и в Халл. Там есть лодки. По-видимому.

Пожилая пара ушла, бормоча о Халле, а Доктор обратил свое внимание на студентов. Трех парней и девушку.

– Что случилось с профессором? – спросила девушка.

Два парня позади (о, такая пара, решила Донна) кивнули, но другой человек выглядел удрученно.

– Он умер, правда?

Доктор кивнул.

– Итальянец? Да, мне жаль.

Студенты уставились друг на друга.

– Не вижу никакого смысла возвращаться в Италию.

– Я вижу, – сказал парень поменьше, посмотрев на другого.

Аааа, подумала Донна.

– Мы должны там по крайней мере довести работу до конца, – сказал третий парень.

И группа удалилась, бормоча между собой.

Грек оправдывался и говорил, что у него нет воспоминаний о том, что он сделал, но догадывался, что что-то нехорошее. Доктор объяснил, что это

была не его вина, что ему следует вернуться обратно к семье и забыть про Лондон. Мужчина, бормоча, ушел.

– Допустим, он сделал что-то там, в Греции? Допустим, сделал кто-то из них? Или все они? – спросила Донна.

– Я не могу во всем разбираться, Донна, – вздохнул он. – Мы можем только надеяться, что, что бы ни случилось в их прошлом, если что-либо и случилось, они могут с этим смириться. И вряд ли они на самом деле вспомнят.

– Ты думаешь о своем друге в Копернике, так ведь?

– Один из них убил его. Сломал ему шею. Наш греческий друг, наиболее вероятно, но я не полицейский. И я не могу ничего доказать.

Донна размышляла над моралью этого, когда запищал ее мобильный телефон. Сообщение.

– Мисс Оладини, – Донна помахала мобильником перед Доктором. Она прочитала сообщение.

– Она в порядке? – спросил Доктор.

– Она в восторге. Что ты сделал?

– Не знаю, о чем ты.

– Доктор?

– Ну, может, пока я столько раз все улаживал с ЮНИТом, я, возможно, мог и упомянуть, в каком долгу мы все перед ней.

– Она пишет, – улыбнулась Донна, – что ее статус гостя обновлен, и что теперь она может приезжать и уезжать, как ей заблагорассудится. Больше никакого скрывания. О, и она еще говорит, что у нее есть кошка Долли и что ты знаешь, что это значит.

Доктор широко улыбнулся.

– Они молодцы.

– Я думала, ты не очень любишь кошек.

– Мне всегда нравилась Долли. И она заслуживает хорошего дома.

– Доктор? Сколько других людей Мадам Дельфи использовала и потом выбросила?

– Человечество было лишь инструментом для Спирали, а инструменты используются и бросаются.

– Как Нетти?

Доктор заметно вздрогнул.

– Извини, – сказала Донна. – Это было ниже пояса.

Доктор посмотрел на свою подругу.

– Но правдиво и честно. И мне пришлось рискнуть, Донна. Раньше я мог бы это сделать с меньшей сознательностью.

– Боже, – с притворным ужасом сказала Донна. – Что я с тобой сделала?

Доктор был серьезен. Он взял ее руки в свои.

– Ты сделала меня лучше.

Донна вырвалась из его рук, прибегнув, как всегда, к своим стандартным шуткам.

– Не трогай то, что не можешь позволить, пришелец.

Они смотрели, как Уилф и Нетти направились к главному помещению для приемов.

– Давай отвезем их обратно к твоей маме, а?

Донна кивнула.

– Значит, ты тоже идешь? Я имею в виду, ты же знаешь, какая она.

Доктор кивнул.

– Ага. Более старая версия своей дочери.

– Эй! – засмеялась Донна и взяла Доктора под руку. – Идем, пришелец. Ты победил сонтаранцев, пайровилей и людей-рыб с Кандалинги. Я не думаю, что моя мама на самом деле такая страшная.

– Не думаешь?

– Нет. Если только сегодня не понедельник. По понедельникам у нее кошмары. Сегодня понедельник?

– Сегодня и правда понедельник.

Донна обняла его покрепче.

– Значит, моя очередь тебя защищать, да?

Пятница

Спустя несколько дней человечество справилось, как оно всегда и делало, и стало жить дальше. МорганТек официально обанкротился и выгорел, его генеральный директор и руководящий персонал заочно объявили банкрот.

М-ТЕК был аннулирован и разрушен. И был отправлен ордер на арест Дары Моргана до тех пор, пока не будет установлена правда о его личности (или, по крайней мере, о факте, что он *не был* Дарой Морганом), после чего все дело о МорганТеке вошло в компетенцию ЮНИТ и исчезло из поля зрения общественности. Люди, охраняющие кратеры, очнулись, совершенно сбитые с толку из-за того, почему они здесь. Их арестовали, но, без сомнения, всех освободили, как только был вовлечен ЮНИТ.

Семья Ноубл направлялась к Королевскому Планетарному Обществу – у Уилфа, наконец, был ужин и честь Именования. Нетти была с ним, она суежилась вокруг Сильвии и готовилась, примеряя шляпы с угрожающе большими перьями и смеясь над глупостями вместе с мамой Донны.

Уилф и Доктор благоразумно сбежали в садик за домом, пили чай и вполголоса обсуждали разные приключения Доктора с «роботами-людьми из космоса», и каждый рассказ обычно кончался шумным хриплым смехом.

Донна прошла через стеклянные двери в сад, чтобы успокоить их.

– Мама поинтересуется, о чем вы говорите, и тогда игра кончена.

– Тогда не будем рассказывать ей правду? – Доктор поднял бровь на них обоих.

Дед и внучка быстро бросили друг на друга взгляд, и за ним последовало хором: «Ты с ума сошел?».

– Она точно убьет тебя на этот раз, – сказала Донна.

– После того, как убьет меня за то, что хранил секреты, – согласился Уилф.

Доктор пожал плечами и переменял тему.

– Что ж, о сегодняшней маленькой шумной вечеринке. Во сколько вы отправляетесь?

– Мы уезжаем в семь, – сказала Донна.

Доктор открыл рот, чтобы возразить, сказать, что меньше всего он бы хотел еще одного ужина в Королевском Планетарном Обществе, очередной возможности быть высмеянным доктором Кросслендом или втянутым в

долгую тоскливую беседу о рисовании пальцами или ужасающем отсутствии портновского изящества с Ариадной Холт.

– Замечательно, – сказал он без энтузиазма. – Мне, может, понадобится забежать в ТАРДИС, чтобы, эмм, переодеться в другой костюм.

Донна покачала головой.

– Ты остаешься здесь, сынок.

– Здесь?

– Здесь.

– Никакой ТАРДИС? Никакого костюма?

– Никакой ТАРДИС, никакого костюма, никаких срочных звонков от принцессы Леи, внушающей, что ты – ее единственная надежда. – Донна сгребла чайные кружки. – Еще чаю?

Доктор кивнул.

Появилась Сильвия с телефоном у уха.

– Правда? – говорила она. – Ну, его, должно быть, украли во всей этой суматохе с огнями и всем остальным... О, ладно. Ну, *это* несколько нечестно – надеяться, что кто-то украдет твой фургон, чтобы получить страховку. Ну, хорошо, увидимся позже. Пока, целую.

Она выключила телефон.

– «Transit» мистера Уэбба украли – выяснилось, что он этого и хотел, оставил в нем ключи и все такое, чтобы он мог требовать страховку. По-видимому, он перевернулся и сгорел где-то в Ист-Энде. Я не знаю, некоторые... – она взяла в руки что-то еще и опустила перед Уилфом.

Это была разорванная напололам кипа брошюр о домах престарелых.

– Думаю, Нетти должна переехать сюда. К нам, – она дотронулась до щеки Уилфа. – К тебе.

Уилф встал и обнял свою дочь.

– Нет, – сказала Нетти, которая стояла за всеми ними и выглядела великолепно в своей самой последней шляпе. – Мой ум теперь яснее, в первый раз за очень долгое время. Но я не могу сюда переехать, Сильвия.

– Почему? – спросил Уилф.

– О, дорогой, милый, – подмигнула ему Нетти. – Ты делаешь меня счастливой, но я не дуручка. Было бы хорошо остаться с тобой, пока я в здравом уме. Но если... *когда* я ускользну снова, вы двое не приспособлены справиться со мной. Напряжение, давление – это не справедливо по отношению к вам. К любому из вас.

Она собрала разорванные брошюры.

– Хотя, если это вас обоих устраивает, я бы не отказалась, если бы вы меня подбросили к нескольким из них, посмотреть, найдем ли мы тот, который понравится нам всем.

Сильвия коснулась руки Нетти.

– Это громадное решение, – сказала она. – Ты уверена? Потому что я говорю то, что сказала, не только чтобы быть милой. Я думаю, что тебе следует быть здесь, быть частью семьи.

Нетти посмотрела на Доктора.

– Что думаешь, Доктор?

Доктор посмотрел на Сильвию, затем на Донну, потом на Уилфа. Потом снова на Нетти.

– Я думаю, Генриетта Гудхарт, что вы мудрая, разумная, сильная дама, которая знает, чего хочет лучше, чем мы все понимали, и сделает так, как правильно.

Он стащил чайные кружки из рук Донны.

– И я не семья, я честно хочу вежливо удалиться от этой беседы, так что я пойду поставлю чайник.

Он быстро зашел обратно в дом, вымыл кружки и наполнил чайник, смотря из окна кухни на группу в саду, и улыбнулся себе.

– Трусиска, – сказал тихий голос в дверях.

– Это жизнь твоих мамы и дедушки, Донна, – сказал он. – Ко мне ничего не имеет отношения. Семьи. Это *настолько* не мое.

Донна присоединилась к нему возле раковины, посмотрев из окна.

– Она кажется сейчас... такой уверенной в себе. Такой...

– Нормальной?

– Ну, я могла бы не использовать именно это слово, но да.

– Это не продлится долго.

Донна не посмотрела на него.

– Почему? Может быть, хранение всей этой энергии Мандрагоры очистило ее нейронную... всякую всячину, все уладило.

– Это Альцгеймер как минимум на второй стадии, Донна. Это распад, – ответил он тихо. – Лучше не становится, становится главным образом хуже. Боюсь, чудесного лекарства нет, никакого волшебного решения для Нетти. Ее разум немного похож на лобовое стекло. В некотором отношении Спираль Мандрагоры была автомойкой, на время очистившей его. Но в скором времени вся грязь, насекомые, пыль и царапины вернутся. Мне жаль.

– Это так неправильно.

– Да, неправильно. Но жизнь никогда не бывает такой удобной, как нам хотелось бы. Во вселенной есть миллион болезней, хворей и заболеваний. Если бы я верил, что что-то такое же злобное, как Мандрагора, могло бы стереть хотя бы одну из них, я бы отпустил ее. Я позволил бы остаться и делать что-то хорошее. Но для такого никогда нет каких-то чудесных лекарств. Жизнь не такая. Но это не должно останавливать людей, потому что однажды они найдут ответ.

– И это значило бы, что ты ошибаешься.

Доктор засмеялся.

– Да. Это иногда случается. И иногда мне нравится это. Я бы хотел найти способ помочь ей, но я не могу.

– А что насчет дедушки?

– Он взрослый человек. Он принял рациональное взрослое решение заботиться о ней до тех пор, пока может. Это делает Уилфреда Мотта Очень Хорошим человеком в моем списке.

– И в моем.

– Может, нам нужно остаться ненадолго, помочь Нетти где-то обосноваться. Ты могла бы как следует провести время с семьей, со своей мамой.

Донна покачала головой.

– У нас сейчас все в порядке. Но на следующей неделе мы будем под пятой друг у друга, будем бороться, кричать и иронизировать.

Через окно они смотрели, как в саду Сильвия и Нетти пролистывают брошюры.

– Где же чай, а? – сказал Уилф за спинами Доктора и Донны.

– Дедушка, – вдруг сказала Донна. – Может быть, мне следует поставить тебя с мамой на первое место. Может, я должна остаться рядом, выручить тебя с Нетти.

Она посмотрела на Доктора.

– Бог знает, я скучаю по тебе и... всему этому... – она указала на небо. – Но, может быть, пора немного повзрослеть.

Уилф обнял Донну.

– Дорогая, что делает тебя счастливой?

Не моргнув глазом, Донна посмотрела на Доктора.

– И ты думаешь, я был бы счастлив, зная, что я ответственен за то, что ты все это бросила? Думаешь, Нетти была бы?

– Но ты и мама, я нужна вам...

– Может быть, но мы уже некоторое время нормально справляемся. Лучше я буду знать, что ты там, с Доктором, делаешь для других планет и народов то, что ты сделала на днях для Земли.

– А Нетти?

Уилф грустно улыбнулся.

– Она больна, в конце концов, она умрет. И я тоже. И твоя мама И никто из нас никогда не увидит и не сделает тех чудесных и волнующих вещей, которые сделала ты. Болезнь Нетти может забрать ее через пять лет или на следующий четверг. Она может и пройтись перед домом 18 до ботанических садов Кью. Я не позволю ее болезни или нашей грусти о том, что тебя нет рядом, перестать жить той жизнью, которую ты выбрала. Там. С ним.

Доктор обнял Донну.

– Я присмотрю за ней.

– Лучше тебе быть правым, приятель, или будут неприятности, помнишь? – Уилф выключил чайник, когда он начал кипеть. – Слушай, я обещаю – я, твоя мама и Нетти – мы по-прежнему будем здесь, когда ты наведишь наш в следующий раз. Я не позволю Нетти куда-то уйти, кто-то должен поддерживать меня на верном пути.

Уилф начал делать чай.

– Ты превосходная женщина, Донна Ноубл, – сказал он. – И я горд, что знаю тебя и люблю. – Он поцеловал ее в щечку.

– А теперь вызови такси, я не буду рисковать с вождением твоей мамы после того, как она выпила пару бокалов хереса сегодня вечером.

Он передал им обоим кружку чая и поднял свою в тосте.

– За семью. И за узы, которые нельзя разрушить.

Однажды... (Повтор)

На холме шел дождь, постоянный стук капель ударял по огромному зонту для гольфа, как пули по жестянке. Сказать по правде, дождь шел везде, но вверху на холме, здесь, небольшой участок был единственным местом, где Уилфреда Мотта действительно интересовало то, что прямо сейчас идет дождь.

Он уставился на звезды, на свою звезду, которая все еще была там, больше не возвещая о разрушении Земли, человечества или кого-нибудь.

Ни даже Нетти.

– Как она? – сказал он, услышав за собой шаги, устало тащившиеся через сырой участок.

Рядом с ним была Сильвия, она держала его термос, проверяя, насколько теплым был в нем чай.

– Мне нужно было принести тебе еще один термос, – сказала она. – Мы не ходили ее навещать. Донна со Сьюзи Мейр, а я не могла не уйти от этого в сторону.

Уилф посмотрел на свою дочь. Было что-то...

Она протягивала ему конверт.

– Немного поздно для почты, дорогая, – сказал он.

Сильвия ничего не сказала, она просто помахала конвертом перед ним.

Уилф взял его. Без марки, переданный из рук в руки и адресованный «MAME».

– Люкас Карнес передал его сегодня днем. Он сказал, что она сказала ему это сделать через шесть недель после того, как он в последний раз увидел Донну, несмотря ни на что.

– А Донна его видела?

Сильвия покачала головой.

– Она была наверху, сидела в интернете. Даже не слышала звонка. Люкас сейчас живет в Рединге. Думаю, Доктор разобрался с этим для них. Люкас думает, что она все еще... – Сильвия показала на звезды. – Он думает, она все еще там, с ним. Нет причин отравлять его надежды, так ведь?

Уилф обнял свою дочку.

– Мы пройдем через все это, милая.

– Мы должны пройти, разве нет? Ради Донны, я хочу сказать.

– И ради Доктора.

– Кто теперь за нами приглядывает, пап? – внезапно сказала Сильвия. – Я имею в виду, мне он никогда не нравился, но даже я знаю, когда я не права. Он спас мир, сделал Донну счастливой. Он не раз спас нам жизнь. Но если она не с ним, его связь с этой планетой, что заставляет его возвращаться сюда, заботиться о нас?

– Потому что он так добр, – сказал Уилф. – Потому что он – Доктор и, когда он будет нужен нам, он придет. Это то, что он делает.

– Но что, если нет? Я хочу сказать, раньше я чувствовала себя в безопасности. Я не знала о сонтаранцах, Мандрагоре и далеках. Незнание хранило нас всех в безопасности. Но теперь мы все знаем, что Вселенная гораздо больше, чем мы. Чем ты или я. Или даже Донна.

Уилф вновь посмотрел на звезды, просто на случай, если чудесная старая ТАРДИС пролетит мимо.

Ничего.

– Ну, кто-то всегда будет.

Он открыл письмо.

Сильвия встала.

– Ладно, принесу тебе другой термос. Скоро вернусь.

И Сильвия потянулась, чтобы поцеловать ее в щеку, но вместо этого тяжело и, честно сказать, слишком крепко его обняла.

– Я люблю тебя, пап, – тихо сказала она.

И она ушла.

Донна была не единственной, кого изменил Доктор, немного грустно и в то же время немного счастливо подумал Уилф. Сильвия Ноубл в эти дни была более стойким человеком, с учетом всего. Так что же в этом письме ее сегодня ночью так... растрогало?

Он сунул руку в свою сумку и достал маленький галогенный фонарик, которым он пользовался, чтобы читать свои книги по астрологии, когда он был на улице вечером.

Конечно, он узнал почерк.

Донны.

Его милой, умной, храброй, прекрасной Донны.

Дорогая мама

Ты спрашивала меня, чем я занимаюсь. Что Доктор и я делаем. И я соврала. Прости. Я сказала тебе, что он был ремонтником, что мы ездили

по стране и чинили вещи. Что я была его личным секретарем. Это неправда. Конечно, неправда, и я не уверена, поверила ли ты мне в любом случае, ты же моя старая мама, ты сообразительней этого. Помнишь, что всегда говорила Нанна Мотт? Нельзя таить секреты, потому что секретов не бывает. Кто-то всегда знает – иначе кто изначально тебе расскажет секрет? Это точно.

Ну, пару лет назад я плыла по течению. От работы к работе, от места к месту – слава Богу, что я получила ту работу в H.C. Clements. Слава Богу, что дала тебе пилить себя до тех пор, пока я туда не устроилась (даже если это на самом деле и не была работа, которую вы хотели, чтобы я делала) – не то что бы я тебе сказала тогда об этом, конечно, о нет. Это слишком легко освободило бы тебя от ответственности.

Но я рада, что ты это сделала, мама. Потому что так я и познакомилась с самым фантастическим человеком (нет, не с бедным Лансом; однажды я расскажу тебе правду о нем, обещаю).

Я встретила Доктора. Он инопланетянин, мам. Но я думаю, ты об этом догадалась. Не уверена, почему ты его особо не любишь, но часто задаюсь вопросом, не потому ли, что он забрал меня, и думаю, что отчасти ты не можешь принять того, что он – единственный, кто действительно изменил меня. Сделал меня счастливой. Сделал меня лучше.

Извини, неправильно получилось. Я не виню тебя. Ты подарила мне лучшую жизнь, это правда. Но он показывает мне, что есть что-то большее.

Ты спросила меня, как надолго я собираюсь остаться с ним. Навсегда. Что в его роду занятий может означать что угодно. Но я не вернусь домой в ближайшее время. Обещаю, я буду наведываться чаще и писать больше открыток. И постараюсь чаще звонить. Ты не поверишь, что он сделал с моим мобильным – все остальные выглядят как консервные банки с веревкой.

Нет, мы не «пара» – в нем нет ничего романтического. Он мой друг. Он мой лучший друг. Надеюсь, я правильно это тебе объясняю. Я не могла сказать об этом тебе в лицо, я должна была это написать.

Я собиралась сделать это в виде речи, но потом подумала, раз ты любишь письма, я напишу письмо. В первый раз написала письмо, которое не закончилось на «С уважением» со времен блузки тетушки Морин. Сколько мне было, четырнадцать? Ты знаешь, чем это обернулось – не думаю, что я писала так много с тех пор!

Он обо мне заботится, мам. Ты должна доверять ему. Я доверяю. И я надеюсь, что, если буду ему доверять, то будешь и ты. Дедушка доверяет. Он знает – и, пожалуйста, не кричи на него, это я заставила пообещать его не рассказывать, что мы делаем. Потому что ты бы волновалась.

О, мам – видела бы ты то, что вижу я. Мы были в местах, в мирах, будущем и прошлом, о которых ты могла только мечтать. Я думаю, половину из них я выдумала, потому что они не могут быть настоящими. Но они настоящие. И куда бы мы ни пошли, мы изменяем ситуацию. Мы наводим порядок, делаем людей счастливее. Вот что такое Доктор. Он находит способ для вселенной быть понятой. И я люблю его за это. Потому что он самоотверженный, и я думаю, это немного передается мне, но, конечно, недостаточно, потому что мне следовало бы знать, как тебе было больно. Мне следовало бы знать, что просто придти домой на годовщину папы не было достаточно.

Я нужна вам, но ему я нужна даже больше.

И это ужасно, потому что я люблю тебя, мам, и то, что я могу быть здесь ради тебя, неправильно, но мне нужно, чтобы ты поняла причину, по которой я здесь не чаще.

Я буду продолжать путешествовать с Доктором на другие планеты, другие миры и встречать инопланетян и прочие вещи, хорошие и плохие, потому что я наконец-то живу своей жизнью. Все эти годы я

ждала кого-то, похожего на него, и никогда этого не осознавала. Но сейчас я поступаю правильно. Я чувствую себя живой.

И он будет заботиться обо мне так же, как я буду заботиться о нем. Верь мне, когда я говорю, что я в безопасности и всегда буду в безопасности. И если что-нибудь со мной случится (но лучше бы нет, потому что я вернусь и буду вечно преследовать его тощую маленькую жизнь), я знаю, что он не оставит вас гадать. Он расскажет вам, как бы трудно это для него ни было. Потому что он понимает, каково быть одиноким и как это неправильно, и не думаю, что мой маленький пришелец пожелал бы этого кому-нибудь.

Я люблю тебя, мама, и к тому времени, когда ты получишь это письмо (допустим, что Люкас сделает то, о чем его попросили), меня уже снова давно не будет. Но в этом радость быть с Доктором. Я могу вернуться прежде, чем вы узнаете. Шесть недель могло пройти для меня, для вас – шесть минут.

Присмотри за дедушкой. И за милой Нетти – она хороша для него, и я думаю, теперь ты это знаешь. Она не пытается быть заменой Нанне Эйлин, она альтернатива. И это дает ему заняться чем-то еще, кроме того, чтобы сидеть всю ночь на сыром участке.

Я очень тебя люблю, и скоро увидимся.

Д

xxx

Прочитав письмо еще два раза, Уилф поцеловал подпись и аккуратно положил его обратно в конверт.

Он подумал о Докторе, о том, что Донна сказала про одиночество. И вспомнил тот печальный – такой, *такой* печальный взгляд на его лице в дожде тем вечером.

Он принес ее домой. Он посмотрел им в лицо, и Донна знала, что он сделает это.

Хотя Сильвия тоже в чем-то была права. Без Донны, чтобы возвращать его сюда, где была гарантия, что он спасет Землю в следующий раз?

Слишком легко было сказать: «Ну, кто-нибудь это сделает». Может быть, кому-то еще пришлось бороться и быть готовым к тому, чтобы иметь значение.

Так что Уилф встал и уставился на звезды, чувствуя, как по его лицу капает дождь.

Он отдал честь ночному небу.

– Не знаю, там ли ты, Доктор, охраняешь ли нас. Но думаю, что да. Потому что я думаю, что это ты и делаешь для всех, в каждом мире, везде. Но я полагаю, что нам нужно и самим учиться стоять на своих ногах. А не принимать тебя, как должное.

Он стер дождь с глаз – по крайней мере, он решил сказать, что это дождь. Если его кто-то спросил бы.

И Уилфред Мотт перевел взгляд с участка на Западный Лондон вниз, освещенный всю ночь.

Никакие инопланетяне не вторгались, никакие суперкомпьютеры не разрушали жизни.

И он подумал о дружбе.

– Возвращайся скорей, Доктор, – пробормотал он. – Не только когда мы в тебе нуждаемся. Загляни как-нибудь на чашечку чая.

Благодарности

Эта книга в ваших руках только потому, что Джастин Ричардс и Стив Трайб (редакторы исключительные) работали очень усердно, чтобы она оказалась здесь. Я очень, очень им благодарен. Больше, чем они себе представляют.

Выражаю благодарность Расселу Т. Дейвису, который наставил меня на правильный путь с Донной и Уилфом, Ли Байндингу за его вдохновляющую обложку, Джеймсу Норту в Отделе художественного оформления «Доктора Кто» за его исследования и следующим людям, которые действительно поддерживали меня в своем уме, когда я терял самообладание: Джон Эйнсворт, Эдвард Расселл, Бен Браун, Линдси Алфорд, Брайан Минчин, Даррен Скот и особенно Джо Лидстер.